

Григор
НАРЕКАЦИ

Книга
скорбных
песнопений

ԳՐԻԳՈՐ ԿԼԵԿԼՅԻ

ՄԼՏՅԸՆ

ՈՂԲԵՐԳՈՒԹՅԱՆ

Григор НАРЕКАЦИ

Книга скорбных песнопений

ПОЭМА

*Перевод с древнеармянского
Владимира Микушевича*

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1985

С/Арм/І
Н28

Предисловие
ЛЬВА ОЗЕРОВА

Перевод осуществлен по подстрочнику, подготовленному
научными сотрудниками Матенадарана

М. ДАРБИНЯН И Л. ХАНЛАРЯН

Оформление художника
СЕРГЕЯ ГЕРАСКЕВИЧА

Н 4702080100-398 93-85
028(01)-85

© Предисловие, перевод, оформление. Издательство «Художественная литература», 1985 г.

ПОЭЗИЯ ДУШИ СКОРБЯЩЕЙ

«Книгу скорбных песнопений», созданную тысячу лет назад Григором Нарекаци, армяне уже давно — столетия назад — стали называть просто «Нарек». В одном слове соединилось имя автора, его книга и место рождения — Нарекский монастырь, где жил, мыслил, учил и творил великий поэт.

Интерес к этой книге среди всесоюзного и мирового читателя не только не уменьшается, а возрастает. Это уже не «испытание временем», а истинное признание бессмертия.

«Книга скорбных песнопений» предстала перед изумленным читателем как памятник мировой литературы, как одно из глубочайших проникновений в тайны человеческой природы, человеческого духа. Книга, созданная как исповедь перед богом, как покаяние в грехах своих, является по существу исповедью перед самим собой и Человечеством, грандиозной картиной душевной жизни Человека, картиной его борьбы за свое совершенство. Духовные, нравственные искания поэта находят отклик в сердце современного читателя, созвучны гуманистическому устремлению нашей жизни. Интерес к Григору Нарекаци — явление куда более масштабное, чем интерес только к автору и его книге.

Великий литературный памятник армянского народа, как и все примечательные памятники других народов, по духу демократичен. В книге клокочет народный гнев против феодального угнетения и социальной несправедливости. Разумеется, все это облечено в традиционную для того времени форму молитвы. А в какой иной форме мог выразить человек десятого века свое отношение к миру? Естественно, Григор Нарекаци использует библейскую символику. Однако он переосмысливает библейские образы, причем настолько, что они решительно отходят от церковной догматики.

Тем не менее церковники на протяжении веков старались перетянуть это уникальное творение на свою сторону. На-

род Армении оставил его себе как свое величайшее духовное достояние.

В труднейших исторических условиях нашествий, резни и погромов армяне сохраняли книгу Григора Нарекаци от забвения и порчи. Она стала символом духовного возрождения и высокой поэзии. Она выразила потребность народа в совершеннейшем образце его духовности, поэтичности, моральной высоты.

Книга не смогла бы уцелеть и давно была бы забыта, если бы в ней имелись только проповеди и нравоучения. Народ сумел прочитать Григора Нарекаци не как обрядовую молитву, а как глубокую исповедь личности, поэтически выразившей тягу к человеческому совершенству, к познанию мироздания и окружающей действительности, высоких законов человеческого существования и закономерностей развития личности.

И на всех крутых поворотах истории народ обращался к заповедной и заветной книге Григора Нарекаци.

Советский народ является наследником всей культуры человечества. В орбиту этой культуры входит и книга Григора Нарекаци.

Мы храним и реставрируем храмы давних веков, любимся скульптурами, росписями на стенах. Но существуют храмы не только в архитектуре. Они есть и в музыке, и в поэзии. Поэзия Григора Нарекаци — это храм. Охраняется государством.

* * *

О жизни поэта мы знаем немного. Рамки жизни Григора Нарекаци — между 951 и 1003 годами. В самом начале второго тысячелетия этот монах, величайший из армянских поэтов, за год до смерти закончил свою «Книгу скорбных песнопений».

Григор Нарекаци родился в области Рштуник, на южном берегу озера Ван. Жизнь поэта вписывается в эпоху освободительной борьбы армянского народа против арабского гнета. В последней четверти IX века Армения восстановила свою независимость. Наступил столетний период сравнительно мирной жизни. Но понятие «мирный», как отсутствие войны и междоусобиц, не исключает борьбы классовой, идеологической, противоборства идей.

Как раз в эту пору страну всколыхнули крестьянские восстания. Историки называют одно из самых крупных восстаний тондракийским — по месту, где возникло оно — село Тондрак. На первый взгляд это было восстание против церковной иерархии. Но по существу своему оно являло собой протест против феодального гнета. Повстанцы-тондракийцы бунтовали против креста и церкви, отрицали бессмертие души и загробную жизнь, ратовали за достойную человека жизнь на земле.

В поэме Григора Нарекаци проступает дух бунтарства, протест против неравенства, сословного угнетения. В строках поэта за недовольством собой прочитывается и недовольство действительностью, дух критики, то есть дух активный, действенный.

В этом человеке жило бесстрашие правды, без которой нет реалистического взгляда на мир. В этом человеке жило также бунтующее романтическое начало, без которого нет гордого порыва в будущее, желания раз и навсегда распрощаться со скорбным прошлым. Оба эти качества оказали могучее влияние на весь ход армянской литературы.

В центре внимания поэта, автора «Книги скорбных песнопений» — Человек. Недаром уже в наши дни Паруйр Севак писал, что Григор Нарекаци «один из немногих на свете, которого можно назвать Человековедом».

Поэзия Григора Нарекаци показывает сосредоточенность личности на себе, на своих отношениях с внешним миром, на совести, на чести, на вере и безверии. Поэт увидел, что и в нем самом, в человеке, идет война не менее жестокая и изнурительная, чем в пору междоусобиц и войн между странами, народами, условиями, классами.

Интересы Григора Нарекаци выходили за рамки христианского богословия, которое он изучал в монастыре. Он занимается светскими науками, математикой и философией, музыкой и астрономией, иностранными языками и историей.

При Григоре Нарекаци уже были созданы храм Сурб Хач на Ахтамаре, соборы в Ани, Аруч (Купольная колокольня), Кармравор, Татев, Севанский монастырь, Гндеванк, замечательные миниатюры, произведения литературы, философии, историографии, ученые труды в разных областях науки.

При нем ярко расцвело самобытное искусство армянской книжной живописи, за три с половиной века до него выстроен Звартноц — шедевр средневековой архитектуры. Но главное — уже пятьсот лет армяне читали и писали на родном языке, используя письмена, созданные Месропом Маштоцем, который и перевел Библию.

В переводах этого культурного памятника разные языки держали испытание на зрелость. Может ли национальный язык заменить, скажем, греческий или латинский, способен ли он служить духовным потребностям данного народа. Это испытание было толчком для дальнейшего творчества на родном языке. Так случилось с Месропом Маштоцем. Столетия спустя — с Кириллом и Мефодием, Лютером и другими.

В это же время получило особый размах развитие устного народного творчества, появился монументальный памятник —

народный эпос «Давид Сасунский», который драматическим поиском смысла и правды жизни приближается к общей проблематике исканий Нарекаци.

«Книга скорбных песнопений» написана на древнем армянском языке — грабаре. Вот почему сейчас армяне читают ее в переводе на современный армянский язык. Это обстоятельство накладывает определенный отпечаток на ее восприятие.

Конечно, «Книга скорбных песнопений» — достояние армянского народа. Но пути к пониманию ее, истину мы должны искать сообща, выходя за национальные рамки.

Дистанция величиной в тысячелетие делает всех нас равными перед ликом Нарекаци. Суждения о Григоре Нарекаци представителей культуры разных народов позволяют говорить о том, что поэт давно и полноправно переступил пределы своего отечества и своего времени. Споры об иноязычных переводах Нарекаци сливаются со спорами о переводе его с древнеармянского (грабара) на современный армянский язык. Мы познаем Григора Нарекаци сообща. Но ведь и Шекспира в Москве знают не хуже, чем в Лондоне. Толки и споры о русском воспроизведении Григора Нарекаци становятся актуальными для нашего переводоведения, для практики и теории перевода. Отсюда возможность существования нескольких переводов, множество прочтений передают то одну, то другую особенность оригинала, разные переводы, споря друг с другом, приближают нас к сути, к познанию подлинника. Поэтому естественно, что «Слово о полку Игореве» имеет десятки переводов, то же можно сказать о «Гамлете» Шекспира, что делаются неоднократные попытки представить русскому читателю поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Чтение Нарекаци нельзя назвать легким, как не назовешь таковым чтение поэм Гомера, Вергилия, Мильтона, Данте. Нужны духовные усилия и некоторая подготовленность. Говорю «некоторая», имея в виду то, что людям, знающим мифологию и знакомым с памятниками древнерусской культуры, понимать Григора Нарекаци легче, чем тем, кто лишь бегло знаком с этим художественным богатством.

Поэма Нарекаци — огонь в одежде слова. Силе духа равна сила слова.

Когда начинаешь читать Григора Нарекаци, ощущаешь, что погружаешься в некий речевой поток. Ты вошел в него, и ты движешься в нем и вместе с ним. Это ощущение речевого, стихового потока, где есть все — чистейшие донные струи, пена, щепка, грязь... Отсюда — обилие смысловых и звуковых значений и повторов, многократных зачинов и разработок, отсюда та повторяемость и вариационность, которые столь свойственны эпосу, Библии, Баху, Нарекаци. На наш, современный, вкус можно было бы со-

кратить количество накапливаемых глаголов или других вариационных повторов. Но тем самым мы подорвали бы основы поэтики Нарекаци. Образы у него наплывают друг на друга, как волны. Например, в Песне семьдесят первой следуют друг за другом до восьмидесяти образных синонимических выражений. Да, это поток, это следование друг за другом речевых и стиховых волн. Вошедший в эти волны читатель не может не почувствовать, что Григор Нарекаци был не только религиозным человеком, но и религиозным фанатиком, однако в этом своем качестве он вряд ли бы остался в веках, вряд ли бы пережил самого себя. Почему же остался? Потому что его разум, его сердце бились над смыслом человеческого бытия, над трагедией истории человечества, над безднами духа. Донельзя растревоженный молитвой, самоуничтожением и жадой совершенствования, он вплетал в строки Священного писания свои скорбные песнопения. Эта фанатичность приходит в кричащее противоречие с реальной жизнью, создавая конфликты, исторгающие из его души лирические исповеди, предвещающие поэзию Возрождения.

Из кипящей словесной лавы страдающего Григора Нарекаци рождаются великие страсти и помыслы, исполненные человечности и поэзии.

Стих Григора Нарекаци — это стих древних писаний и песнопений.

Процесс отторжения светской литературы от духовной проходил долго и мучительно, во всяком случае, это был процесс не столько внутри словесности, сколько внутри всей идеологии, всего мироощущения.

В своей книге Григор Нарекаци предстает как жертва и палач, свет и тень, побежденный и победитель, грешник и праведник. Армянская церковь причислила Нарекаци к лику святых. Она с тем же правом могла бы причислить его к разряду еретиков, ибо именно он открыл и, отвергая, поэтически утвердил многие и разные «греховные» стороны человеческой природы, оказавшиеся столь же присущими ей, как и светлые, «святые» ее свойства. Это не две половинки одного существа. Это звезда о двух ядрах. Это одно существо, раздираемое противоречиями, оно всегда бьется «на пороге как бы двойного бытия», — по образу и по слову Тютчева.

Нет греха, в котором не признавался и не каялся бы Григор Нарекаци. «Я расточил свой талант» (гл. 23), «Я не горяч душой, и не холоден я» (гл. 26), «Весь век берег себя, а благом своим пренебрег» (гл. 55), «Мы порабощены, ибо совращены» (гл. 55), «Идол идолом я» (гл. 54).

Несовершенство человека Григор Нарекаци стремится раскрыть и снять не столько молитвой, сколько исповедью, познанием сути вещей. Греховность не покрывает понятия несовершен-

ства, а составляет только часть его. Это сознает поэт и обнажает это несовершенство человека с предельной полнотой.

Как достойно прожить жизнь, как спасти душу, не пасть в «грехах», как быть в гармонии с миром и с самим собой,— над всем этим Нарекаци думает напряженно, до изнеможения. Думает наедине с самим собой, с глазу на глаз со своей совестью. Он растворен в мире, мир растворен в нем. «Я во всем, и грехи всех во мне» (гл. 75).

Литература исповедального типа основана на стремлении человека выразить себя, свое отношение к миру, уяснить для самого себя свою сущность и сущность мира. Исповедь — сильнейшая форма самопознания, без которого нет поэзии, нет искусства вообще. Исповедь глубже молитвы, исповедь — динамика, молитва же — статика. В исповеди человек хочет быть выше себя и только так он может стать собой.

Как лирик Нарекаци глубоко аналитичен. Он строит образ на антитезе, смело выявляя светотень бытия:

Помолюсь и от бога удалюсь,
Пощусь и совращусь,
Разбегусь и споткнусь,
Повинюсь и провинюсь,
Покорюсь и разъярюсь,
Вперед рванусь и в страхе оглянусь,
Свет и тьму смешав, тьмою соблазнюсь

(гл. 71).

Здесь каждый период — тема для трагедии и драмы. Григор Нарекаци щедро раздаривает дары своего скорбящего сердца. Он душевно богат, несметно богат.

Поэт столь многообразен и необъятен в своих наблюдениях над человеческими возможностями, их противоречивыми сопряжениями, что его причисляли к тем или иным философским направлениям мысли. Один ученый причисляет поэта к мистикам, другой к неоплатоникам, третий — к пантеистам и даже носителям элементов диалектического мышления.

«Люди — сотворенные боги, так как их порождает гармония, ими же созданная».

Человек сотворен. И он же — творит. И его творение выше его. И человек стремится стать выше своего творения. Сила чувства берет верх над религиозной доктриной, догмой, морализированием. Поверженный человек, человек, стоящий на коленях, поднимается на ноги и, борясь, взмывает к неведомым высям. И в этом движении — движение мира. Движение — в строительстве личности, в зодчестве, в творчестве. Григор Нарекаци прославляет десницу, руку «в разветвлении перстов», руку, благодаря которой человек преуспел «в искусстве и ремесле» (гл. 46).

Когда мы слушаем мессу Баха, или читаем эпос Гомера, или разглядываем картину Рембрандта на библейскую тему, мы погружаемся не в сферу религии как таковую, мы устремлены к человеку, его судьбе, его духовной жизни. Это же происходит и при чтении Григора Нарекаци. Все чувства и страсти, мысли и помыслы, побуждения и мечты этого поэта служат совершенствованию природы человека, возвышают его духовный потенциал.

Человек возвеличен. В этом смысл Книги Нарекаци.

Поэт далек, очень далек от довольства собой: «Наставляю других, но сам я неопытен, всегда учусь и никогда не постигаю истину», а постижение истины — главная забота его.

Нарекаци славит Разум.

Он знает:

...без кормчего не поплывет корабль,
Если сноровки нет,
Любая соха плоха;
Без людского ума мало быкам ярма (гл. 54).

Человечность бога и божественность Человека — противоположности, стремящиеся к единству в поэзии Нарекаци.

В личном местоимении «Я» у Нарекаци умещается бездна смысла. В нем прежде всего выстраданное право говорить исповедально от собственного имени. Помимо этого и сверх этого: понимание того, что это «я» вслед за поэтом может повторить и повторяет несметное число индивидуумов. Иногда это расширительное «я», так же, впрочем, как и «мы», носит риторический характер. У Григора Нарекаци поэтическая, человеческая индивидуальность (читай: характерность) столь велика, что она не растворяется в многократности, в массовости.

Собственно, в «Книге скорбных песнопений» нет водораздела между «я» и «не я». Говоря о себе, поэт говорит и о других. Этих «других» так много, что можно сказать — он имеет в виду всех.

«Я каждый из них», — говорит поэт, и его «я» обретает характер «ты», «он», «мы», «вы», «они», характер всеобщности. Личное сублимирует энергию всех. Каждое «я» носитель греха. Множества грехов. Но «я» всенародное выступает как единство. И как единство, как целостность оно свято. Отдельное «я» может любоваться этой целостностью, святостью, этой гармонией. Но ею мало любоваться, ее надо обрести. Обретая гармонию, человек тщится ее удержать. Но не может, его удел — раздвоенность: «Два солнца с двух сторон, одно из них черное, другое палит огнем».

Принято думать, что в книгах духовного происхождения человек принижен, прибит, выглядит рабом. Можно, конечно, найти подтверждения этой версии, как можно найти и доказательства

противоположной. Человек верит в чудо и способен на чудо, он может приблизиться к божественному (читай: совершенному). Величие человека, воспетое Данте, Микеланджело, Рафаэлем, Леонардо, Бахом, выросло из духовных представлений. Человек в соборе, слушающий хорал и произносящий молитву, был в наивысшем своем выражении Художником, Композитором, Поэтом.

Песнь во славу Человека имела свое развитие. Надо отметить, что ее истоки в народных песнопениях и духовной литературе. Раб господний возмечтал приблизиться к богу, воспарить к совершенству. Нарекаци проходит этот путь. Его традиционное духовное песнопение становится со временем нетрадиционным светским песнопением о многоликом, противоречивом, греховном, земном Человеке.

«За все на свете я в ответе» (гл. 72). Этот, можно сказать, героический мотив возвеличивает человека, — не только скорбящего, но и жаждущего истины и правды.

Современный человек, понимающий, сколь велика угроза уничтожения мира, не прячущийся от сложных проблем времени, повторяет эти слова древнего поэта как свои собственные.

Внутренняя свобода исповеди диктовала Григору Нарекаци свободу от стилевых и стиховых предписаний. Он ищет слово для возвращения сути, отсюда каскады синонимов, неистовство в поисках этих синонимов «в присутствии» слушателя, читателя. Это не желающий быть стройным, но стремящийся быть убедительным монолог — молитва-исповедь. Герой поэмы-трагедии кается в грехах своих, сознавая, что и то и другое — и грехи, и покаяния «равно к гибели ведут» (гл. 10). И сознавая это, он жестоко страдает. Но, страдая, он познает себя и мир. Самопознание Нарекаци достигает огромной силы и глубины, намного опережает свое время. За три века до Данте и за шесть веков до Шекспира он дал душе Человека представления о нем, не умещающиеся ни в аду, ни в раю.

«Книга скорбных песнопений» — лирическая трагедия в форме монолога. Действующие лица — Григор Нарекаци. Место действия — его душа. Время действия — вот это мгновение и вечность.

В поэме можно найти прототипы многих жанров литературы — от лирического отступления до драмы. Находим мы здесь и «Памятник». Обращаясь к богу, поэт просит: «Книгу сию утверди, как памятник вечный». Будучи смертным, рассуждает Нарекаци, поэт примет кончину, однако в книге своей он пребудет вечно живым.

Книга сия голосом моим, будто это я,
Пусть вопиет вместо меня,
Распространяет сокровище,
Разглашает тайное...

И в конце концов: «Душа моя зазеленеет вновь и вновь расцветет».

В ряду поэтических Памятников (Горацием начатых) вышается и этот, сотворенный Нарекаци. Надежда — уверенность, обращенная поэтом в будущее, оказалась пророческой. Его книгу принял народ, ее переписывали, ее спасали во время нашествий вместе с детьми, ею врачевали, ею напутствовали новобранных...

«Слово мое — образ души моей» (гл. 54). Это значит, что между замыслом и воплощением нет стены. Воплощение следует за замыслом, переводит его из сферы непознаваемого в сферу познанного, словесного, смыслового, образного.

От исповеди к проповеди, от проповеди к исповеди движется речь Григора Нарекаци. Он хочет прежде всего душевной сосредоточенности и прямоты. Он не чужд риторике, но она составляет как бы торжественную часть, своего рода официальный пласт, самый отвлеченный. Но основа «Нарека» — душевный мир Человека. «Горе мое», — говорит он, опережая исповедальную лирику своего времени. Личностная окрашенность повествования определяет стиль и структуру исповеди Нарекаци. Этот стиль поддерживается личностным же цитированием то библейских, то народно-фольклорных, то общефилософских тезисов, образов, афоризмов, далеко не всегда отличимых друг от друга.

Исстрадавшееся, ранимое, уязвленное сердце поэта нередко прячется за узорочьем образов и словесных построений. У Григора Нарекаци за привычными словосочетаниями скрыта непривычная впечатлительность, боль за себя и за все человечество. Он прорывается к другой душе сквозь стены слов, метафор, восклицаний, сквозь стены времени и пространства.

Нанизывание определений, эпитетов, синонимов, параллелизмов превращает стихи в перечни, списки, каталоги, несчетные жемчужины на нескончаемой нити. Это прием давний. Достаточно вспомнить библейские перечни и «Размышления» Августина, списки кораблей в «Илиаде». Здесь есть своя поэтика, своя диалектика, своя стилистика. У Григора Нарекаци эти перечни и противопоставления служат для обнажения противоречивых сторон бытия и души:

Учат меня, а я глуп;
Кличат меня, а я глух;
Будят меня, а я сплю;
Трубят — я не слышу труб;
Бьют меня — я терплю;
Зовут меня, а я труп (гл. 54).

Витийство во всех его разновидностях, поток образов, понятий, определений, слов столь велик, так полно и реально выра-

жает он напряженность и постоянство душевной жизни автора, что насыщенность его, стремление к исчерпанности нередко приводит к молчанию. Насытись словами, поэт умолкает в надежде, что его душа, мерцавшая за словесными рядами, вошла в другую душу, в сознание читателя или слушателя.

Для Григора Нарекаци важно пробиться к истине. Слово — стена. Но слово и ворота, которые можно и нужно прорубить в стене. Слово накаляется, слово преодолевает себя самое, оно перестает быть средостением, оно дает ощущение слиянности душ.

Паруйр Севак определял наши чувства, чувства почитателей поэта, словами его же — Григора Нарекаци: «Нерасторжимо далекий и неразделимо близкий», сравнивая его с горизонтом, который всегда остается недостижимым и совершенным.

Первое читательское ощущение: это — грандиозно! Как при выходе к морю. Как при виде низвергающегося вулкана!

Если это лирическая исповедь, то сколь она пронзительна (можно вспомнить Руссо, Толстого). Если это эпос, то сколь он одухотворен (можно вспомнить Гомера, Данте, Фирдоуси).

Поэт понимал воспитательное, целительное для души значение своей книги: «Исцели души тех, кто читает ее с сердцем чистым» (гл. 3).

Он по праву называет себя Бодрствующим. Что стоит за этим? Его имя. Григор, Григорий (греческое Григориос и означает «Бодрствующий»). Это подпись.

Бодрствует автор (именно он), чтобы жил Человек, совершенствуясь, чтобы жизнь человеческого духа не оскудевала. Бодрствующий не произносит этого слова, но зато дает образ Совести в Человеке. Бог для Григора Нарекаци, поэта X века — абсолютная Совесть мира, Человек только относительное, несовершенное воплощение этой Совести. Но осознание своего несовершенства и стремление преодолеть его делает человека динамичным — по отношению к статичному явлению бога. В этом — важное открытие Нарекаци.

Свою книгу автор рекомендует, как у нас бы сказали, самому широкому читателю: «И тем, что в первую пору жизни вступили, и тем, что находятся во второй, именуемой возмужалостью, и старцам немощным, чьи дни подходят к концу, грешникам и праведникам, сердцам самодовольным и тем, что корят себя за прегрешения» (гл. 3).

Поэт подбирает слово для обозначения процесса создания книги. Он перебирает синонимы: «сочинил, обосновал, построил, упорядочил, воздвиг, сложил, связал, подготовил...»

Каждое из этих слов годится для обозначения процесса создания «Книги скорбных песнопений». Неперечисленные здесь

глаголы поэт как бы предлагает дополнить читателю. Он только указывает на множественность обозначений.

Попытки перевода «Книги скорбных песнопений» Григора Нарекаци на русский язык имеют свою историю. Новая попытка, совершенная В. Б. Микушевичем, это попытка передать существенные грани великого оригинала: ораторийность, сочетаемую с исповедальностью, близость к старинным церковным песнопениям. Переводчик старался передать полифонию Григора Нарекаци: смуту души, мятеж, скорбь, гнев, мольбу, жажду самопознания, постижения смысла жизни, высших начал ее.

Переводчик часто меняет стилевые и интонационные регистры. Это закон большого искусства. На смене регистров — от трагедийного до бытового, от патетики до лирики — проявляется сила изобразительных средств художника.

В одном случае переводчик использует афористический стих, скрепленный рифмой русских пословиц и поговорок, разговорно-афористичный, подвижный. Например: «Нынешний день как тень, вчерашний день — тайник, завтрашний день — тупик» (гл. 55).

В другом случае более торжественную, раздумчивую кантилену со звуковыми подхватами и перекрытиями:

Проказой заражена, обитель мысли моей
Оскоблена была, то есть обличена,
Облечена в божественный чистый свет,
Глиной обмазана, то есть освящена,
Убелена, но не исцелена;
Рукою зодчего она сокрушена (гл. 2).

Переводчик пробирается к истине древнего иноязычного оригинала через исторические слои русского языка (что сейчас в порядке вещей), привлекая для прочтения наши древние литературные памятники. Насколько удачна оказалась эта попытка — судить читателю. Ясно одно — каждое новое переводческое прочтение великого оригинала добавляет нечто существенно важное в обе национальные поэтические культуры. Можно надеяться, что новый перевод Нарекаци не только вновь привлечет внимание к великому произведению, но и вызовет новые варианты его переводческого осмысления.

Язык поэзии, как и язык музыки, воспринимается не только печатными знаками. Общение поэтов, общение веков и характеров идет и интуитивно.

До знакомства с поэмой Нарекаци мы слышали легенду о Нарекаци. Друзья-армяне читали его строки наизусть, делали прозаический перевод и в отчаянье заключали: мол, невозможно передать. И в этом отчаянье был тоже — Нарекаци.

Все говорили о нем, как говорят о Байроне и Гёте: непередадим и неисчерпаем.

И имя Нарекаци стало звучать для нас как заклинание. Из тьмы веков смотрят на нас огромные, понимающие, хочется сказать — всепонимающие и страдающие — глаза этого человека.

Его стон — это песнь. Его песнь — это стон.

Нарекаци горюч и целебен в горе.

У него все крупно, все на размер вселенной и души, равной вселенной, потому что эта душа объемлет вселенную.

Он иссушает себя в жажде совершенства и в невозможности достичь его.

Вспоминается наш Пушкин.

В стихотворении «Воспоминание» он не ведая того переключается с Нарекаци.

...с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю...

Известно, что Толстой относил эти строки к числу лучших пушкинских строк. Они выражали и его, Толстого, состояние души, и отношение к жизни прожитой.

Григор Нарекаци прикасается к самым воспаленным сферам бытия, к самым болевым точкам человеческого сердца. И его мольба — «сочувствуй мне и будь мне как врач» — полна глубокого гуманистического смысла.

Жизнь и Смерть — вот два героя поэтической драмы Нарекаци. Он между ними. Пальцы гения он влагает в раны человека и человечества. И исторгает стон-песнь, песнь-стон. Его откровенность и делает его истинным летописцем души скорбящей.

В нашей стране и в нашу эпоху, когда совершенствование физической и духовной природы человека, воспитание нравственных чувств личной ответственности поставлены на высоту государственных задач, роль такой могучей книги, как книга Григора Нарекаци, взывающая к высшим моральным ценностям, может оказаться необычайно конкретной и большой. Истинная, достойная человека жизнь, здоровая совесть и незапятнанная честь, личная ответственность, взыскательность друг к другу и к себе самому, нравственный максимализм, т. е. субъективные факторы существования, приобретают, как все признают, все большее практическое значение. Это не отвлеченные вопросы философии и этики, это насущнейшие задачи времени. Поэзия Григора Нарекаци со своей стороны удовлетворяет эту духовную потребность наших современников и поэтому ее значение трудно переоценить.

Лев Озеров

**Книга
скорбных
песнопений**

Глава I

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Скорбного сердца стон, вопль жалобы моей,
К тебе, всеведущий, в мольбе возношу;
В пламень отчаянья, палящего душу мне,
Плоды вожелений моих ввергаю, верный тебе:
Родительница грехов, кадельница — воля моя.
Не лучше ли, господи, уничижение мое,
Чем всесожжение, благоуханный, жертвенный дым?
Служенье мое в сопряжение моих словес
Милостиво прими, не казни меня;
Тучный мой грех готова сжечь моя речь,
Вечно дымясь, томясь, к тебе стремясь
Из глубины, где мысли мои погребены,—
Слово мое, мой жертвенный жар, мой дар.
И когда я начну с тобой тяжбу мою с мольбой,
Не сочти ее дерзостной, суетной, как дань,
Как нечестивую длань Израиля, тянущегося к тебе,
О чем Исайя, мир потрясая, вопиет,
Или как вину Вавилона, как сам Вавилон,
Чей урон возвещен псалтырем,
Но мольбу мою милостиво прими,
Как ладан, угодный тебе
В скинии* святой,
Которую царь Давид воздвиг, обновив,
Восстановив кивот завета в бою;
Так бы тебе обрести, так спасти бы душу мою.

* С к и н и я — шатер, в котором находился кивот (ковчег) завета, здесь и далее прим. перев.

* * *

Но так как суд страшит всех тех, кто грешит
И в долине мщенья нет прощенья грехам,
Твой грозный глас потряс меня в скорбный час,
И мне на горе в раздоре страсти мои,
Распря душу крушит, расправу вершит;
Мечутся мысли, мечами вооружась;
Друг друга кляня, клинками бьются добро и зло,
И смерть пленяет меня,
Как будто не для меня твоя благодать,
А с благодатью твоей
Сравнив Моисеев закон,
Павел, который всем апостолам предпочтен,
Превознес Христову благодать.
Но если, господи, близок твой суд,
Как пророк предрек,
Если Кедрон или Иосафат
В теснине, где подсудимые все, как один,
Ныне являют грядущую вечность мне,
Значит, готов снизойти ко мне бог во плоти,
А перед ним я грехам своим обличен,
Ибо, пособник злейших зол, я превзошел
Едомитян, филистимлян, исчадье земли,
Которых смелі удары кары его.
Был приговор жесток, но был приговору срок,
Тогда как моя беда навсегда:
Я столько нагрешил, что себя надежды лишил:
Ужас, яма, петля,
Как предостерег пророк,
Стоит порог мне переступить, покарают меня,
Ибо себя обрек я на вечный стыд.
Всевышний, недосягаемый, ты один
Даруешь нам чудотворный бальзам;
Прибежище омраченных, удрученных душ,
Искупитель, исцелитель, спаситель, хвала тебе! Аминь!

Глава 2

**Стих, коим возобновлен стон того же бодрствующего,
в скорбях своих, в словах своих, в мольбах своих
упорствующего*.**

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Когда твоя плоть вопиет: «Господь!»,
А вера без дела мертва
И пустые слова до господа дойдут,
Когда сердце к Египту обращено давно,
Кому мне тебя уподобить, скорбя,
Многогрешная, безутешная моя душа?
Я преступник, чей дом — гибнущий Содом.
Я ниневит, который бога гневит.
Я изнеженный варвар, заблудший блудник,
Царицей южской посрамлен;
Я гнусней Ханаана в мерзкой грязи,
Я страшней Амалика в зверстве моем,
Я город, неизлечимый в идолопоклонстве своем.
Я последыш Израиля, мятежного с давних пор,
Я наследник вероломной Иудеи, преемник ее,
Я гнуснее Тира,
Я сквернее Сидона,
Я злее Галилеи,
Я грешнее неверного Капернаума;
Неправ я, как Хоразин,
Как Вифсаида, лукав;
Я, как Ефрем, бесстыдник седой;

* Каждая глава, начиная со второй, имеет такую надпись. Ценность этой надписи в том, что она подтверждает авторство Григора Нарекаци.

Я — голубь, но я не кроток, а просто глуп:
Кто недалек, тот упрек на себя навлек.
Отпрыск львов, я змей по природе своей;
Как яйцо ехидны, ядом являюсь я;
Я зримый след бед, поразивших Иерусалим;
Как бог судил и как свидетель подтвердил —
С богом разлучена, моя скиния обречена;
Разорена сокровищница моя,
Которая была речью одарена.
Свой родовой удел я бросить успел,
Когда был еще цел воздвигнутый богом чертог,
Что подтверждал пророк Иеремия, Моисей, Давид.
Проказой заражена, обитель мысли моей
Оскоблена была, то есть обличена,
Облечена в божественный чистый свет,
Глиной обмазана, то есть освящена,
Убелена, но не исцелена;
Рукою зодчего она сокрушена.
И всемогущий велел грехам положить предел;
Мой дом пошел на слом, гниет среди нечистот,
И поверженным злом никто теперь не прельщен.
Грехами соvrащен, зарыл я свой талант,
Лукаво скрыл его, как несправедный раб,
Согласно Евангелию, смещен и не прощен.

* * *

Бог духов, ты, господь, животворящий плоть,
Как боговидец рек,
Ты справедлив, многомилостив, терпелив,
Как во время оно рек Иона святой,
Удостой завершенья приношенья мои,
Лишь бы не бесплоден, лишь бы тебе угоден был мой труд,
Книга молений, Книга скорбных песнопений моих.
Слезы словес проливать, слезами путь засеять,
Ступени в обитель твою, где, вседержитель, ты,
На урожай уповать, в рай к тебе поспевать,
Грехи преодолевать, чтобы возликовать,
Чтобы торжествовать в благом твоём снопе.
Лишь бы не оскудеть мне сердцем впредь, как Израиль
оскудел,
Лишь бы слезам моим не оскудеть,
Мои словеса, всемилостивый, услышь,
Прежде чем услышишь свои небеса,
А небеса услышат землю свою,

А земля услышит лозу, маслину, поля,
А поля преисполнятся пользы, народу вняв,
Ибо в раю молитва святых твоих
Обратит скорее душу мою,
Чем буйство стихий отвратит или укротит.
Ты творец, а я твоя тварь,
Я скуден, и мне в моей скудости несдобровать,
Если даровать не соизволишь ты мне,
Вняв скорби моей, целительный жар,
Как мудрый гончар, укрепив меня здесь,
Чтобы я, восприняв небесный свет,
Остался цел, не сгорел, как свеча.
У меня душа нищего,— как вопит, как скорбит певец;
У меня мощь маломощного; совесть гложет — изнеможет
жизнь.

Страшен твой суд, и тщетен мой труд;
Мне, рабу твоему, мольбу мою зачти;
Мне за мое убожество
Множество благ даруй;
Деянье мое, покаянье мое укрепи,
Слово мое духом твоим надели,
Ради моей души истину мне внуши;
Жизнь мою брENNую,
Презренную медь моего естества
Золотом благодати замени;
Жалкое железо мерзости моей
Медью ливанской немеркнувшей искупи!
Ты зачем сердце ничтожного ожесточил,
Зачем отучил бояться гнева твоего?
Лишь бы бесплодием не удручил ты меня,
Не благословив засеянных мною нив.
Да минует меня удел тех, кто вовек не созрел,
Кто затяжелел, а родить не сумел;
Кто скорбел, а плакать не смел;
Кто взмолиться хотел, а сам онемел;
Тучею тучнел, а дождем не прошумел;
Кто взлетел, а не долетел;
Бога воспел, а не преуспел;
Благоговел, а не уцелел;
Муки терпел, а судья не добрел;
Кто хотел обрести, а сам оскудел,
Жертву принес, а тук не сгорел;
Кто бога узрел, кого бог презрел.
Услышь меня прежде, чем воззову
К божеству, взыскаю подмоги твоей;

От вечной казни меня избавь,
Ибо вечность подводит итоги грехов моих.
Воскреси, благодетельный,
Внемли, многомилостивый,
Исцели, искушеннейший,
Спаси, сострадательный,
Вознеси, возвышенный,
Сохрани, всеведущий,
Осени, всевидящий,
Прости, правосудейший,
Отпусти грехи, всепрощающий,
Посети меня, всеобъемлющий,
Приюти, умиротворяющий,
Защити, всепобеждающий,
Обрати меня, праведнейший,
Причасти, воплотившийся,
Просвети, недостижимый,
Одари, совершеннейший.

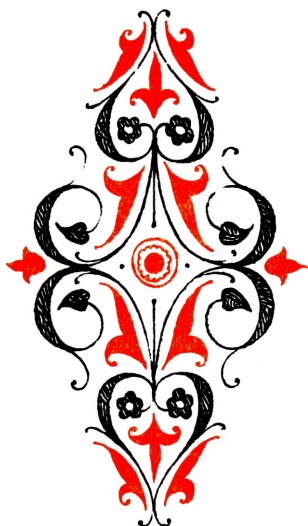
* * *

Стоит глянуть в грядущее мне,
Смерть грозит плоти, гибель — душе,
И спасет меня лишь твой взгляд, ибо ты свят.
Стоит ввысь мне взглянуть, ужасный виден путь,
Где душа от вражых тенет ускользнет
Лишь тогда, когда твой ангел приветит ее.
Когда почию, пречистый свет мне яви,
Чтобы блаженная душа, мне навстречу спеша,
К твоей любви приобщила меня.
Когда бы, отче, мне в отчаянье моем
Ниспослал ты праведного проводника!
Лишь бы ты сам, пречистый Спас, меня пас,
Лютому зверю не вверив заблудшей овцы!
Мертвому, мне бы грехами жизнь обрести,
Долгами спасти бы погибшую душу мне!

* * *

Как не благотворить вседержителю,
Как не целить спасителю,
Как не любить зиждителю,
Не утешать покровителю,
Не воскрешать промыслителю?

Как сгубить цветок твоей святости,
Как осквернить источник милости,
Как затемнить власы твои,
Как уронить венец лучистый твой?
Если блаженство благотворит
Там, где царит совершенство твое;
Ужели ты сам не всем даруешь бальзам,
Не все раны целишь, не всем спасенье сулишь,
Мне света не уделишь,
Когда озаришь весь мир?
Лишь ты безупречен, воистину вечен ты,
Днесь, присно, вовеки превознесен
За пределами племен, времен, миров. Аминь.

ГЛАВА 3

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Господи, боже мой,
Ты, всеблагой вездесущий царь,
Из ничего сотворивший все,
Неисповедимый, непобедимый, пресвятой,
Всесокрушающий, устрашающий всех и вся,
Непостижим, недостижим, неудержим,
Неуловим, неуязвим, невыразим,
Неколебим, незрим, неотвратим,
Созерцающий все, во всем осуществлен,
Проникающий все, во всем запечатлен,
На небесах восхвален, в преисподней силен;
Преславное бытие, рассвет, прогоняющий тень,
Луч без туч, заповедный свет,
Твердыня, святыня, чертог без тревог,
Печать, благодать, беспредельный взор,
Имя, в котором укор, отпор, приговор,
Услада, отрада, целебный хлеб,
Любовь, чей враг — вечный мрак,
Обетованье, в котором упование, дарование навек,
Благодеянье, сиянье, одеянье, которого не износить,
Устрашенье, свершенье, утешенье в скорбях,
Сокровище, которого не расточить,
Влага, блага, дождь, роса, чудеса,
Елей для вселенной всей,
Исцеленье в благоволеньи, здоровье, дар двойной,
Опора бесспорная, благотворная правота,
Врата для всех, кто осилил грех,
Царь, который готов умереть за своих рабов,
Для нищих покров,

Нескудеющий источник даров,
Путь, открытый для путных, исконный закон,
Уверенье в спасенье, зренье в прозренье, взгляд вне преград,
Карающая десница, дарующая длань,
Зов из рая, весть благая, всеблагая высь,
Имя истинной жизни,
Перст, властный над перстью, шаг благ,
Направление верное, целительная власть,
Наставленье нелицемерное, спасительная честь,
Неисчерпаемый замысел, непререкаемый суд,
Сокровенный отпечаток, начаток, цель,
Совершенный, неизменный, несравненный лик,
Мера безмерная, образ в прообразе своем,
Блистательный, сострадательный, благодательный дух,
Ликованье кроткое, целованье, целящее нас!
Даже главных глаголов не перечесть,
В которых, господи, явлен, прославлен ты.
Ты воссиял, ты создавал, ты учреждал, ты возвещал,
Ты даровал, ты исцелял, ты благословлял, ты наставлял,
В нас веру вселял;
Нас не чуждался, не заблуждался ты;
Нашу жажду ты утолил, благодать излил;
Сиянье сие, излиянье сие изъяснить бы мне,
Чтобы спасенье изведал я,
А ты как бы отведаль изысканнейших яств
Не потому, что моя хвала славы тебе придала,
Но потому, что мала моя хвала,
А ты велишь на великое уповать.

* * *

Скорбные песнопенья сложены мной,
Расположены в книге одной, что посвящена
Всем уроженцам, всем поселенцам земли,
Разным странам, всем христианам до одного;
Искушенный в грехах, мой сокрушенный стих —
Обличающий образ, явленный всем
Младенцам, юнцам,
Мужам, отцам,
Старцам, которых не станет вот-вот,
Презренным и совершенным,
Надменным и смиренным,
Гонителям и благодотворителям,
Малодушным и великодушным,
Подневольным и вольным,

Знаменитым и позабытым,
Безродным и благородным,
Худородным и высокородным,
Сыновьям и дочерям человеческим
Подвластным и полновластным,
Служителям и повелителям,
Известным и неизвестным,
Бесправным и самодержавным,
Всадникам и странникам,
Мужланам и горожанам,
Царям-гордецам, обузданным сердцам,
Пустынножителям, истым благовестителям,
Священнослужителям, усердным богочтителем,
Местоблюстителям и святителям,
Причащающим и рукополагающим,—
Дабы за меня молились одни,
Дабы другие исцелились, мне вняв,
Ибо всем я вверяю книгу мою,
Мои моления, наставленья духа твоего,
Ибо от бога подмога, чередующая мольбы,
Дабы рабы твои уповали в беде,
Взывали к тебе, чтобы чередой горестей людских
Стройно предстать пред тобой, пресвятой.

* * *

Чистосердечно читающим книгу сию
Чтение зачти, долги прости, грехи отпусти,
Слезами просвети, наставь и посети,
Чтобы спасти покаяньем душу чтецу.
И меня, господи, к сонму кающихся причти,
Зачти мне молитвы всех тех,
Кто моим стихом тебя почитит;
Их вопль, воплощенный в моем стихе,
Как ладан, прими,
И да почиет, боже, твоя благодать
На всех почитающих тебя, читающих сей стих.
Когда праведные отправятся к тебе,
Прими меня с ними, живыми, с моей мольбой;
Когда читающий слезы целительные прольет,
Очи мои ороси подобным дождем;
Когда молитвы мои молящихся умилят,
Паки и паки к покаянию приобщив,
К ним, спасенным, ты приобщи меня.
Когда книга моя в тайниках души породит

Тонет в море, стонет ковчег-человек,
Спаси человека крылами кормила сего,
Чтобы стремило кормило мое к тебе.
Чтобы с пути не сбивалась душа,
Чтобы, греша, исцелялась во плоти,
Обрати в целебное снадобье книгу мою,
Скорбный строй песнопений, что пред тобой.
Я начал, а ты, могучий, заверши,
Свой дух внуши моему труду,
В нем вечно дыши, мне даровав его;
Надежды не лиши страждущие сердца,
Ибо всех ты приемлешь и внемлешь всем. Аминь.

ГЛАВА 4

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Заговорил я с тобой, а дыханье мысли моей,
Грешная моя душа в твоих руках, пресвятой;
Ужас я испытал, и я затрепетал,
Я утратил покой, сокрушен я тоской,
Ибо ты бог живой, ибо гнев страшен твой,
И для речи людской ты недостижим,
Ты неотступный свет, неподкупный суд;
Каждый проступок мой взвешен тобой, творец.
Ужасны увечья мои, опасны раны мои,
Неисчислимы, неисцелимы вовек;
Искусал меня искуситель, чья пасть — напасть,
Совратившая, поглотившая душу мою;
К тому же, как Проповедник* рек,
Не оправдаться мне на последней войне
Ни правотой, ни красотой,
Ни наготой, ни пеленой,
Ни простотой, ни клеветой,
Ни хромотой, ни быстротой,
Ни чистотой, ни суетой,
Ни высотой, ни глубиной,
Ни стариной, ни новизной,
Ни прямою, ни кривизной,
Ни броней, ни родней,
Ни своей немотой, ни своей нищетой.
Ибо все, что затаено, пред тобою обнажено.
Я расточал все, что собирал;
Мой грех возрастал, конец мой настал;

* Проповедник — здесь царь Соломон.

Урон меня гнал, я, беглец, погибал,
Зла взалкал, добром пренебрегал,
Добродетель топтал, пороки насаждал;
Залог я потерял, сам себя покарал,
Смерть облюбывал, благой завет разорвал,
Спасителя огорчал, искусителя потешал,
Ангелов удручал, бесов увеселял,
Небеса омрачал, сатану привечал,
Разбойника ублажал, праведника обижал,
Захватчика защищал, свой удел расхищал,
Пречистого забывал, на нечистого уповал,
Христа отвергал, к Велиару прибегал,
Источники замыкал, скверне себя обрекал.

* * *

Не лучше ли тогда,
Как праведник рек,
Зачатия избежать,
Облика не обретать,
Чрева не покидать,
Света не видеть,
К людям не попадать,
Не вырастать,
Не расцветать,
Речи людской не знать,
Лишь бы не объял, не обуял грех,
Который так могуч, так жгуч,
Что расплавится скала,
Не то что брeнная плоть?

Когда бы снизошла на меня твоя благодать,
Которая, господи, в слове твоём:
Угоден богу, превосходен дар того, кто свят;
«Ибо я милости хочу, а не жертвы».
Вот истинное куренье в благодаренье тебе,
Ибо все — твое творенье, господь;
Явлен во всем, ты прославлен во всем. Аминь.

ГЛАВА 5

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Как это я, земной, исступленный, хмельной,
Ослепленный, в мирских делах нерадив,
Ничего доброго не родив, сделаюсь правдив?
Неужто отважусь я,
Чьи дела исполнены зла так, что нет грехам числа,
Неужто отважусь я пред тобою предстать?
Я подсудимый, а ты неисповедимый господь,
Непобедимый, неотвратимый, неодолимый бог!
В книге моей грехи мои изложив,
Не заслужив благодеяний твоих,
Я свидетельствую: ты могуч и справедлив,
А я лжив, укорен; я был бы приговорен,
Однако все еще жив, ибо ты мне помог,
По образу своему своей рукой сотворив.

* * *

Ты наделил меня красочным языком,
Оживил ты меня святым твоим лучом;
Умом одарил,
Умудрил добром,
Оградил своим божеством,
Со зверьем разлучил,
Мыслящим существом сотворил,
Самобытным естеством наградил;
Ты родил меня, ты был мне отцом,
Усладил меня молоком;
Ты хранил меня, став мне пестуном;

В раю земном ты меня взрастил,
Ты меня оросил живительным дождем;
Ты омыл меня в источнике своем,
Водою и огнем крестил ты меня,
Хлебом плоти своей кормил,
Вином крови своей поил.
Торжеством своим просветил,
Взору грешному свой образ явил,
Ясным днем своим озарил,
Мои персты из нечистоты
До себя допустил,
Меня, земную персть,
В сиянье облачил;
С твоим и моим всемогущим отцом
Ты меня породнил;
Не опалил ты моих уст,
Когда я тебя молил;
Не испепелил ты меня,
Когда я голод утолил тобой;
Не ослепил ты меня,
Когда обратил ко мне свой взор;
Не заточил ты меня
И не казнил до сих пор;
Не уязвил ты длани моей,
Когда я подаянья просил;
Не размозжил ты пальцев моих,
Когда слово я ощутил;
Не устрасил мраком ты меня,
Когда жертву я приносил;
Не сокрушил ты зубов моих,
Когда я вкусил тебя;
Не отомстил ты мне,
Когда я изменил тебе,
Как Израиль изменил;
Не осрамил ты меня,
Когда я кутил на пиру;
Не стыдил ты меня,
Когда в рубище я приходил;
Не скрутил ты меня,
Не переселил во тьму.

* * *

Так, бедняк, в изобилии благ,
Тобою одним храним,
Милосердием твоим убережен, пощажен, снабжен,

Я, негодный, бесплодный должник,
Среди заблудших в страстях наихудших погряз,
На благодеянья твои злодеяньями отвечал,
Помыслом, делом, душою и телом грешил;
Так во плоти отплатил я тебе
За щедроты твои, господи боже мой!
Это меня порицал Моисей,
Ибо я неразумен, безумен я;
Твою доброту попрал я, избрал суету,
Глумился над милостью, в мерзостях меры не знал;
Твое попеченье, излученье твое;
Твое сиянье, влиянье твоих начал,
Смерчем смел я, неистовый, омрачить.
Сколько раз ты протягивал руку мне,
Чтобы предостеречь, уберечь меня,
А я дерзал державой твоей пренебречь,
Как Израиль, обличенный пророком твоим.
Давал я обет не блуждать, угождать лишь тебе,
Но себе во вред нарушал завет,
Прежние ковы плел, на подъем тяжел,
Ибо прежнее зло завлекло меня.
Благодать я развеял, засеял сердце грехом,
И пленили плевелы сердце мое;
Притчи пророков мне велят причитать:
На гроздь я не горазд,
А терний не терпишь ты;
Я волчья ягода,
Пролаза вместо лозы;
Противному ветру ввериться я не прочь,
Он меня прочит в прах, порочит, морочит меня;
Я ухожу туда, откуда возврата нет,
Как блаженный Иов сказал.
Я на песке воздвиг чертоги безумия моего,
Направился в рай, но предпочел проторенный путь,
Заводящий в тупик;
Устремился ввысь, но бездна меня завлекла;
Уши себе я заткнул; слово жизни отверг;
Очи души закрыл, исцелением пренебрег;
С души моей не стяхнул тяготящего мертвого сна
Даже тогда, когда грянул трубный глас,
Возвещаая час последнего суда;
Не разбудила меня даже скорбная весть
О том, что горит уже огонь, испытывающий нас;
Дурмана глотнул я, смерть принял за сон,

Погибель мою проспал; гнушается твой дух тесной, телесной
скинией моей,—

А мой дух глух к благовещенью твоему.
Я сам себя сокрушил, удушил я душу мою,
Как проповедник рек.

* * *

На кого мне пенять, зачем сочинять
Смыслом скудные, нудные плачи весь век,
Если грехов не счесть, а заслуг нельзя мне зачесть?
Оскверненного, меня ты обновишь,
И казненного, меня ты оживишь,
Сыне божий, слава тебе. Аминь.

ГЛАВА 6

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Слез не сдержатъ, однако зачем продолжать
Мои моленья, скорбные песнопенья мои,
Если я, подавлен виной,
Не в силах слово мое раскалить,
Как железо, чтобы в язвах моих
Выжечь гибельный гной,
Не в силах палец в глотку ввести,
Чтобы облегчилась, излечилась душа,
Жалкий желоб для желчи дурной,

* * *

Если удел мой — отравя, а не слава святых,
На чьих устах ликование и смех,
Как прозорливец и псалмопевец рекли,
Обращусь ко второму чину, не премину назвать
Всех, подобных мне,
Хотя при моей вине
Их раскаянье
Превыше отчаянья моего.
Хвала Манассии,
Чьи злые дела
Моя хула превзошла;
Хвала фарисею:
Его молитва до бога дошла, а я разорен дотла.
Хвала блудному сыну;
Его вина не так тяжела, как моя.
Прокаженному Озии хвала;
Хвала разбойнику, которого вера спасла;

Хвала блуднице: она покаялась и цела.
Не посягали, господи, евреи на тебя
Так бешено, как я посягал;
Не отвергали богоборцы тебя
Так яростно, как я отвергал;
Не избегали создателя никогда,
Как я избегал тебя.
Не ожесточился фараон, как ожесточился я;
Не буйствует море, боясь берегов,
Как буйствую я, неба не боясь.
Мои грехи что пески,
Но не столь богата пустыня песком,
Как моя жизнь грехом и суетой.

* * *

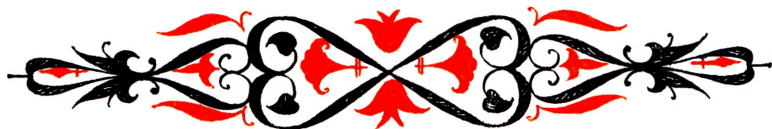
Много песчинок на берегу,
Однако песчинка песчинки не родит,
Между тем не исчислить грехов моих,
Ибо грех порождает грех:
Тот грех со своим ростком, а тот с отростком его;
Тот со своим пятном, а тот со вредом его;
Тот со своим шипом, а тот со стволом его;
Тот со своим нутром, а тот с плодом его;
Тот со своим листом, а тот с прутом его;
Тот со своим черенком, а тот с наростом его;
Тот со своим коготком, а тот с перстом его;
Тот со своим броском, а тот с торжеством его;
Тот со своим плутовством, а тот с ведовством его;
Тот со своим лицом, а тот с двуличьем его;
Тот со своим двойником, а тот с призраком его;
Тот со своим упорством, а тот с притворством его;
Тот со своим лукавством, а тот с коварством его;
Тот со своим обманом, а тот с капканом его;
Тот со своим склепом, а тот с вертепом его;
Тот со своим теченьем, а тот с гореньем его;
Тот со своим возмущеньем, а тот со смущеньем его;
Тот со своим зевом, а тот с чревом его;
Тот со своим воспаленьем, а тот с растленьем его;
Тот со своим блеском, а тот со всплеском его;
Тот со своим потоком, а тот с потопом его;
Тот со своим льдом, а тот с ледником его;
Тот со своим путем, а тот с тупиком его;
Пожар и жар его,
Огонь и вонь его,

Распад и смрад его,
Дурман и дурь его,
Супостат и разврат его,
Тать и рать его,
Урод и род его;
Гордец и льстец его,
Живоглот и приплод его,
Упырь и пир его,
Враг и мрак его.

* * *

Вот они соблазнитель, осквернитель всех душ;
Ни один из них не един; он легион.
Их тьму впору лишь тому исчислять,
Кто предстоящее, как настоящее, созерцал;
А кто проникнул себя самого,
Не отрицал собственной вины
И в себе самом человеческий род порицал,
Тот постиг, что возник из персти земной,
Совесью одной защищен,
И к нему обращен мой перечень грехов,
Чье коловращенье — обольщенье нашего естества;
Лишь некоторые из них я обличил,
Чтобы они свидетельствовали об остальных.

ГЛАВА 7

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Но чтобы вам уповать, а не тосковать,
Не горевать и не унывать,
Когда назвал я, когда обрисовал
Ползучие полчища незримых непримиримых врагов,
Наших присных, ненавистных, зачатых в нас,
Явив эту травлю, противопоставлю тьме
Оборону, урону препону, победителей, непобедимых вовек,
Чью правоту снести нам неумоготу,
Как неумоготу срывать
Иные наливные плоды,
Как будто пролагаешь, преодолеваешь путь
И нельзя отдохнуть;
Воины сатаны бывают сокрушены
Лишь горячими струйками горчайших слез,
Лишь неуловимым вздохом сокрушенной души;
Так юркие черви, в земле плодясь,
Истязают и ускользают, исчезают в земле,
Лишь в елее увязают, лишь в зельях кое-каких
Не выживают, изнывают они;
Так на южном ветру мгновенно тает лед.
Множатся грехи, подобно червям,
И уничтожатся, как лед в жару.

* * *

Однако чего мне ждать, меня не судить нельзя,
Не осуждать меня нельзя, слово против меня;
Нельзя меня камнями не побить,
Как неисправимого подсудимого, чья вина ясна,

Ибо я один грех казню, другой дразню,
Одному греху грожу, другой рожу на горе душе.
Я дурное дерево,
Тлетворный цветок;
Я сорный кустарник,
Яд — вино моей вины;
Я не из колена Иудина, мой праотец Хам,
Как сказал пророк Даниил;
Я исчадие ада, не чадо небес;
Мой позорный удел — мрак, а не свет;
Отрава моего состава разъедает меня;
Я союзник притворный, а ты жалуешь меня;
Я непокорный, а ты милуешь меня;
Я богохульник упорный, а ты прощаешь меня;
Я вздорный насмешник, а ты защищаешь меня;
Я раб лукавый и ленивый
По слову твоему;
Я бесспорный искусник во всем худом,
Пророком обличен;
Я, проворный в злодействах,
Твой свет благотворный на тьму променял;
Как бес, я хитрю небесному царю наперекор:
Я скорбь оскорбленного мною творца.
Я не уверен в истинном пути,
Не верен обету своему,
Бездарен, когда нужно дарить,
Неблагодарен, когда одарен;
Предан я врагу, предан мною господь.

* * *

Горе мне, преступному!
Оскорбил я творца своего.
Горе мне, сыну пагубы!
Позабыл я душу свою.
Горе мне с талантами заемными!
Тьма талантов сулит мне тьму.
Горе мне, грехом обременному!
Кто успокоит меня?
Горе мне, расточителю злостному!
Страшен заимодавец бог.
Горе мне, горицвету горячему!
Гарью пахнет в аду.
Горе мне, памятующему:
Стрелы гнева горят!

Горе мне, запомнявавшему:
Явного не скрыть!
Горе мне, злополучному!
Я тку, подобно пауку,
Горе мне, тучному!
Червь, терзая меня, не умрет.
Горе мне во хмелю погибели!
Казна моя — вечная казнь!
Горе мне, обреченному
Покинуть свою плоть, когда господь — судия!
Горе мне со светильником гаснущим!
Негде еля взять!
Горе мне, удрученному!
Не допущен я на брачный пир.
Горе мне, помраченному,
Когда в ужасе внемлю я
Слову непререкаемому:
«Знать не хочу тебя!»

ГЛАВА 8

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Куда же тогда побегу я, погибель узрев,
Когда греху-врагу в заточенье привержен я,
Как я ни лгу, в долгу я весь,
Попробуй взвесь такое множество долгов.
Закон безжалостнейший, грех губительнейший,
Ангел блистательнейший, судья праведнейший,
Суд справедливейший, приговор суровейший,
Страх невыносимейший, палач беспощаднейший,
Приказ уничижительнейший, позор очевиднейший,
Поток неистовейший, пламень яростнейший,
Мрак непрогляднейший, дым тягостнейший,
Смрад отвратнейший, гнет безнадежнейший,
Ад неоступнейший, лед несокрушимейший,
Удел заслуженнейший, я виновнейший.
Подобной казни за мои козни сподоблюсь я,
Я, худший из людей, блудодей, лиходей,
Посев ядовитый, плодovitый злак зла;
Вот плод забот,
Что сулит он тебе,
Поправшему правоту, замаравшему чистоту,
Оболгавшему доброту, обокравшему простоту,
Впавшему в нищету, хотя дух святой щедр;
Нечестие творя, разгневал ты царя.

* * *

Обнаружив страсти, напасти свои,
Язвы свои незаживающие обнажив,
Признав, что тебе смерти не избежать,

Сам ты себя завлек в ловушку, в силоч,
Так что бежать напрасно пытаешься ты,
Насильник среди смиренных,
Сладострастник среди причастников,
Охальник среди печальников,
Наемник среди наследников,
Гасильник среди светильников,
Раскольник среди толковников,
Крамольник среди наставников,
Преступник среди заступников,
Привередник среди проповедников,
Сплетник среди собеседников,
Изгнанник среди избранников,
Развратник среди девственников,
Бражник среди стражников,
Ослушник среди послушников,
Безбожник среди праведников,
Причудник среди разумников,
Чревоугодник среди угодников,
Невольник среди сановников,
Притворщик среди молельщиков,
Спорщик среди советников,
Бездельник среди тружеников,
Покойник среди благовестников,
Заложник среди соплеменников,
Соромник среди скромников,
Христорадник среди привратников,
Растратчик среди добытчиков,
Отступник среди исповедников.

ГЛАВА 9

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Какие мне еще упреки записать,
Что мне еще вписать в мой завет,
В Книгу молений, в Книгу скорбных песнопений сих,
Когда, нищая душа моя, голос твой иссяк и стих,
Когда пора держать ответ,
А тебе никак нельзя святости приписать,
Ибо даже если макать в чернильницы озер
Прибрежные тростники, которых не сосчитать,
Даже если считать пергаментом поля,
Не пересчитать моих грехов,
Даже самую малость их
Даже тогда не переписать;
Даже если кедры ливанские в одну вязанку связать,
Привязать ее к правой чаше весов
И Араратом увенчать ее,
До небес ее вознесет противоположный вес;
Никакой противовес не поможет мне.

* * *

Древо ты ветвистое,
Густолистое, но бесплодное,
Богу не угодное, как смоковница,
Виновница своей гибели.
Величаешься ты красотой своей,
Облачаешься ты блещущей листвой,
Издали заманчиво,
В сущности обманчиво:
Когда вертоградарь придет,

Не найдет он плодов на тебе;
Твоя прелесть видимая,
Ненавидимая,
Осмеянная, напрасно возлелеянная.
Когда дерево пышное, но никудышное,
Половинчатое подобие подлой души,
Проклятьем поражено,
Когда поле, политое в срок,
Воздавшее оратаю утратою за труды,
Бурьяном буйным заполонено,
Чем тебя оправдать,
Как тебе не пострадать, скверная моя душа,
Дурная тварь, подобие смоковницы,
Когда прозябаешь и погибаешь ты,
Без урожая искажая природу свою?
Все дурные дела ты приняла на себя,
Оглашаемые, совершаемые, предвкушаемые грехи;
Все преступления, которые богу претят,
От грехопаденья до светопреставленья твои.

* * *

И когда, негодная моя душа,
Ты — мишень для совести моей,
Трепещи, пока из моей пращи
Мне метать не лень камня — слова в тебя,
Необузданная, разнузданная хищница моя.
Пускай не причислят меня к святым,
Не молчать, отвечать предпочту
И, как премудрый рек,
Вступаю в бой с самим собой,
С моим вредоносным врагом;
Искушенья, втайне прельщающие мою мысль,
Своею игрою совращающие меня,
Как свершенья, открою,
Не скрою их, господи боже мой;
Полною мерой измерю прегрешенья мои,
И полной мерой утешенья отмеришь ты мне,
Ибо непомерен грех,
Но безмерна твоя благодать.
Чем тлетворнее немощь моя,
Тем чудотворнее помощь твоя,
Ты, врачующий;
Чем твой должник неисправнее,
Тем твой родник достославнее,

Ты, дарующий,
Согласно несравненной притче твоей,
Ты, жизнью наделяющий, ты, смертью искупающий,
Мановеньем твоим обновляющий,
Прикосновеньем твоим исцеляющий,
Соизволеньем твоим избавляющий,
Повеленьем твоим вызволяющий,
Прозреньем твоим просветляющий,
Явленьем твоим умиляющий,
Проявленьем твоим благословляющий,
Откровеньем твоим вразумляющий,
Ученьем твоим вдохновляющий,
Провиденьем твоим направляющий,
Жажду утоляющий,
Тяготы удаляющий,
Горе забыть заставляющий,
Смехом исправляющий,
Упованьем окрыляющий!
Благословен ты на твоих небесах
Искони, в наши дни
Во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 10

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Когда сокрушенье, как прегрешенье, во вред,
Пагубный бред во устрашенье мне,
Хоть сокрушенье прегрешенью не сродни,
При всем несходстве в своем уродстве они заодно,
Ибо порождено уныние тем и другим,
Ибо сокрушенье — покушенье на божью мощь,
А прегрешенье — удушенье упований святых,
То есть нечистота скота.
Так что первому не перечит сатана,
Ибо изнанка пагубы — приманка для него,
А второе — скоромная снедь
Для его злобы, для утробы зверя сего.

* * *

Подобно тому, кто расправкою сокрушен,
Палками оглушен, до смерти уstraшен,
Дух я перевожу, я как бы воскрешен,
Все претерпел, преодолел и уцелел,
Ибо меня пожалел Христос, вознес меня,
И я, слепец, глупец, мертвец, надежды не лишен,
Приглашен я зреть, узреть целебный свет
От лица творца моего и отца.

И в преддверье скорбных песнопений сих
Создам я храм, обитель веры моей,
Ибо среди праотцев некто, верою окрылен,
Переселен живым на небеса,
Исцелен покаяньем, вознагражден сияньем,
При жизни бессмертием наделен,
Так что превзойден тот, о ком апостол говорит,
Тот, кто в юдоли сей
С долей скорбной примером своим примирял,
Подкреплен упованием горним,
Незримою славою просветлен;
И тот, кто удручен смертным грехом,
И тот, кто демонами заточен,
И тот, кто вовлечен в злое вихрь,
От упования еще не отлучен;
И грешнику дано
Прощенья, очищенья достичь,
Когда слезы из очей — спасительный ручей,
Угодный господу,
Превращающий пустошь в угоды творца,
Возвращающий духу божьему ниву в цвету.
Вот божественный и торжественный
Сверхъестественный глагол:
«Все возможно верующему».
Приятие слова — основа,
Добродетель всем добродетелям,
Согласно свидетелям, изведавшим суть;
Вот истинный путь в святая святых.
Воплощенное слово, царь славы, господь
В своем чудедействии
К содействию веры взывал,
Ибо вера к богу ведет,
Благотворная, чудотворная по существу своему,
О чем глаголют пресвятые господни уста:
«Вера твоя спасла тебя».
Воистину премудрая прозорливая простота
И богоносная высота —
Свойства Веры, она же правота
И совершенная, откровенная чистота,
Как Любовь и как Надежда, свята.
Если зернышко Веры не больше горчичного зерна
Горé идти велит и гора идет,
Что такое Вера,
Если не предводительница наших душ,
Не представительница наша на небесах.

С Надеждою и Любовью в триединстве святом
Чаемое и незримое Вера духом познает.
Если сии три самобытные начала обретешь
В непостижимом их единенье,
В боге произрастешь,
Ибо, где Вера, там Любовь,
А где Любовь, там Надежда на того,
Чье торжество и слава навек. Аминь.

ГЛАВА 11

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

И вот я, хоть я верой без дел оскудел,
Я, творенье, несбыточное без творца,
Умозренье мое устремив к нему,
Ведаю, верую, что во Христе
Помышленье и осуществленье заодно,
Как меня Павел наставил
И как Давид говорит:
«Уверовал и возглаголал я».
Вечно верую, что вещая молвь молитв
Вверит вере моей
Мощь воскресенья его,
Как апостол сказал,
Крепость его креста
И все заповеданное.
Вера одна, и потому чиста
Вера в Христа, она же правота;
Где беда, там она избавительница;
Где нужда, там она дарительница;
Где вражда, там она примирительница;
Где вина, там она искупительница;
Где тьма, там она просветительница;
Где тюрьма, там она освободительница.
Не лучше ли воображаемой красоты
Красота сердечная, безупречная, когда бог
Смилостивился, смысл посылюю тьму,
В которой сердце стыло, и грешник просиял,
Смея смеяться внешне, тая покаянный плач;
И даже если вновь, окаянный, пал
С вершины свершенья

В преисподнюю,
Чья скверна неимоверна,
Все же лучший луч
Не угасает, спасает проблеском своим,
Как однажды жгучий, живучий огонь,
Чуткий к чуду, окреп,
В склеп колодца попал.
Когда в суете душе тяжело,
Когда в тщете всесильное зло
Коснет в нищете душу обрекло,
Цела надежда на небеса
И прежняя краса не заказана душе,
Ибо проблеск, явственный в глухих глубинах греха,
Для нашего убожества отблеск божества,
Чье всемогущество светом возвещено;
Вот лампада, при которой бог
Куренья творенья ладану предпочел;
Миро, лучшее в мире для скинии святой,—
Благоухание сокрушенных сердец,
А не масть из масел и смол.
Отсюда глагол Спасителя к слепцам:
«Веруете ли, что могу сотворить сие?»
Их незрячие очи Спаситель отверз,
Лишь тогда, когда отверзлась вера их,
Среди наших утрат пересилим ли мы
Отвратный смрад четырехдневного мертвеца?
Однако вера повергла сестер
К стопам творца, позволив узреть
Божество и его торжество,
Когда воскрес их брат.

* * *

И в мире грешном цела благодать
Вопреки греху,
Что подтверждать не перестает
Сонм свидетелей, божьих радетелей;
Енох первый среди них,
Енохом предварен Аарон,
Потом озарен Давид,
Потом Симон Петр;
С ними одарен Елиезер меньшей,
Избранный богом, чтобы старшим иго избыть,
Ибо не оставляет, избавляет бог.
Не перечислить всех, но как блудного сына забыть

И достохвальную блудницу, умевшую бога любить,
И мытаря, которого Спаситель помянул,
И разбойника благоразумного,
Чей последний вздох услышал бог,
И даже тех, кто злоумышлял,
Пытаясь бога убить,
И главу заступников, Павла,
Который богоотступников некогда возглавлял,
И тех, кто законом закален, законом клеймен,
Сокрушен и вознесен выше тех,
Для кого древний закон — лишь заслон;
А тот, кто предварил закон,
Предан преданьям предков, чей канон испокон веков,
С прародителем правоверья
Заранее заодно, не в пример остальным,
К своим грехам присовокупил первородный грех,
Искупил муками врожденную вину,
Не только прощенье, отпущенье обрел,
Страждущим телом пограл смятенную смерть,
Свят, в небо заживо взят,
И, сподобившись чуда,
Оттуда бессмертие нам явил.
Иной грешил, не созрев, не прозрев,
Однако со временем, узрев свой конец,
Не только не упал со своей высоты,
Не только не пропал в кромешной тьме,
А, напротив, на небо попал.
Если уже в стародавние времена
Настолько сильна была вера,
Что наша плоть, чья ничтожна цена,
Была преображена в золото, не в золу,
И, в душах запечатлена,
Была видна божья благодать,
Если наша природа, род пепла для пекла,
Окрепла, страстей не страшась,
Истинная надежда вселена в нас теперь,
Когда светом обетованным пелена преодолена,
И направляет, наставляет нас,
Вечно представляет нас Христос на небесах.
Посему нерушимо в нас
Божье слово, «завет мира», «печать-благодать»,
Как пророк изрек.
Стало быть, законом наделена,
Каноном утолена, поклоном исцелена,
Вера — уста, чтобы мне к слову-образу припасть,

Славу божью призвать и признать,
Ибо, если бог за нас,
Как апостол утверждал, что значит наша вина!

* * *

Сим сиянием возвещен
Мне, окровавленному, оплот,
Мне, обезглавленному, венец,
Мне, затравленному, приют,
Мне, злодею отъявленному, мир,
Мне, обесславленному, дар,
Мне, отравленному, пир,
Мне, Каину новоявленному, покой,
Мне, неуправленному, благой удел,
Мне, оставленному, правый путь,
Мне, новопреставленному, свет,
Мне, подавленному, клад,
Мне, раздавленному, вертоград,
Мне, удавленному, рай,
Мне, натравленному на святых, кров,
Мне, расслабленному, божий зов,
Ибо меня вознес Иисус Христос,
Его всемогущий, вездесущий отец
И животворящий, к нам нисходящий дух,
Троица единосущная,
Преславное, трисоставное, державное божество,
Что превыше всех и всего. Аминь.

ГЛАВА 12

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Если доселе в раскаянье,
В отчаянье чернил я себя,
Палаческой палкой проклятья себя казнил,
То теперь, изнывая, не унывая,
Воззову к божеству,
К троице святой;
Воистину предан богу, в котором жизнь,
Смиренно, дерзновенно произнося
Страшное имя всеблагого творца,
Я, мертвый, оживу,
Как пророк предрек:
«Спасется тот, кто имя господне призовет».
Я не просто зову: прежде вера, потом зов.
Даров я не прошу, взыскую его самого;
Им одним я дышу, нет жизни без него,
Ни движенья, ни выраженья, ничего без него нет.
Не рвусь я к нему,
От него никак не оторвусь;
Не нужно мне разных благ, нужен мне бог всеблагой;
Нет, не слава, преславный меня влечет;
Не жизнь горит во мне,
Жизнедавец во мне говорит;
Не блаженством влеком,
Я влеком его родником;
Не утешения,
Рыдая всем существом,
Утешителя жду, привлечен божеством.
Не пиршеством брачным я прельщен,
Восхищен я женихом самим,
Отягощен грехом, но при том

В тоске о пресвятом, упованьем обогашен;
И не запрещен мне спасительный путь,
Когда, всемогущим проводником ведом,
Буду не только прощен,
Но и возвращен царю небесному,
Чей лик узрю, как зарю,
Вознесен, спасен, а не отлучен.

* * *

В сокрушенье моем поднять не смея лица,
Пристыженного, искаженного,
Когда уста мои на замке,
Так что в своем языке не властен я,
Попытаюсь превратить в мощную мольбу
Песнь воздыханий, немых стенаний моих,
Жалкую, жалобную, жаждущую небес.

* * *

Внемли, господи боже сил, молитве моей,
Мольбе оскорбителя твоего!
Снизойди, многомилостивый, ко мне, чей лик поник,
Утоли, сострадательный, жажду мою томительную;
Облегчи, благодательный, ношу мою мучительную;
Исцели, настоятельный, хворь мою длительную;
Удали, взыскательный, западню прельстительную;
Просвети, блистательный, тьму губительную;
Отврати, притягательный, злобу язвительную;
Посрами, проницательный, гордыню мстительную;
Разори, дух созидательный, твердыню возмутительную!

* * *

Озари явью твоей
Окно мое, мой кров;
Озари любовью твоей мой храм
Ради святых даров;
Окропи кровью твоей мой порог,
Прогони врагов;
Ознаменуй ради молитвы моей
Череду моих шагов;
Уврачуй меня на ложе моем,
Избавь от порчи меня в тиши;
Не оставь омраченной моей души,

Не обеславь моего дыханья, свой дух мне внуши;
Приставь ко мне бесплотных стражей твоих,
Их строй силе вражьей противопоставь;
Молитвам богоматери
И всех святых твоих вняв,
Утиши мою боль, позволь мне глаза смежить,
Опочить и пережить мертвый сон;
Занавесь до денницы зеницы мои,
Бойницы разума,
От мятежа мой дух сохрани,
До моего пробужденья воздвигнув загражденья
От лукавого побужденья, от мнимого наслажденья,
От заблужденья, от наважденья;
И встрепенусь я, проснусь, к тебе потянусь,
Уже бодрствуя, тебе покорствуя,
Сатане противоборствуя;
Твоя тварь, как встарь, пред тобой,
Всеблагой, небесный царь,
Чтобы доходила моя песнь до небес,
Когда вместо кадила вера,
А небесный собор — истинный хор,
Представляющий творенье твое,
За него прославляющий тебя во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 13

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Боже всемилостивый, ты один — властелин,
Наш отец, творец, усыновивший нас,
Так что имя твое одно
Полно благодати твоей,
Для злодеев, для блудодеев отрадой напоено.
Равный тебе, с тобой державный твой сын,
Чье рожденье — утвержденье мощи твоей,
Чье владенье совпадает с твоим,
Чье вознесенье — превознесенье твое;
С тобой твой дух святой,
Чье происхождение в твоём творческом бытии,
Чье нисхождение — пробужденье нашего естества,
Чье местонахождение — в полноте божества,
Сущий в тебе, присущий сыну твоему;
Три ипостаси, едино божество,
Первичные, различные, непостижимые,
Нерасторжимые, господь един,
Неслиянные, нераздельные, осиянные,
Беспредельные, цельные,
Преславные, равные,
Во всемогуществе не в преимуществе;
Триединый исток небесной любви,
Чей пресветлый поток омывает сердца,
Три лица во славе своей
Для единого вечного венца.
Поскольку сие откровенье-вдохновение для нас
И, провозгласив сей трижды спасительный канон,
Петр, заждительный камень церкви, восторжествовал,
Способна благодать мою душу оправдать,
Явную мою вину отпустив,

Ибо благоволенье твое сулит обновленье мне,
О ты, взыскующий меня в моем плену!
Хотя благодать и награда от тебя,
Тебя почитать — значит предпочитать благодать,
Ибо награждать подобает за труды,
А тому, кто погибает, кроме благодати, нечего ждать;
По заслугам награда,
По нашим недугам твоя благодать.

* * *

Не сравнивай, господи, усердие людей
И милосердие твое;
Даже если человек превозмог
Свою природу в угоду тебе,
Убог он перед тобой,
Когда ты не помог ему.
Когда, новый твой залог вверив нам,
Твой Новый Завет распространил свой свет,
Тот, кто в законе закоснел, тщету приняв за чистоту,
Израиль отпал от тебя и пал,
В ничтожество впал, так что ниже в своей нищете
Он тех, кто во мраке безнадежном пропал,
Но для тебя нет невозможного, и ничтожного ты спасешь.
Внемли в твоей дали моей мольбе
И меня исцели,
Оживи, обнови, благослови,
Милость яви, ибо для всех народов земли
Избавленье ты; тебе прославленье во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 14

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Услышь меня, всевышний пронизательный луч,
Сыне божий, ныне меня просвети,
Посети меня,
Ты, совершенный, неизреченный, как твой отец.
Ты, подобный твердыне в благостыне твоей,
Внемли моей беспомощной мольбе,
Меня, твоего раненого раба, помяни!

* * *

Никогда, нигде, никто не утверждал,
Что, разбойниками изувеченный, искалеченный,
Путник досаждал мольбами тебе,
Не мертв, не жив;
К тебе не воззвал раненый,
В бессилии не возопив;
Тебя не манил опоганенный,
Перстом не пошевелив;
С плачем не смотрел умоляюще,
К молитве не приступив;
Не сослался на слово святого,
Не молил он тебя, прославленного,
Прощенья не заслужив;
Не смел уповать,
Хитона своего окровавленного
Пред тобою не расстелив;
Не приблизился на коленях к тебе,
В беспамятстве не ожив,
Ибо лежащий замертво почти что мертв;

И его, чудом избавленного,
Наставленного словом твоим,
Зовом твоим направленного,
Снова зло привлекло,
Так что к лютым завистникам,
К ненавистникам твоим он примкнул
И посягнул на тебя.

* * *

Но ты, презиобильный, всеильный, всеблагой,
Незлюбив и чадолюбив,
Противника не погубив, гнева не затаив,
Не приговорив, не укорив,
Одарив, не ударив, поверженного не отверг,
Снизошел, подошел, не презрел, призрел;
Рано отчаялся раненый; ты опроверг
Древних священников, привыкших казнить
Своих соплеменников, как велит Ааарон,
Чей ветхий закон, урон для плоти живой,
Обрекал на смерть, град камней навлекал.
Если предтеча, из колена Левиина происходя,
Завершение Ветхого и провозглашение Нового совместив,
Покаяние без благодеянья возвестил,
Раненого ты простил сперва,
Чтобы укор не сразил его, как топор,
У корня дерева лежащий, чтобы рубить,
Чтобы губить прежде гибельных мук,
Обрекая на смерть, навлекая смерть,
Но, плащаницей плоти твоей
Нашу плоть восприняв,
Не отринув язычников,
Принявших иудейский закон
И сохранивших, не осквернивших его,
Когда иудеями Завет был забыт,
Иноплеменников-пленников свободой ты просветил,
Слово ты воплотил, предотвратил
Погибель Адама, раненого грехом,
Защитил ты весь адамов род,
Сокрушенного ободлив, изнуренного наградив,
Приговоренного простив, казненного воскресив,
Купелью твоей и чашей твоей освятив,
Хлебом небесным,
Божественным телом твоим причастив,
К лику праведных приобщив,

Сотворив, умиротворив, ублаготворив,
Под игом путь наш предварив, проторив,
Казни прекратив, к свету нас препроводил ты.
Жизнью ты наделил нас вдвойне,
Внушив прежний Завет и другой,
Исцелил человечество ты,
Как при Моисее ты осенил,
Подобно орлу, простирая крыла,
Народ Израиля, утолив его скорбь,
На земле обетованной поселив его, мир посулив,
Пока наважденью противятся вожди
И народ жив глаголом твоим.

* * *

Днесь, благотворным светом твоим
Охватив целый мир,
Укротив супротивника,
Возвратив сокровище себе,
Исцели меня, жизнь в меня всели,
Прости мне долги, защити, помоги,
Искупив, укрепив, рай за мной укрепив,
Устрашающий, утешающий, воскрешающий,
Восхваляемый, прославляемый, благословляемый
И ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 15

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Сердцем возвратясь на мою скорбную стезю,
На прежний лад слагая мой слабый стих,
К тебе обратясь душой пропащей моей,
Возношу, преподношу тебе мою песнь,
На слезы не скупясь, к тебе торопясь воззвать,
Заживо с жизнью простясь, молю, бессмертный, тебя,
Но, молясь тебе, вижу, как я виноват,
Я придурковат, а ты богат и тороват;
Ложно клянясь, в Завете усомнясь,
Казнясь, не хоронясь,
Чем больше винюсь, тем хуже сквернюсь.

* * *

Оробев, оторопев, отупев, как овца,
Согласно притче, заблудшая, наихудшая тварь,
Как дикарь, искал я приюта среди скал,
Идолов и дьяволов не избегал,
Стада малого сторонясь;
Бессловесный, безвестный, лишен я был языка,
Как бы онемел, а знаков делать не умел.
Ты один, изначальный, достохвальный во веки веков,
Хватясь меня,
Согласно гласу пророческому,
Истый пастырь, не дал мне пасть, во мраке пропасть;
Не только за мной пошел, не только меня нашел,
Не только меня обрел, не только меня привел,
Но, чудесный, возложил ты меня
На все времена себе на рамена,
В свой сонм небесный включил меня:

Отец поручил тебе своих овец.
Но когда ты, зиждительный, снисходительный,
Готовый пасти, чтобы спасти,
Не отринул, не покинул тех,
Кто изнемог и молиться не мог,
Затравленного, окровавленного, полумертвого,
И тварь заблудшую, наихудшую,
Ничего не понимающую,
Противно бляющую
В пустыне, где животине конец,
Не оставил, избавил их,
Милость явив, мир удивив,
Негодящих, пропащих благословив,
Милостью превзойди самого себя,
Огради, возроди, награди меня,
Беднейшего, грешнейшего, сквернейшего,
Меня, обреченного карам и казням всем,
Меня, разлученного горечью, сладчайший, с тобой,
Меня с моим телом,
Которое следует сечь и рассечь,
Меня с моею душою,
Зараженной, пораженной, сраженной врагом,
Меня, чья нечистота достойна скота,
Меня, чья суета мудростью проклята,
Меня, совсем не схожего ни с кем;
Был бы другой со мною схож, я бы об этом сказал;
Был бы я на другого похож, я бы на него показал;
Был бы другой, как я, в рай не вхож, я бы путь указал;
Была бы в другом подобная ложь, я бы доказал;
Был бы другой, как я, негож, я бы его наказал;
Был бы другой, как я, нехорош, я бы честь ему оказал;
Был бы таковой в минувшем — я бы рассказал;
Был бы таковой в грядущем — я бы предсказал,
Но я, грешный, так далеко захожу,
Что превосхожу всех, не похожу ни на кого;
Ты один можешь простить меня,
Обратить меня, отпустить мне грехи,
Возвратить к жизни мертвецов
И всю вселенную освятить.

* * *

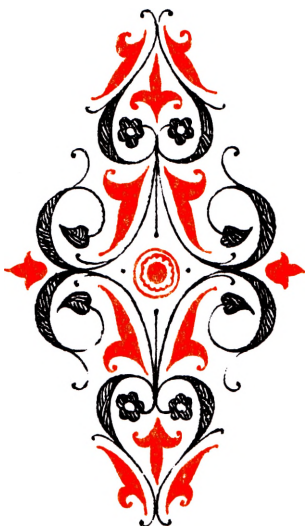
Когда, как Давид говорит,
Нечестие выше головы
И разврат — невыносимый гнет,

Мои грехи, скопом заполнившие, заплонившие мир,
Не сравнятся даже с потопом,
Покаравшим, пожравшим все,
Так что над вершинами воды, как своды, поднялись,
Но, как Ной, был бы рад я, когда над волной
Твой ветер повеял бы, услада из всех услад,
От которой скалы млеют и тают,
Мелеют пучины,
Тучи светлеют, кручи кручины моей,
И тлеют, редуют вершины моих грехов.
Повелительным, целительным словом твоим,
Ты, превращающий возможное в непреложное,
Не столько наказуй, сколько укажуй, как спастись
Мне, навьюченному пороком,
О чем свидетельствует пророк.
Меня, строптивного, нечестивого, прости,
Человеколюбивый, справедливый царь,
Отпусти мне грехи, не мсти, не карай,
Пусти меня в рай, не взыскивай долгов,
Хотя брал я в рост, как будто я прост,
Все издержал, а слова не сдержал,
И не потакать мне, взыскать с меня надлежит;
Я расточитель, но поручитель ты,
А тебе чужда злоба и вражда,
Коварство не вхоже в царство твое,
Нет места тьме там, где свет,
Где жизнь, чье начало — воля твоя,
А смерть — неволя, она тобой не сотворена,
И наша погибель — не прибыль для тебя,
Как утверждал Давид и подтверждал Соломон.

* * *

Но твой завет — это запрет мстить;
Не платить злом за зло, простить велел ты,
Семью семьдесят раз на дню прощать;
Твой глагол зло поборол, но покоя лишают нас лишаи,
Лишними язвами грозит нам зараза, проказа греха,
Изъяны нашей природы язвят и тех, кто свят;
Кто не верит, что веред в нашей крови
И чирьи — чертополох в чересполосице тел,
Что подтверждал, о чем предупреждал ты сам:
«В сердце человеческом вред с юных лет».
И тот, кто чист, кто речист,
Воплощенный твой зов, Иоанн-богослов,

Свою плоть, нашу плоть готовый прополоть,
Правду твою превознес,
Разнес неправду мою:
«Кто вздумал утверждать, что жил, не согрешив,
Тот смеет убеждать, что господь бог лжив».
Слово твое извечное, безупречное,
В правоте нескудеющее, истиной владеющее,
А я не прав, и лукав мой нрав,
Но пощади, услади меня, услада из всех услад,
Ты один властелин, достохвальный во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 16

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Господи, ты один, властелин высот и долин,
Ты вседержитель, ты повелитель, ты целитель,
Ты благодетель, ты даритель,
Ты град наград,
Ты блюститель, ты покровитель,
В творенье беспримерный,
В ухищренье неимоверный,
В измеренье безмерный,
Изначальный, цельный, ты — цель,
И вовеки гнет гнева не затмит
Милости твоей, которая горячей
Солнечных лучей, которой чужда вражда,
Ибо ты вне помыслов и речей,
Необозримая обитель света светлей,
Непобедимый победитель сильных сильней,
Неуловимый предводитель духов и людей,
Неутомимый строитель вне границ и рубежей,
Неистошимый усладитель горестей и скорбей,
Ты претворяешь, как пророк изрек,
В ясное утро смертную тень;
Ты снизошел в ад, во тьму, в тюрьму,
Чей замок ни один пророк отомкнуть не мог,
Заключенных, заточенных, обреченных обрел
И мечом слова святого
Рассек оковы, ковы смерти пресек навек;
Оборотись же ко мне, спустись
Ко мне в ров, где вровень с грехами грязь вместо оков,
И в грешной грязи отрази
Стрелы, которыми мне обвинитель грозит.

* * *

Но ты, предвечный, господь всеблагой,
Свет, разгоняющий мрак, бесконечный образ и знак,
Бесценный, благословенный клад,
Любвеобилен, всемогущ, человеколюбив,
Непоколебим, непостижим, неизъясним,
Всемогущий, чему свидетель Иаков святой,
В несбыточном ты учредитель бытия,
Пламень-чиститель в чащобе-чищобе грехов,
Воздухосущий в таинстве таянья луч-ключ,
Помяни меня, Спаситель, в твоей благодати,
Ради моей слабости удостой твоей жалости,
Ради моей малости удостой твоей милости,
Ибо я боюсь твоей справедливости.
Весь мой грех взвесь!
Чем грех тяжелей, тем больше меня ты жалеешь,
Ибо мою суету легко всемогущему простить,
А мне искупить ее не вмоготу.

* * *

Так снизойди, избавитель, ко мне,
Как, примиритель, исцелил ты ухо тому,
Кто на тебя восстал;
Суховой смертей рассей, сохрани меня,
Миром твоим вдохнови, оборони меня,
Преславный во веки веков! Аминь.

ГЛАВА 17

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Ныне взываю к тебе, заступник погибающих,
Пребывающих за свое нечестие в несчастьи.
Не добивай меня, рыдающего,
Не пронзай страдающего,
Не истязай завывающего,
Не терзай изнывающего,
Не пытай умирающего,
Не угнетай угасающего,
Не стегай издыхающего,
Не пугай обмирающего,
Не поругай заклинающего,
Не отвергай убегающего,
Не толкай хромающего,
Не свергай ослабевающего,
Не проклинай блуждающего,
Не покидай упдающего,
Не обделяй голодающего,
Не посрамляй умоляющего,
Не оставляй утопающего,
Не ослепляй ковыляющего,
Не подавляй изнемогающего,
Не испепеляй сторающего,
Не раздирай удирающего,
Не попирай подползающего,
Не кусай кровью истекающего,
Не потрясай застывающего,
Не бросай причитающего,
Не казни меня властностью: я тварь.
Не страши меня ясностью: я гарь.

Не грози мне опасностью: я червь.
Не трави меня страстностью: я хвор.
Не суди с беспристрастностью: я вздор.
Не стыди меня ревностью: я гол.
Не язви меня гневностью: я сир.
Не жги меня вечностью: я сор.
Не черни твоей безупречностью: я зола зол.
Ты лоза истинная, я, проклятем зачат, зачах;
Ты слаще сладкого, горше горького я;
Ты, беспредельный, совершен, я, скудельный, тлен;
Ты хлеб жизни, я заквашенная, расквашенная персть;
Ты властитель владык, я плох, я прах земной;
Ты подавляющий радостью, я раздавленный раб;
Ты наделяющий сладостью, я горемычная голь;
Ты исцеляющий благодатью, а я не соль земли, я боль.
Но что озаренному темнота,
Спасенному адовы врата,
Обогащенному нищета,
Восхищенному тщета,
Облаченному нагота,
Упоенному сухота,
Прощенному клевета,
Освеженному духота,
Исцеленному хромота,
Одухотворенному срамота,
Преображенному слепота,
Превознесенному вражья пята,
Богом усыновленному людская неправота!

* * *

Как прокаженный, искаженный телесно хворью своей,
Уязвленной душой погруженный в скорбь, вопию:
«Господи! Если хочешь, можешь очистить меня!»
Как слепец, ощупью продирающийся сквозь вечную ночь,
Крича, зову врача,
Но не сына Давидова молю, подобно слепцу,
Верую в сына божьего, единосущного отцу,
Не просто по-рабы «рабби» величаю тебя,
Как в поисках истины обратился бы к мудрецу,
Верую в бога истинного от бога истинного.
Не только твоя рука, когда она близка,
Милосердный врачеватель мой,
Верую: слово твое
Даже издалека исцелит меня.

Где упование, там колебанья нет
Между твоим участием и всевластием твоим,
Ибо ты хочешь добра и творишь добро,
Слово произнесешь и спасешь меня.
Как сотник, я верить охотник:
Не только соседство твое —
Целебное средство,
Даже с небес, которые ты благоволил создать,
Боль утолишь, исцелишь, воскресишь,
Только чем тебе воздать мне на земле,
Как предать благодать?

* * *

Как простил ты грешнице грехи,
Прости мой долг, не вели страдать.
Как пятьсот динариев отдать?
Лишь твой глагол, твой престол меня спасет.
Избавленье мое — прославленье твое;
Спасенье мое — воскресенье твое;
Воскресенье мое — превознесенье твое;
Исцеленье мое — проявленье твое;
Исправленье мое — наставленье твое;
Отпущенье мое — прощенье твое;
Приобщенье мое — воплощенье твое;
Смиренье мое — даренье твое;
Даренье мое — одобренье твое;
Награжденье мое — снисхожденье твое;
Вызволенье мое — уподобленье твое мне.
Не сосчитать моих грехов; как с ними сочетать
Мою любовь? Но ты долгов не взыскивай моих,
Милость яви ради моей любви,
Прославлен всеми во всем. Аминь.

ГЛАВА 18

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Грехом я зачат среди других чад греха,
Тяжкие роды на смерть обрекают наш род;
Тьма талантов — мой долг ежедневный тебе;
Не к человеческой скарденности,
Взываю к праведности твоей,
Непререкаемый, неиссякаемый, неисчерпаемый;
Тобой опекаемый, уповаю лишь на тебя,
Господи Иисусе Христе!
Я не существовал, а ты меня сотворил;
Я к тебе не взывал, а ты меня одарил;
Света еще не узрел, а ты меня приютил,
Облика не имел, а ты меня защитил;
Речью еще не владел, а ты мне уже внимал;
Рукой шевельнуть не умел, а ты меня понимал;
Не преодолел немоты, а ты меня услышал;
Заплакать я не успел, а ты меня утешал;
Еще я не скорбел, а ты меня спасал;
Я не сулил добрых дел, а ты меня не бросал,
Скверну мою разглядел, но меня обтесал.

* * *

Не попусти же мне тобой сотворенному,
Тобой спасенному, тобой одаренному,
Впасть в грех, пасть, пропасть,
Когда меня искушает, сокрушает, удушает враг.

Что мгла моего зла сиянью благодеянья твоего,
Моя закоренелая хула всепрощенью долготерпенья твоего,
Смола моего тленного ствола твоей вечной невредимости,
Моя дольная кабала твоей горней непобедимости!

* * *

Вот моя сухорукая душа тянется к тебе;
Ее рука простерта, не стерта твоя печать;
Смилуйся, и рука будет цела, как была
В райском саду, где древо жизни сулило мне свой плод.
Скорченная, скрюченная, нечистым скрученная,
Как недужная жена, в три погибели согнута моя душа,
Грехом обременена, томится; не распрямиться ей;
Сатана крепко-накрепко связал ее,
Чтобы ты не оказал ей милости твоей.
Наклониться благоволи надо мной, сострадательнейший,
Чтобы мне, древу мыслящему,
В корчах выкорчеванному, уврачеванному тобой,
Укорениться и процвести у тебя в чести,
Ибо меня обнадеживает пророк.
Как слепорожденный, поврежденный природой навек,
Я творенье, которому зренье неведомо;
Я бы тебя не узнал
И не воззвал бы к тебе,
Но чудом сосудом моим овладел твой свет,
Мною незаслуженный, во мне же обнаруженный;
Точь-в-точь, как скорбная жена,
Которую точила хворь двенадцать лет,
Я за мою вину тону в крови моей вины.
Так посмотри же вниз на меня ты,
Одет в недосягаемый свет,
У которого нет краев, как у домотканых риз,
Но, просторный, он чудотворный везде.
Не помазал я миром твои животворящие стопы,
Не жалея своих слез и волос,
В лобзанье, хотя наказанье грозит скорее мне,
Чем грешнице, прощенной тобой,
Но мое миро — вера истинная, которая чиста,
Так что замкнутые уста готовы землю лобзать;
Слить бы мне жалобы с ливнями слез моих,
Чтобы тебя умолить мою душу исцелить.
Состав моей души разлажен, разложен суетой,
Разъеден грехом, который вреден душе;

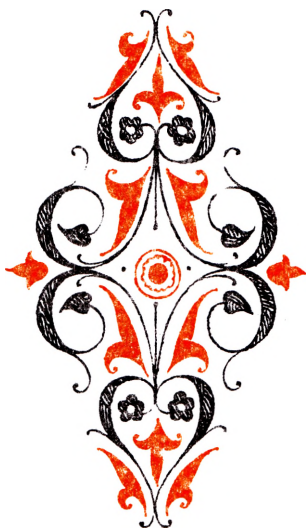
Хромотой нарушен строй моей души,
Петляющей, ковыляющей на одной ноге,
А ты, благодетель, разору противопоставь опору,
Мою добродетель поправь,
Чтобы, поправ козни врага,
Не хромал храм тела моего,
Держа путь к дереву, чей плод — жизнь.
Ты даровал язык телу моему, наделу твоему,
Чтобы я уповал и воздавал тебе хвалу,
Но врагдохнул и сковал мне язык.
Найтием духа твоего в милосердии твоем,
Как немого в Евангелии, меня исцели,
Безупречною речью надели меня,
Ты, слово во плоти!
На постылой постели, на одре обреченности,
Трепетный труп, я мертв, но я не смолк;
Вопию, противясь небытию:
Сыне божий, ты пожалей меня,
Росою твоих целительных очей
Оживи меня, как того, кого ты любил
И воскресил, хотя смерть оглушила его, лишила души.
Смущенному, возмущенному,
Вверженному в ров грехов,
В моей тени мне руку протяни,
Сын всевышнего, солнце безоблачное,
Сиянью, влиянью твоему верни, подвергни меня!
Как вдова в Наине, о единственном сыне скорбевшая,
К твоей благостыне прибегшая,
В грудь себя бившая, слезы лившая,
Пальцы себе ломавшая,
С ликом, искаженным в горе великом,
При последнем издыханье молю:
Мне в моем сокрушеньи
В утешеньи целительном не откажи,
Словом твоим спасительным поддержи меня
И мне скажи, создатель, податель благ:
«Довольно рыдать! Изрыдался, настрадался ты!»
Как юнца-мертвеца
Ты воскресил ради материнских слез,
Как его душу, мою виновную душу обновив,
Мне возврати ее!
Как бесноватые, косматые,
Метавшиеся неистово во власти нечистого,
Израненные камнями, страдающие затмениями,
Запыхавшиеся, разъяренные,

Тобой умиротворенные,
Так я, увечный, встречный для тебя,
Кланяюсь тебе:
Избавь от нечестия нечести
Дарохранительницу мою,
Твою сокровищницу,
Чтобы дух твой благой вновь обитель обрел;
Пречистым дыханьем твоим одари мою плоть;
Моему неистовству вопреки
Облеки наготу мою;
Умудри меня, исступленнейшего, обделеннейшего!
Вместе с душами многострадальными,
Опальными, опаленными адским огнем,
Отлучен я, заточен, обречен;
Озари же меня славой милосердия твоего,
Луч в злоключенье, в заключение моем,
Выведи меня на правый путь,
От пут обманчивых избавь!
Обезображен образ души моей:
Греховодника изводит водянка грехов;
Грехи-втирушки проникают в души тайком,
Незримые, непримиримые, неумолимые.

* * *

Опухоль скрытую, тайный насыл темных сил,
Различи, облегчи, излечи
Врачеваньем твоим действенным, чудодейственным,
Ты, божий сын!
Произрастают недуги, как сорняки;
Каждый их вид плодовит, ядовит, убить норовит;
Корни — козни, отпрыски — прыщи;
Исполосована порчей дурная моя полоса;
Всемогущий! Выполни поле полумертвой плоти моей;
Исчезает недуг там, где твой плуг;
Ниву моей души распаши:
Слово жизни — семя, урожай — рай!
Но когда нарывы мои — взрывы невиданной нечистоты,
Когда все мое тело заболело
И всем членам тленом зараза грозит,
Как Израилю, на которого мази не напасть,
Так что не спастись от язв,
Струпьев и волдырей,

Когда я из такого теста,
Что с темени до пят живого места нет на мне,
Внемли мне, ибо ты свят,
Совершенный, блаженный, благословенный,
Негленный царь,
И я, твоя тварь, уповаю на тебя,
Погибаю и страждущим сердцем призываю тебя. Аминь.

Не взыскивай с меня за происки мои;
Не от вина я пьян, как сказал пророк;
Осадок досады в чаше моей,
Густой отстой, подавляющий меня тщетой,
Хуже чаши пустой: опустоши ее
Ради моей души, дабы миновала меня
Чаша ярости твоей, когда ты подведешь итог в последний
срок.

* * *

Верней верного твой суд,
Прочней прочного твой приговор.
Больней казни меня, достойного всех смертей,
И будешь прав;
Страшней прокляни меня до конца моих дней,
И пребудешь справедлив;
Столкни меня в бездну бездн, во тьму темного темней;
Свяжи меня так, что буду мертвого мертвей;
Уничтожь смысл моих речей,
Затемни окна моих очей,
Отними мой дух живой, когда мне душного душей;
Обдели меня, когда я бедного бедней;
Торопи мой век, хоть он быстрого быстрей;
Вместо росы пошли суховей горячего горячей;
Лиши меня слова твоего, когда оно мне всего нужней;
Запри двери моих ушей;
Оставь меня без благих вестей, что всего тяжелей;
Сотряси под ногами почву сильного сильней;
Скрой от меня свой лик, что мне милого милей;
Прогони меня на тот свет, где тесного тесней;
Ослепи меня молнией вместо твоих лучей;
Обреки меня мукам во мраке ночей;
Напусти на меня дьяволов, адских палачей;
Брось меня хищникам, которые злого злей;
Смети меня вихрем бед и скорбей;
Изобрети для меня кары поновей,
Мучительнее адских мук,
Омерзительнее гееннских бездн,
Язвительнее червей,
Изнурительнее тьмы,
Пронзительнее ветра,
Унизительнее наготы,
И я выступлю против себя самого,
Ибо достоин всех этих кар.

* * *

Но поскольку каждая казнь указанье таит
И наказанье как бы грядет на гребне греха,
Всякое бедствие — лишь последствие
В соответствии с видом вины,
И надлежит обнажить причины кручины,
личины сорвать,
Исповедать, назвать грехи тому, кто знать охоч.
Не вспыхнула во мне любовь, чтобы ближнего согреть,
И до кончины коченею я;
Ослепил меня неугасимый пыл страстей,
Чтобы я искупил его, изведав невыносимый жар;
Не привлек меня свет благовещенья твоего,
И завлек морок-мор,
Чтобы метаться, шататься мне.
Грешил я по малости,
Допуская, спуская себе ничтожные грехи,
И без всякой жалости жалят меня
Всевозможные пресмыкающиеся,
Смыкающиеся со скверной моей.
Не поддержал я в напасти готового пасть
И не избежал я пропасти, где распад.

* * *

Очевидно, не твой дар причиняет мне вред,
Не твой свет вызывает мрак,
Не твой покров наводит на блуд,
А я сам, обреченный, все это обрел.
Мой разврат вызвал этот разлад;
Вот откуда клад, отвратный для тебя.
Совратителю повинуюсь,
Я оступился, уступил ему место твое:
Писанью не внять — на себя пенять.
Но когда срам открыт, а не скрыт,
Когда стыд мрачит мои черты,
Согласно пророчеству,
И в моей растленной, презренной наготе
Я как блудница, чья участь — позор,
Участием твоим просвети меня, небесный царь,

Чтобы мне стряхнуть прах грехов,
Внять вернувшимся из Вавилона, благую весть воспринять,
Голову поднять и осесть на своей земле,
Твердыню-святыню пустыне предпочесть,
Как Исайя сказал,
Вновь примерить наряд, который чист и свят,
Ибо во все века крепка твоя рука,
Благословенный во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 20

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Боже мой, боже, многомилостивый,
Милующий, молящегося умиляющий,
Зла не умышляющий, праведным сопутствующий,
Добру споспешествующий, тайное прорицающий,
Правду выявляющий, добродетели способствующий,
Трем блаженным отрокам,
От тебя неотрекшимся,
В печи вавилонской спасшимся,
Уподоблюсь, песнь покаянную подхватывая:
«Я согрешил, грешить разрешил,
Закон порешил, душу от бога отрешил».
Но если строки истовые, исповедуясь,
Повинились, хотя не провинились ни в чем,
Какого же покаянья требуют злодеянья мои,
Обрекающие меня на казнь,
Так что мало мне лишь подпевать, чтобы уповать.
Даниилу, светилу святости вослед,
Угоднику, твоему сроднику,
Чей истинный исток — Иудин дом,
Обрету словеса стройные, тебя достойные,
Но моих рыданий среди страданий не подавлю,
Накануне казни присовокуплю мой плач.
На распутье напутствованный,
Распутство я предпочел пути,
Запутался, запутался, а это и есть грех.
От неуклонной твоей правоты уклонился я,
А это и есть блуд.

В моей чрезмерности все мерзости я превзошел,
Далеко зашел, а это и есть образ неверности.
Ты меня предостерег — не остерегся я:
Ты меня унимал, а я тебе не внимал,
Голову дерзко поднимал;
Вот, господи, установленья твое:
Тебе правый суд,
Мне остуда и стыд;
Тебе прославленье и венец,
Мне посрамленье по моей вине;
Тебе услада горняя памяти,
Мне досада горькая, когда душе помину нет;
Тебе велегласный хор хвалы,
Мне безгласная хворь и слезная скорбь;
Тебе, всесильному, гимны в благоговении,
Мне, ссыльному, гибель в забвении;
Тебе разбирательство внимчивое,
Мне запирательство сбивчивое;
Тебе собор осиянных: их стих не пересказать.
Мне позор окаянных: лизать прах.

* * *

Так, начало изначальное лучших благ,
Вкусил ты плод своих щедрот, обонял
Аромат воскуренья, предназначенного тебе,
А я испытал гнет невзгод, вдохнул
Смрад укоренья, предназначенного мне.
Если святые каялись, не щадя себя,
Какие же моления сложить,
Как изложить свои преступленья мне,
Неприкаянному, нераскаянному,
Среди злейших первейшему?
Беспутство благоприятствовало зломыслию,
Бесстыдство не препятствовало злословию,
Безрассудство способствовало злонравию.
Пучившийся, баламутившийся,
Я в скором будущем безымянный приемыш земли;
Тщеславившийся, величавшийся,
Я не хозяин даже вздоху своему;
Вверх рвавшийся, я персть оглашенная;
Взорвавшийся, я скудель болящая;
Зарвавшийся, я прель завалиющая;
Забывавшийся, я чаша, которую бросить пора;
Воспламенявшийся, я непотребный нагар;

Утверждавшийся, как полубог-герой,
Вновь повреждавшийся, я изгой нагой;
Грозой раздражавшийся, я перегной-дурной;
Бессмертным притворявшийся,
Я скот, что падет вот-вот;
Миром прельщавшийся, от тебя отвращавшийся,
Я, спятивший, попятившийся к тебе;
С цепи сорвавшийся, тьмою пленявшийся,
Душой осквернявшийся, я телом довольствовавшийся;
С шуйцей своей спознавшийся,
С десницей своей боровшийся, я, с нею расправившийся;
С тобой, заступником, свидившийся,
Об этом сказать не решающийся,
Я, все еще не смирившийся,
Как сокол неприручившийся,
Согласно обличителю Ефрема заблудшего,
Я, возвратившийся на свое гнездилище гнусное,
Суею на молитве соблазнявшийся,
Я, глаголом взнудать не пытавшийся
Коня необъезженного, моим духом зовущегося,
Изощрившийся в зломудрии, бреднями обогатившийся,
Я согласно Иову, игом тягчайшим казнившийся.
Согласно Иеремии, я ткань растлившаяся;
Словно выкидыш, не удостоившийся имени,
Согласно премудрому, я вне рода человеческого;
Согласно Исае,
Как одежда загрязнившаяся, я, опоганившийся;
Согласно Исае,
Как сосуд несохранившийся, я, разбившийся;
Как Едом, пророком отвергавшийся,
Четырежды провинившийся,
Я, к смерти приготовившийся;
Разве вымысел — мой помысел,
При этом напрашивающийся?
Скинии Молоховой с жертвенником дьявольским
В этой жизни следуя, ад наследуя,
Свой небесный удел покинул я,
Беспредельному предпочел поддельное,
Повторное, рукотворное, тлетворное
Подобие неподобного:
Переносную, несносную звезду Ремфана вавилонского,
Истукана, под сенью Синая Израилем чтимого.

* * *

И теперь меня, благодати лишенного,
Духом упавшего, от тебя отпавшего,
Завет поправшего, безнадежно пропавшего,
Узы с тобой разорвавшего,
Не отринь, господи,
Не покинь преображенного по образу духа твоего,
Пусть поврежденного, пусть осужденного,
Пусть отлученного, пусть ожесточенного,
Пусть прокаженного,
Пусть лукавым искаженного,
Пусть соvrащенного,
Пусть разvrащенного, пусть изvrащенного,
Пусть смертью поглощенного,
Пусть непрощенного, пусть неукрощенного,
Пусть истощенного, пусть незащищенного,
Пусть восvoяси невозvrащенного,
Пусть прельщенного,
Пусть неприобщенного, пусть сраженного,
Пусть обнаженного, пусть пренебреженного,
Пусть униженного,
На сокрушенного ты воззри,
Создатель, благожелатель, сострадатель наш,
Внемли мольбам уstraшенного,
Пусть огорченного,
Пусть удрученного,
Пусть покаяньем разоблаченного,
К стопам твоим привлеченного,
О ты, уловляющий, неумаляющий, прославляющий
Каждый вздох, каждый стон, каждый всхлип,
Устье устава, усталые уста, воспаленный язык,
Истомленный лик, масло мысли, свечи речи,
Пламенный плач;
Ты присносущий, благо несущий,
В невозникшее вникающий, целитель неявных язв,
Укрывающий уповающих, не оставляющий умоляющих,
Слава тебе ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 21

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Когда я сам смерть предпочел
И, на подъем тяжел, я на ноги не встал, как человек,
И человеческого сердца не обрел,
Как писанием предречено, в чем уже уличено
Мое существо: заблужденье — поведение мое
И предупрежденье тщетно, мой запутанный след — вред,
Разве чтение сие прочтения верного не таит?
Вот причина, по которой в притчах предпочту
Дать показанья, на иносказанья не скупясь;
Оступясь, но правдой не поступясь, перечту вновь
Достойные наказанья, терзанья мои,
Обнажу мои струпя, все снова перескажу.

* * *

Я чужак, я враг, я вурдалак,
Чьи преступленья — подкрепленья
Для рати велией велиаровой*,
Так что меня же потряс бесовский пляс,
Броски, скачки, прыжки,
Коленца отщепенца — отщетенца,
Чье коварство — мое мытарство.
Нутро мое изъязвившие, злобу свою явившие,
Пали палачи, сраженные Христом и его крестом,
А я, подняв преисподнюю, не осилил, усилил их,
И по моей вине на поруганье сатане
Имя Христово предано, как язычникам-злозязычникам
Израиль предал его.

* Велией велиаровой — превышающий обычную меру.

В чреве своем червоточину мне лелеять не лень,
Лепестки моей души — владенье,
Отданное на съеденье червям, личинкам, тле,
Коим пророк Иоиль уподобил, дивно скорбя,
Ненасытную погань, сожравшую Израиль дотла.
Гадов я не изводил, я их разводил;
Восстановил я против себя войска кровопийц-убийц;
Я накликать кликуш, чернящих меня;
Я потворствовал злоторству ненавистников;
Сладости желчью приправляя, отравляя,
Творцу изменил, верность лукавому хранил;
Увы мне, хмурому, понурому,
Запуганному, поруганному!
Куда я денусь, обреченный речью моей?
Вопль мой невольный, мой вой меня выдает,
Как бы воочию показуя душу мою,
Грязную, безобразную,
Оборванную, рыданиями подорванную,
Покаранную, замаранную,
Словно блудница-идоложрица,
Ибо блудить — значит идолу кадить;
Вслепую взыскую пагубы своей;
Твой заповедный удел я запустил,
В пустыню превратил святыню твою,
Как о священниках Израилевых сказал пророк.

* * *

Как я скажу, что я человек,
Когда я скорее зверь?
Как я дар слова себе препишу,
Когда я скорее скот?
Как я скажу, что вижу я,
Когда внутренний свет я гашу?
Как я скажу, что я чуток и мудр,
Когда замурован оплот моих чувств?
Как я скажу, что бог во мне живет,
Когда я убить мою душу спешу?
Я ли подвижным провозглашен, когда я оглушен,
Устранен, духа и смысла лишен?
Я негодная снасть;
Я камень, которого не стоит в стену класть;
Я, избравший наихудшую часть;
Я гость, которого лучше проклясть;
Узник ужаса, подкошен, всеми брошен я;

Я хулим, как, согласно Иеремии,
Казнимый Иерусалим;
Дни мои уничтожаются в унынии,
Лета мои пролетают в стенании,
Говорю по Псалтырю.
Что для шерсти моль,
Что для древесины жучок,
Боль моих тайных тревог
Для персти моей.
Я рвань, я паучья ткань,
Как поучает псалом;
Как роса, которую роняет рань,
Как мгла, обволакивающая небеса, рассеиваюсь я,
Пророчество подтвердив.
Заслужил я брань и проклятье бы заслужил,
Когда бы на человека надежду возложил и отчаялся.
Но на тебя одного уповал я, господи, страж наших душ,
Страждущий, жаждущий на кресте твоём,
Но не ожесточившийся, нет, молившийся
За тех, кто распял тебя.
Так не лишай упованья существованье мое,
Животворящий покров,
Чтобы мой последний скорбный вздох услышал бог
И даровал мне твой благодатный дух.
Тебе, отцу твоему, святому духу твоему
Держава, управа устава и слава во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 22

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

В притчах продолжу причитанья мои,
По грехам воздам виновной моей душе
Все, что ей причитается, как тот, кто каяться пытается,
И подобие с подобием сочетается в том же стихе;
Пускай считается то, что я всеведущему поведаю,
Подлинной исповедью
Сокровенной моей подлости.

* * *

Я жеребец, хоть мне язык болтливый дан;
Что мне аркан! Беспутством обуян, я сплошной изьян;
Осел я, горлопан, но туп я, как баран,
Я нетель, нетяг я, словно кабан, заклан.
Болван я, балобан, балбесов балаган;
Не ждан я и не зван, как зверь, попал в капкан;
В работе я не рьян, я предпочел обман, я пьян;
Мне мил дурман, туман, я скот, я истукан;
Я маслина, чей плод поган, я бурьян;
Я буян, плоть моя для моей души — дурной стан;
Из-за моих ран покинул меня караван;
Я талисман золотой, но предал я свой чекан;
Слезы мои — океан у побережья чужих стран.

* * *

Сам я погибель избрал, сам свое тело попрал,
Сам я себя изнурял, украл душу сам у себя;
Покривил я душой и как бы окривел;
Я недалек, невдомек мне наемк;
Мой взор позор, мой слух укор навлек на меня;
Внешность моя — безуспешность, безутешность — мое
нутро,

Где родится в муках, плодится грех;
Как мне споспешествовать, господи, тебе,
Когда мое же добро не дорого мне.
Жалости достойно чрево, носившее меня;
Состраданья достойны сосцы, питавшие меня.
Не лучше ли было бы мне сгустки желчи глотать,
А не молоко?
Не лучше ли было бы горчайшим, а не сладчайшим питать
меня?

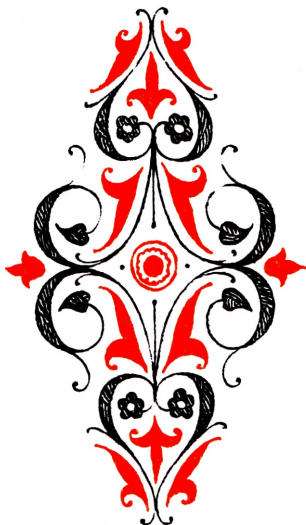
Если я сам себя кляню за мою вину
И моя же речь, как беспощадный меч
Над моей головой,
Кто утешит меня, кто мою ярость утишит?
Сам я себя стыжу, сам я себя сужу,
Сам правосудие возмездием вооружу,
Сам пороки свои тайные обнажу,
Сам жестокую рать моих пронзительных злоумышлений
поражу,

Сам своего похотливого тела не пощажу.
В чем я только не грешен, ты, всепрощающий!
Не впервой тебе уличать меня на дне провалов моих,
Но все та же печать проклятья на мне по моей вине.
В моих обносках я тебя поношу
Вместо того, чтобы превознести тебя,
Но ты, совершенный, неизменный, благословенный,
Отпускаешь грех прежде греха,
Опережая десницей твоей,
Отражая врага одесную.

* * *

Ты жизнедавец, миродержавец,
Промыслитель, даритель, вседержитель,
Учредитель бытия в небытии,
Углем пламенеющим слова, зова твоего,
Углуби глубь гласа моего,
Чтобы глас мой спас,

Потряс лик моих чувств,
Который в скверне погряз, но длани твоей не забыл;
Влеченья твоего творенья стоят леченья твоего;
Разоблачен, обличен, вновь облачен тобой,
Неумолчный глас глагола моего подниму,
Воспою славу твою,
Державу отца твоего всевышнего
Ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 23

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Ты, всемогущий бог, ты, вездесущий бог,
Непостижимый ты, недостижимый ты,
Всей своей сущностью всем существам присущ;
Нет предела тебе; суть всего, ты во всем.
Ты незрим, но бытие твое — свет;
Зренья нет без тебя.
Вечным величием страшен ты, славен ты;
Голос вселенной, зов, ты для всех и во всех;
Неисповедимый ты,
Неотвратимый ты; дальний, ты вечно в нас.
Видишь, хранитель наш, кто погубитель наш;
Ты, утешитель наш, освободитель наш,
Боже, целитель наш, боже, спаситель наш!

* * *

Ты возри на меня! Видишь, сколько скорбей,
Видишь, сколько страстей обуревают меня,
Представшего в слезах, господи, пред тобой;
Я сам себе палач, ты милосердный врач;
Ты не суди меня, ты пощади меня,
Когда сомненья мои безжалостнее врагов;
Когда душе предстоит погибель во веки веков;
Когда отравлена плоть ядом зловредных ков;
Когда зло во мне обрело приют, пристанище, кров;
Когда пороки мне льстят, как сонм лукавых рабов;
Когда нечистая страсть — основа моих основ;
Когда душа пронзена упреками мудрецов;
Когда уповать я боюсь, беднейший из бедняков;

Когда я разумным слышу, а сам я хуже скотов;
Когда я в скверне зачат и в скверне коснеть готов;
Когда меня точит недуг, хотя на вид я здоров;
Когда грехи вопиют на тысячу голосов;
Когда меня будущее страшит, как внезапный зов;
Когда мое прошлое — постыднейший из тайников;
Когда на молитве я стыжусь покаянных слов;
Когда меня совесть палит, как солнце среди облаков;
Когда я вспять смотрю, едва касаясь плугов;
Когда вперед стремлюсь я, худший из ходоков;
Когда я вспять бреду, своих не жалея шагов;
Когда я сам себе лгу по наущенью лжецов;
Когда, зная истину, вверяюсь бредням глупцов;
Когда в моем горле горит горчайший из всех костров;
Когда гортань — врата для воплей, как для гонцов;
Когда стоны рвутся из уст, как полчища беглецов;
Когда я во мраке моем беспомощнее слепцов;
Когда мой собственный суд строже других судов;
Когда я себя сужу и мой приговор суров;
Когда благодетель мой скупее злобных скупцов;
Когда сжигающий свет грозит мне со всех концов;
Когда перед богом я должник среди должников;
Когда естество мое страшится божьих громов;
Когда не жалует бог жалких таких умов;
Когда я камнями побит (удел блудников таков);
Когда слепит меня блеск мученических венцов;
Когда свой талант зарыл я в землю для мертвецов;
Когда недостойн я святых господних даров;
Когда избегать привык я праведных трудов;
Когда собрать не дано празднующему плодов;
Когда нет свечи в ночи и стынет очаг без дров;
Когда немеет язык, стыдясь других языков;
Когда молчать осужден гордец из гордецов;
Когда пытливая мысль утратила прежний улов;
Когда в западню прошусь, ищу для себя силков;
Когда, не зная добра, не знаю верных весов;
Когда нет пути взаперти: зло — тяжелый засов;
Когда в лампаде гарь: иссяк елей постов;
Когда не выплатить мне вовеки моих долгов;
Когда в слезах не видать блаженных райских садов;
Когда среди святых целительных стихов
Нет имени моего, лишь список моих грехов.

Если боец передо мной, значит, я обречен;
Если гонец передо мной, буду я заточен;
Если писец передо мной, буду изобличен;
Если богочтец передо мной, буду я отлучен;
Если апостол передо мной, значит, я осужден;
Если святой отец передо мной, грешник предупрежден;
Если наглец передо мной, мне предстоит урон;
Если горькой водою меня испытать, я осрамлюсь;
Если отравой меня испытать, я отравлюсь;
Если увижу добро вместо зла, я удалюсь;
Если рука чья-нибудь поднялась, в страхе согнусь;
Если страшилище встретилось мне, я содрогнусь;
Если услышу поблизости шум, прочь я рванусь;
Если меня на пир позовут, я ужаснусь;
Если предстану я пред тобой, вдруг я запнусь;
Если допрашивать будут меня, я не проговорюсь;
Если судить по закону меня, я не спасусь.
Множатся неизлечимые сомненья во мне,
В единенье своем каленым острием
В сердце впиваясь, пытая, терзают меня,
Пронзают меня незримыми стрелами изнутри;
Не удалить этих стрел, не исцелить этих ран,
Когда душа уязвлена, воспалена,
Не заживает, болит,
Мне страждущему сулит мучительную смерть.
Железо жалит меня, гноятся раны мои,
Таятся язвы во мне, истоки жестоких мук;
Сушит меня недуг, хворь моя душит меня;
В тяжелой моей тоске
Жалобный вопль моей сокрушенной души
Я возношу к тебе, боже, спаситель мой,
Слезы мои смешав со слезами твоих
Мучеников святых, которые, отстрадав,
Молятся за меня.
Я на земле молюсь, по небесам томлюсь,
Чтобы молитва моя достигала небес.
Жалкий труженик я, возделываю тщету.
Мне целительный мир, господи, ниспошли,
Ибо, сущий во всем, всем существом присуш,
В сущем осуществлен, сущим прославлен ты. Аминь.

ГЛАВА 24

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Как приближусь к тебе,
О чем отважусь молить я, нерадивый раб?
Дескать, я оплошал,
А ты пусти меня в рай?
 Я согрешал,
А ты славой меня восхищай?
 Я смерть избрал,
А ты мне жизнь возвещай?
 Ангелов я бросал,
А ты мне ангельский чин обещаешь?
 Лишен я причастия,
А ты меня причащай?
 От лозы отторгнут я,
А ты меня к ней приобщай?
 Я хворый хворост,
А ты мною дерево истощай?
 Я прах и тлен,
А ты меня в цветок превращай?
 Я оскудел,
А ты меня обогащай?
 Наследство я промотал,
А ты мне вновь его завещай?
 Я свой наряд замарал,
А ты его очищай?
 Я в изгнание пропал,

А ты меня возвращай?
Я свет божий омрачал,
А ты меня просвещай?
Я отпал от Христа,
А ты меня во Христе воплощай?
Я Христа избегал,
А ты меня обращай?
Я кров его отвергал,
А ты меня защищай?
Я, опальный, пал,
А ты меня посещай?
Я мудростью пренебрегал,
А ты мне путь освещай?
Я Завет расторгал,
А ты меня укрощай?
Я пошатнулся,
А ты падение предотвращай?
От святых я отшатнулся,
А ты меня освящай?
Первородство утратил я,
А ты мне урон возмещай?
Я хлеба не заслужил,
А ты меня хлебом насущным насыщай?
Я в праздности жил,
А ты меня умащай?
Я не сею, не жну,
А ты предвещай урожай?
Я Книгу Жизни кляню,
А ты меня в Книгу Жизни помещай?
Я пресмыкаюсь в плену,
А ты меня прощай?

* * *

Не могла не сгнить нить, спасительная для меня,
Когда меня поразила проказа,
Исказила облик мой, осквернила мою плоть,
Перед богом растлила, сотлила меня.
Опухоль опалила кожу мою,
Обезобразила меня бесова сыть, белесая сыпь,
Нечистотою больною двойною,
Славу былую мою оклеветав,
Надежду на спасение предав,
Благо тьмою застлав,
Двери жизни замурав, утешение украв,

На меня же в суд подав,
Яды едкие для меня собрав,
Мертвого врага подняв и на меня наслав,
Близ пристани-пристанища мели образовав,
Стезю моего упования в тупик преобразовав,
Покров обетования с меня сорвав,
Сияние дарования прервав,
Слепотою меня покарав,
Шипы ошибок повсюду разбросав,
Челюсти прелести сжав, меня клыками искусав,
Языками адского пламени истерзав,
Под игом рабского племени задержав,
Ради этого бремени до времени меня связав,
Опору крова расшатав,
Основу поколебав,
Родство поправ,
Божество поругав.

* * *

Когда я горчайшее мщенье на себя навлек,
Угрызенья, терзанья, унынье, истязанья,
Губительные мечтанья, постыдные метанья,
Позорные шатанья,
Тлетворные шептанья,
Мучительные испытанья,
Длительные скитанья без всякого пропитанья,
Ты, всепрощенье, очищенье, освященье,
Воплощенье, возвращенье, восхищенье,
Приобщенье, господи Иисусе Христе,
Сын бога живого, создатель, податель благ,
Утоляющий жажду в безводном, бесплодном краю,
Всемогущий, предвечный, безупречный,
Милостивец, правдолюбец, человеколюбец,
Рачительный, зиждительный, неукоснительный,
Победительный, неотступный заступник,
Мощный помощник, правый путь,
Истина животворящая, истинная жизнь,
Благоволи вдали десницу твою ко мне простереть,
Прости, просвети, освяти меня, преступного,
Ты, слово изначальное,
Чтобы дух твой, равный тебе, меня, подначального,
вновь обрел,
Превозмог нечестие мое участием твоим,

Причастием твоим, единосущный, приобщил к твоему отцу,
Чтобы мне сочетаться с тобой,
Не расстаться с тобой в благодати твоей,
В твоей цельности, в нераздельности.
Посему тебе, отцу твоему, святому духу твоему,
Существу единому, естеству единому,
Божеству триединому слава велия
От всего творенья во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 25

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Но когда новая беда сулит мне больше вреда,
Чем предыдущая,
И мне тяжелее всех,
Что подтверждают прежние реченья, изреченья мои,
Злоключенья мои отчасти обрисовав,
Сетованья мои продолжу, ничего не тая,
Ибо меняется стих, а не скорбь моя.

* * *

Плаванье в бурю — вот жизнь моя в юдоли сей,
Когда душа моя не в ладу со своею ладьей,
С моим телом, которое как бы морем замороено,
Безрассудное судно, углый сосуд средь волн;
Так персы осаждали осужденный Иерусалим,
Согласно притче, которую пророк Исайя предпочел.
Не в этой ли притче все то,
Что попритчилось моей затонувшей душе?
Свой путь я держал, не тревожась ни о чем,
В своей уверенности неумеренности не чужд,
Чуя разве что смутно угрозу — грозу,
Когда чередуются досуг и страда.
Вдруг холода в летней холе настигли меня;

Буря буйствовала, свирепствовал вихрь,
Аду обрекая отраду мою;
Кара постигла корабль в исступленье прожорливых волн,
Райны* раскачав,
Щеглу* поломав,
Паруса парящие истрепав,
Стройность гордую доконав,
Каждый вывихнув сустав,
Вервие размотав,
Пагубу на палубу призвав,
Узлы разжевав,
Якорь оторвав,
Кормило у кормчего отобрав,
На корму напав,
В ребра направив нещадный таран,
В днище оставив пробоины вместо ран,
В утробу вогнав бурлящий бурав,
Переломом кокоры* обесславив статный стан,
Таким разгромом позабавив океан,
Гвозди повыдергав, болты разболтав,
На оснастку наклепав,
Обшивку расклепав,
Полог разодрав,
Подушки растоптав,
Красоту заклевав,
На дне морском ее растаскав;
В этой притче образ моей скорби дан:
Вот куда заводит обман.
Мореплаватель слезами заливается, подпершись,
Убивается, бросая взор на сей разор,
А перед ним останки корабля,
Как подранки,
Качаясь на волнах, отчаясь, вопиют.
Не погрешу против истины, в притче распознав
Кормчего всеблагого, скорбящего с горним сонмом своим
При виде кораблекрушения,
Которое терпит мой дух,
Введенный во искушение морем, то есть миром сим.
Прослезился же сострадательный господь,
Узнав, что погребен его друг,

* Р а й н а — рея.

* Щ е г л а — мачта.

* К о к о р а — бревно, служившее основой корабля.

Образ человечности моей.
Об Иерусалиме, погрязшем в блуде,
И об Иуде одержимом Спаситель скорбел,
Хотя последние безнадежны, бездна им суждена,
Словно ковчегу в ковах,
Тогда как первый, в пропасть упав,
Узами упования, что в руке творца,
Заручился и выручился, узрел мир вновь.

* * *

Узрю ли я тело мое, мой ковчег,
Целым среди морских валов?
Узрю ли потонувший корабль моей души
Под сенью святых парусов?
Узрю ли себя, странника,
Среди твоих сынов?
Узрю ли скорбное сердце мое
В ликовании пиров?
Узрю ли поруганный образ мой
В блеске твоих обнов?
Узрю ли я вновь мою скинию
Вместо ветхих шатров?
Узрю ли себя спасенным я,
Когда брошен я в ров?
Узрю ли я вновь целительный,
Спасительный твой покров?
Узрю ли твой свет зиждительный
В стройном согласье миров?
Узрю ли улыбку моей души,
Скорбящей среди чужаков?
Услышу ли благую весть,
Как слышу рыдания вдов?
И меня, разбитого вдребезги,
Склеит лучший из гончаров?
Узрю ли заемное мое письмо,
Разорванное на тысячу клочков?
Узрю ли зарю в день мой тягостный
После всех моих грешных бросков?
Приведешь ли меня на празднества
Ты, вернейший из проводников?
Одушевишь ли мои кости мертвые,
Как пророк Иезекииль сказал,
Ты, живительнейший из родников?

Узрю ли снова храм твой святой,
Как пророк во чреве китовом вопил,
Я, дурной ученик твоих учеников?
Узрю ли я в моей темноте
Сиянье твоих высот?
Начнет ли таять мой вечный снег
В предчувствии вечных вешних щедрот?
Зазеленеет ли мой духовный луг под дождем,
Исполнившись отрадных красот?
Я, жалкая овца, добыча хищников,
Сподоблюсь ли твоих забот?

* * *

Тенета на каждом шагу, как Иов сказал,
Но только благоволи меня ты спасти,
Твой спасительный свет яви мне в моем пути,
Врата твоей жалости открой и меня впусти,
Сиянием славы твоей очисти меня во плоти,
Десницей твоей попечительной ты меня защити,
Солнцем животворящим твоим ты меня освети,
Зарею твоей ненаглядною ты меня восхити,
Усладой твоей изобильною ты мой урон возмести,
Из ребра твоего прободенного целебный ток испусти,
Любовью твоей чистейшею ты меня охвати,
Лучом твоим чудодейственным беды предотврати,
Чтобы древу даров твоих святых расцвести,
Телом пречистым твоим ты меня причасти,
Упованье утраченное ты мне возврати,
Блаженство мое грядущее ты мне возвести,
Мир приближая благостный, ты меня посети,
И надежду я обрету, изведав твою доброту,
Почту дух твой святой,
Чтимый с твоим отцом заодно,
Хвалимый, как ты хвалим сладкопевцами,
Хором — собором в свете недосягаемом;
И я грешную мою тщету перерасту,
Прощенный, обращенный, защищенный тобой,
Воскрешенный, приглашенный на пиршество твое,
Ибо цел задаток, отпечаток твой,
Ты, начаток; бессмертие — дар
Имени твоего ужасающего, спасающего,
Всемогущество непостижимое, непровержимое,
Ясное, властное, триипостасное,

Ты, бытие самобытное,
Созидательный, сострадательный, благодательный,
Венценосный, победоносный!
Да, ты сущий, вездесущий, присущий всем и всему,
Всемогущий, грядущий, всемилостивый Спас,
Державный, преславный,
В сошествии, в пришествии твоём
Днесь, присно и во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 26

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Я среди тех, чья песнь — лишь неумолчный плач;
Наши слезы поют, вторят ладам тоски;
И созвучий других не нашлось для певца:
Жалобный стон в конце каждой моей строки.
Это плачут сердца,
Чтобы слезы текли.
Я возглавляю тех,
Чей стих слезами зачат, вестник наших утрат.
Скорбным рыданием исповедаю грех.
Для мира моя душа пока еще не умерла,
И не живет еще для бога моя душа.
Иоанн Богослов обличает меня:
Я не горяч душой, и не холоден я;
Тепел я, значит, плох;
Брезгует мною бог.
Нас тяготит печаль,
Вечный грозит урон.
Слышен в конце строки
Один и тот же стон.

* * *

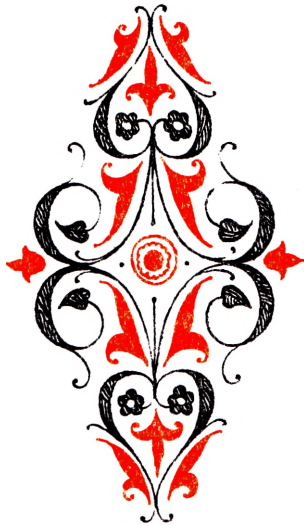
Я нечестивый должник, мой долг просрочен давно.
Мне по моей вине бедствовать все равно.
Я преступник вдвойне, оправдываться грешно.
Сокровище царское мною расточено.
Мне перед господом держать ответ суждено.

Десять тысяч — мой долг, отсрочки просить вольно;
Именье мое дотла мною разорено.
Бедному пленнику заступника не дано.
Плачу, больной, в тюрьме; узнику днем темно;
Брашно не для меня, не для меня вино.
Песнопенье мое горю посвящено,
Звукам скорбным одним в жалобу превращено,
В чередованье строк строгий строй обрело;
Каждый стих заключен одним отчаянным «о».
О, печальный итог, таинственное число!
Горе мое — гора, жарко горит оно,
Яростным пламенем сердце обожжено.
Отдал я сердце в залог, сам себе сделал зло;
От наказания зло меня не спасло,
Праведному суду грешника обрекло,
Пагубным острием рану мне нанесло.
Я в тенетах страстей, время мое истекло.
Ужасом, как мечом, сердце поражено;
В беззащитной груди, жалкое, обречено,
Перед Страшным судом, дрогнув, изнемогло.
Скорбные очи мои мраком заволокло.
Никнет мое чело.
Изнывает в цепях бренное естество;
Некому исцелить сомнения моего;
Предо мною представ, страшит меня божество.
В бездне затеряно все мое существо,
Богом покинуто, в пламени казнено
Там, где целебное солнце упразднено.
Не помогло мне скудное дурное мое добро:
Богом отвергнуто все мое серебро,
Безрассудным нечестием, грехами осквернено.
Руки мои грязны, зренье замутнено;
Сердце мое разбитое к небу обращено,
Ибо мое спасение тобою возвещено,
Богоматерь пречистая! Все тобой прощено.
О царица небесная! мне с тобою светло.
Когда бы слово твое душу мою вознесло!
Грешное сердце мое тобою защищено,
Тобю просвещено.
Царство небесное тобою озарено.
Новой надеждою свыше одарено,
Благоухания сердце мое полно.

Мольба покаянная, слово еще одно
 К песне скорбной моей присовокуплено.
 Утратами нескончаемыми горе заселено,
 Моими слезами обильными только углублено;
 Бог весть, где предел, где дно.
 Помышление мое в горе погружено,
 Тонет, крылатое, глубию заморожено,
 Моими тягчайшими грехами побеждено.
 Вкусить погибель свою тело принуждено.
 Малодушным сомнением лицо мое измождено.
 Выпил я чашу сию, и все предо мной черно.
 Упованье мое отчаяньем сокрушено;
 Прегрешенье мое мною оглашено.
 Незримой жаровнею все во мне раскалено;
 С плачем все во мне плавится, пламенем опалено;
 Неумолимою совестью жестоко уязвлено,
 Все вскипает во мне, слезами упоено;
 Сколько незримых жал в сердце затаено!
 Множеством гибельных стрел нутро мое пронзено,
 Ядом заражено.
 Вечно мучиться родами чрево осуждено,
 Но ничего на свет мною не рождено;
 Чрево мое проклятием как бы заграждено.
 Жгучею лихорадкою тело изнурено,
 Горе мое горчайшее в желчи растворено;
 Судорогой тошнотворною горло мое сведено,
 Неумолчным рыданием отчаянье пробуждено.
 Существо мое жалкое все разъединено,
 Самоуничтожением лукаво соблазнено;
 Мною самим побоище во мне же учинено,
 Перемирье желанное гневом отдалено.
 Алчное вожделение еще не утолено.
 Сомнение новым сомнением, страхом подкреплено.
 Тиной грехов облеплено, тело истомлено,
 Смертью ослеплено.
 Лишь тобою, пречистая, сердце просветлено,
 От сомнений губительных снова исцелено,
 Лишь твоим состраданием в бездне открылено,
 Светом твоим утешено, в небо устремлено.

* * *

Да спасется тот, чье песнопение в книгу сию занесено;
Да будет его упование ему тобой зачтено,
Бог-слово, чьим самопожертвованием творение воскрешено.
Да будет чело стихослагателя тобою благословлено,
Согласно притче Соломоновой, награды не лишено.
Да будет сие писание образом твоим запечатлено,
Ибо тобой, прославленный, сущее обновлено. Аминь.

ГЛАВА 27

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Если, слагая предыдущую песнь,
Строгий строй, созвучие и слезы певучие согласовав,
Пеньем пенял я на горькое горе мое,
Моленья мои в том же духе должно продолжать,
Дабы обнажать затаенную скверну греха;
Так, начало стиха повторяя в конце стиха,
Неотступная перед заступником.
Жаждет жалоба жалости твоей.

* * *

Согрешил я против твоей доброты,
я, тлен, согрешил;
Согрешил я против света твоего,
я, тьма, согрешил;
Согрешил я против благодеянья твоего,
я, прах, согрешил;
Согрешил я против состраданья твоего,
я, дерзкий, согрешил;
Согрешил я против тебя, творца, я, мерзкий, согрешил;
Согрешил я против заботы твоей,
бесстыдно согрешил;
Согрешил я против сиянья твоего,
постыдно согрешил;
Согрешил я против святых твоих тайн,
преступно согрешил;
Согрешил я против святых твоих даров,
безмерно согрешил;
Согрешил я против святой плоти твоей,
пагубно согрешил;

Согрешил я, создатель, против крови твоей,
делом согрешил.

Речь благословенная — сей глагол «я согрешил»,
Коим сокровенная надежда сердцу внушена.
Сей глагол — наследие драгоценное,
Заповедь незабвенная, вотчина священная,
Наставление святоотеческое,
Совершенное, слово непобедимое,
Утверждение неизгладимое, мост спасительный,
Каждень* богоугодное, услажденье праведников,
Единенье непритворное, изъясненье чудотворное,
Свидетельство верное, воззвание проникновенное,
Престол взыскуемый, вопль умоляющий,
Эликсир воскрешающий, мир умиротворяющий,
Свод богопочитания, свет богопознания,
Исконный исток христианского исповедания,
Завоевание создателя, крепость неприступная,
Пропасьть непреодолимая, подвиг, своды воздвигающий,
Глубина неисчерпаемая, явление невообразимое,
Тайна запечатленная, для смертных непроницаемая,
Разве что прорицаемая духом по вдохновению.
Вот благовестие, которого не ведает нечестие,
Осужденное посему пасть во тьму.
А когда бы ведало, когда бы грехи исповедало,
Догадалось бы, оправдалось бы,
Умудренное, укоренное, но не приговоренное.
Вот слава, в которой красуется само божество,
Ибо кто, за роги жертвенника схватясь,
Не обрел очищенья, мщенья избежав?
Если Ахан, сын Хармиев, Саул, сын Кисов,
Иуда, сын Симонов, произнося сей глагол, не спаслись,
Подтверждаю, предупреждаю, убеждаю всех и вся:
Покаянье не поможет, когда изнеможет любовь;
Кто насильно кается, тот отчается;
А я на сей глагол положусь, к нему приложусь,
Ибо вкупе с купелью покаянье покоит нас.

Согрешил я небрежением против деяний твоих,
опять согрешил;
Согрешил я телом против моей души, сдуру согрешил;
Согрешил я коварством против тебя, ты, жизнь,
явно согрешил;
Согрешил я презреньем к слову твоему, тяжело согрешил;
Согрешил я, поспешил я в ад, подло согрешил;

* К а д и т ь — курить ладан.

Согрешил я, смертью бездумной прельстясь,
я, посмешище, согрешил;
Согрешил я, на твою славу посягнув,
я, чудовище, согрешил.

Мне тяжело вдвойне
В паденье, в отпаденье моем,
Ибо, изгнанник, утратил я родимый край,
Сын родной, прослыл я врагом невзначай,
Упал с неба, где божий рай;
Колючками распутство мое вознаграждено,
Воплями пронзительными сопровождено,
К столбу позорному пригвождено;
Я капище, где каверзы вражды, где злобный лай,
Еще одним проклятием сердце мое отягощено:
Кажусь я не тем, кем я окажусь;
Я блестящее блюдо, вместилище блуда,
Повапленный* гроб, где грязь,
Прощельяга-щеголь, бывший свет,
Болван я бранный с бревном в глазу,
Светоч — ветошь я;
Виновен я весь, во всем, перед всем,
Перед провиденьем твоим, господи,
Перед откровеньем твоим,
Перед проявленьем твоим,
Перед нисхождением твоим устрашающим,
Перед виденьем, коего сподобились очи мои,
Коиим взыскан я взыскательнее, чем Евангелием;
Вот откуда мне сие: обетованья, свершенья,
Устрашенья, терзанья, исканья,
Искушенья, сокрушенья, лишенья,
Решенья тщетные, притязанья напрасные,
Наказанья тяжкие, поношенья невыносимые,
Отлученья за мои прегрешенья, за низкие влеченья;
Таковы угрызенья невезенья моего,
В неприязни, в боязни казни мои.

* * *

Ты один, всемогущий, способен простить мне долги,
Укусы смертельные излечить,
Ты, всемилостивый господь, вседержитель-бог,
Самодержец Христос, сын всевышнего,

* П о в а п л е н н ы й — раскрашенный.

Создатель, сострадатель, благодатель,
Благословенный, бесценный, совершенный,
Устрашающий, непобедимый, милующий,
Всеведущий, отзывчивый, утешающий,
Спаситель, целитель, жизнедавец,
Страстотерпец, странноприимец, миротворец,
Премудрый, превознесенный, горный,
Непостижимый, светоносец, бессмертный,
Воскрешающий, преображающий, отпускающий.
Кротко взглянешь на меня, как свойственно тебе,
И, как мне свойственно, я, узрев тебя, к тебе воззову;
Только меня услышь, я к тебе взмолюсь;
Спасенье мое посулишь, и я к тебе устремлюсь;
Печаль мою утолишь, и я к тебе явлюсь;
Ты меня исцелишь, и я в багодарности изольюсь;
Ты меня окрылишь, и я к тебе взовьюсь;
Но если ты промолчишь, я испепелюсь;
Поверженного отлучишь, и я слезами зальюсь;
Пищи меня лишишь, и я жизни лишусь;
Ты меня утратишь, и в прах я развалюсь;
Ты меня изобличишь, и в страхе я пошатнусь;
Презрительно укоришь, и я затрепещусь;
В гневе меня посетишь, и я притаюсь;
Травить меня разрешишь, и я жалобно раскричусь;
Ты меня сокрушишь, и я больше не поднимусь;
Скорбь мою не смягчишь, и я истомлюсь;
Ты мне пригрозишь, и я бежать пушусь;
Ты меня поразишь, и я не возвращусь;
Ты меня пронзишь, и, камнями побит, я не очнусь;
Ты меня проследишь, и я в земле схоронюсь;
Ты меня не сохранишь, и я устремлюсь;
Ты мне явиться велишь, и я по дороге споткнусь;
Взор на меня устремишь, и я устыжусь;
Ты со мной заговоришь, и я, безмолвный, насторожусь;
Ибо я благом пренебрегал, спасенье отвергал,
Хулу изрыгал, на Завет посягал,
В отчаянье изнемогал,
Упованье опровергал, вечной жизни избегал,
Творцу всех тварей лгал,
Образ его возвышенный поругал;
Но прежде смертельных судорог и запредельных мук
Ты мне приди на подмогу, господи Иисусе Христе,
Чтобы в спасенье моем пророчество сбылось:
Уцелеет исцеленный вопреки величайшим грехам,
И к тебе привитый, ты, воистину плодovitый,

Твой образ, твой свет, коим я согрет,
В душе сохранив, я к тебе приживусь,
Возвращенный, прощенный, тобой одаренный,
Вновь сотворенный в искуплении, в нетлении.
Тебе с твоим отцом и духом святым
Слава днесь, присно и во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 28

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

С чего мне дальнейшее покаянье начать?
О каких моих грехах кричать?
Какие мои тайные пороки разоблачать?
Какие мои преступленья обличать?
Нынешние мои грехи, что меня крушат?
Прошлые грехи, что мне не в прок?
Будущие грехи, что меня уже страшат?
Первые мои шаги к преткновенью по обыкновенью моему?
Мелочи, вызывающие великий божий гнев?
Мерзости, о которых пристойнее умолчать?
Проступки, которые преступлений злей?
Бредни, которые всякого бремени тяжелей?
Страсти душевные, что гибель сулят?
Немощи телесные, предвещающие смерть?
Удовольствия, которые ударами грозят,
Чтобы удавить, заводя в тупик?
Дерзкие грехи или вкрадчивые грешки?
Вызванные прикосновеньем руки
Или дыханием отдалению вопреки?
Язвы обширные, в которых вкус находит укус?
Или раны глубокие, которые наносят меткие стрелки?
Недуги, таящиеся в недрах моих?
Или потери в поту, броские броски?
Многоликий разврат или великий разлад?
Зло, раздобревшее в телесности моей?
Добро захиревшее, которого душе недостает?
Одержимость, когда я бога гневлю?
Или нерасторжимость ужасающих уз?
Цепкие, крепкие, губительные силки
Или неумеренность бесплодных намерений?

И вправду я, напустивший безумие на себя,
 Раздумывать бросил, одежду сбросил,
 Открыл свою наготу, хотя премудрый сказал:
 «Благоразумный таит свой стыд».
 Служенье не для меня, рукоположение не по мне;
 Я в богомудрии не строг, в целомудрии нечист,
 В смиренномудрии не свят, в любомудрии не прав;
 Не устают уста тянуться к творцу,
 А чресла отстают;
 Языком, а не сердцем я бога чту,
 Что засвидетельствовал пророк;
 Как изложить, как изжить мне жуть,
 Когда мои притязанья ужаснее наказания моего,
 Когда я богу якобы служу, а сам хожу по двум стезям
 И смерть нахожу.
 Бьюсь, но не добыюсь;
 Тщусь, но не обогащусь;
 Гонюсь, но не угонюсь;
 Соберусь, но не доберусь;
 Рванусь, но не дотянусь;
 Прельщусь, но не угощусь;
 Как этот мир, я сир;
 И все-таки молюсь я за весь мир.
 Благодатный! Моим грехам счету нет, но ты не взыщи!
 Легче тебе все грехи мои скостить,
 Нежели мне все грехи мои в книге осветить.
 Я потому и пишу, затем и спешу,
 Чтобы тебе грехи мои щедро со счету списать.
 Ты, долготерпеливый, ибо мы грешим без конца,
 Что сокрушенным сердцем Ездра блаженный возвестил,
 За свои прегрешенья казнясь духом и душой.
 В моей смертельной ущербности ущемлен,
 Я, рухлядь, рухнул в бесовскую бездну, в ад;
 Вне себя не знаю, внемлешь ли ты мне,
 Как Иов сказал.
 Узник, узнавший участь свою,
 Я надругался над самим собой,
 Отпустил, извратил, прекратил
 Все, что жизнь мне могло возвратить,
 Но, вызволив меня из моих тенет,
 Ты, достохвальный, вдвойне бы восторжествовал.

* * *

Мудрость мне пророк даровал,
Чтобы я с ним в духе твоём тебя воспевал,
К тебе взывал, на тебя уповал;
«Да будет речь ваша при вас, — Осия рек, —
Молите всемилостивого господа,
Изрекая: «Во власти твоей отпущение грехов»,
И осенит вас божья благодать,
И ваши души изведают благо благ.
Бог глаголет; кто не внемлет, забыв о боге-отце?
Бог вещает; кто не верит, сомневаясь в творце?
Вот заповедь желанная, наставленье обетованное,
Решение незываемое, жизнь провозглашаемая,
Знаменьё божественное, дверь спасительная,
Весть утешительная, лик неподдельнейший,
Клад нетленнейший, залог священнейший.
Верю сему, с пророком подтверждаю сие:
Во власти твоей отпущенье грехов, что во мне кишат.
Тебе одному сподручно душе моей злополучной помочь,
Превозмочь паденье мое, воздвигнуть меня вновь.
Ты над всеми царишь, всех удовлетворишь,
Всех умиротворишь, всех супостатов покоришь,
Всех недругов разоришь, всех противников усмиришь,
Всех лукавых перехитришь, всех строптивых изнуришь,
Все горести смягчишь, все тяготы облегчишь,
Все убытки возместишь, все долги простишь.
Во власти твоей, промыслитель, целитель,
Спаситель, блюститель наш,
Подытожить, уничтожить, растопить, утопить все наши
грехи,
Как зарницу, едва сверкнувшую, в море соскользнувшую,
Потонувшую в хляби, омывающей мир.

* * *

Зачти молитвы всех читающих книгу сию
Ради креста, ради страстей, ради сына распятого твоего;
Смилуйся, всемилостивый отец,
Ты, первоначало, над истоком тех слез;
Уврачуй, могущественный, именем твоим
Того, кто нам сей целебный оберег преподнес;
Даруй отпущенье грехов тому,
Кто наставил нас на истинный путь,
Указав исход, когда вера в преддверье крепка.

Тот, кто заповедал крыла крамолы ломать,
По уставу жизни расправу творя,
Да избавится сам от прельстительных пагубных пут,
Попутывающих, опутывающих, запутывающих вконец,
Укреплен благовествованием троицы святой,
Просветлен и обновлен,
Чтобы с ним наши имена запечатлели письма,
Приобщающие нас к блаженству с ним.

(Сия молитва изгоняет бесов и с божьей помощью
избавляет от огневицы и озноба, хворей, вызываемых
демонами.)

* * *

Ныне ты, благосклонное лоно великих чудес,
Отец — всетворец, имя непобедимое,
Звучание неотвратимое, благовествовесние
необходимое,
Слово неопровержимое, веление неповторимое,
Правление неодолимое, откровение неотразимое,
Осуществление неудержимое, проявление
необозримое,
Распространение неутомимое, протяжение
неизъяснимое,
Отдаление недостижимое, приближение незримое,
Приумножение неисчислимо, преобразование
невообразимое,
Отцовство, сына породившее, но вовек его
превосходившее,
Сутью твоей, вездесущей силой твоей
Гневно вели огневице демонской, палящей плоть,
Этой лукавой лазутчице греха: «Изыди!»
Ибо страшит врага прещенье* непримиримое,
Прищаченье наше неистощимое, очищенье неоспоримое:
Кровь агнца твоего небесного.

* * *

Сим благословенным таинством смиренья, деяньем творца
Да истребится сатана и ангелы преступные его,
Дабы, гоним и казним, он пал во мрак и не напал
На дарохранительницу, где жилец — творец.

* П р е щ е н ь е — запрет.

Осуши на наших ликах слезы плачей сих,
Заглуши в наших душах вздохи воплей сих.
Незабвенными жалами безжалостных гвоздей,
Нестерпимых, невыносимых для души,
На древе крестном пронзивших единородного сына твоего,
Да казнится супостат!
Острием копья, ребро прободавшего,
Беспощадно разившего,
Да сокрушится тот, кто насыляет смерти!
Склонением пречистой главы его,
Лику твоему, всевышний, предавшего свой дух,
Да уничтожится ненавистный Велиаров* мятеж!
Расточившись в поражении гибельном,
Когда бессмертная жизнь,
Погребенная, затаилась в утробе земли,
Да устави́тся надменное ничтожество
В недра смерти, где непроглядный адский мрак,
Памятуя непоправимый урон,
Который потерпел убийственный драконов яд,
Когда всевышний спасительные муки претерпел,
Чтобы тебя прославить, отец человеколюбия.
Исповедую славу сына твоего найтием
святого духа твоего.

Не уступает ипостаси ипостась
В самобытности своей, в могуществе таинственном,
Но славим слово твое вечное, в бытии безупречное,
С тобою, отец, пребывающее прежде всех век.
И тебе, божество единое, трисоставное,
Державное, в своих ипостасях равное,
В своей сути единосущное,
Непостижимое, нерасторжимое, неколебимое,
Верховное, безусловное, ровное,
Блаженное, совершенное, неизреченное,
Слава тебе, преславное,
Днесь, присно и во веки веков. Аминь.

* В е л и а р — одно из названий дьявола.

ГЛАВА 29

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

И ныне ты, благо изначальное,
Состраданье несказанное,
Сын всевышний вседержителя,
Ты, по чьей заповеди целый день прощать не лень,
Так что день — ступень в рай, а не в гибельную тень,
И даже скорбь сулит спасительную сень,
Ты меня, страждущего, исцеляющий,
Меня, овцу заблудшую, не оставляющий,
Меня, раба послушного, наставляющий,
Меня, жаждущего, вином подкрепляющий,
Меня, раненого, бальзамом одевающий,
Меня, грехом плененного, избавляющий,
Меня, опального, благословляющий,
Меня, многострадального, милостью умиляющий,
Меня, обездоленного, помазаньем прославляющий,
Меня, поправленного, восстанавливающий,
Меня, павшего, воспрянуть заставляющий,
Меня, споткнувшегося, вразумляющий,
Меня, медлящего, вознести не замедляющий,
Меня, поруганного, обновляющий,
Меня, запуганного, в рай переселяющий,
Меня, беспутного, в попутчики себе определяющий,
Меня, погрязшего в долгах, вызволяющий,
Меня, непрошеного, изгнать не позволяющий,
Меня, брошенного, избрать соизволяющий,
Ты, величие, ты, щедрость несравненная,
Всю полноту благ являющий и нам предоставляющий
Благо сверх нашей мольбы и нашего чаянья,
Что апостол Павел засвидетельствовал,

Ибо девятью пятьдесят,
Трижды десять и десять раз
Ежедневно, безгневно, взаимно, с легким сердцем
От восхода до заката обиды прощать —
Подвиг, превосходящий лучшие устремления людей.
Но как мое ничтожество, убожество мое
Сопоставить со славой твоей, господи Христе,
Всемогущий, вездесущий,
Благословенный, страшный бог,
Как взвесить, как уравновесить
Величие твое в различии с малой величиной,
Как соотнести тебя, творца,
Со мной, перстью земной?
Что сопоставленья, когда ты незрим, неизмерим,
И тебе, всеблагому, чужда мгла зла;
Что в сравненье с тобой количество звезд,
Сотворенных и нареченных тобой в свой срок,
Или вихри стихий в безграничной пустоте,
Или сотворенный тобой, засыпающий землю песок;
Что в сравненье со всем этим вышеназванное число,
Которым ты мне преподавал урок!

* * *

Но поглощено, истощено
В сиянье благоденья твоего
Злонравие всемирное,
Как тусклая тучка в солнечных лучах,
И учат увечья нашего естества
Оплакивать участь рода человеческого.
Кто из людей согрешал, в раскаянье не зарыдав?
Кто в мерзости погрязал, стыда не испытав?
Кто в скверне увязал, себя не отхлестав?
Кто в растленье впадал, себя не поругав?
Кто пропадал, жалобно не застонав?
Кто, сплеховав, себя не укорял?
Кто, войну проиграв, рта себе не зажал?
Кто, прогадав, жалобно не вздыхал?
Кто желчь вкушал, от горечи не захворав?
Кто с высоты упал, вприпрыжку не поскакав?
Кто во прахе лежал, славы не возалкав?
Кто блаженства искал, о небе не затосковав?
Кто благодать проморгал, болезненно не вскричав?
Кто сам с собой враждовал, себя не покарвав?
Кто от бога бежал, без бога не пострадав?

Кто божью грозу слышал, не затрепетав?
 Кто, однажды пав, себя весь век не проклинал?
 Кто, свою одежду распродав, от холода не дрожал?
 Кто, справедливость поправ, камней в душу свою не бросал?
 Кто, рабом себя увидав, на престоле не унывал?
 Кто преступленья совершал, анафеме себя не предав?
 Кто в низких страстях преуспевал, себя не наказав?
 Кто, грехами себя замавав, своей плоти не бичевал?
 Кто, непристойность облюбовав, своей жизнью не
 пренебрегал?
 Кто грехи свои вспоминал, не вспыхнув, не запылав?
 Кто потаенное перебирал, сердца себе не растерзав?
 Кто скрытое обнажал, смерти к себе не призывав?
 Кто позор свой невидимый обрисовал,
 гордости своей не растоптав?
 Кто прелесть мира познал, сжечь ее в пекле не пожелав?
 Кто грех содомский воображал,
 Огня карающего не оправдав?
 Кто, грехов своих не сосчитав, умереть не предпочитал?
 Кто, грехом несказанным себя запятнав,
 Против себя самого в ужасе не восстал?
 Кто грехи наши нестерпимые осознал,
 В отчаянье не впав?!
 Кто вину свою чудовищную искупал,
 Себя не четвертовал?
 Кто, чистоту свою оплевав, огнем себя не сжигал?
 Кто, себя самого изгнав, потом себя не пытал?
 Кто свои гнусные черты презирал,
 На себя самого не вознегодовал?
 Кто смертельного лезвия избежал,
 Хотя в чем-нибудь будучи неправ?
 Кто природу свою при всех искажал,
 Не взыв и не запричитав?
 Кто, с трона свергнутый, погибал,
 Землю не искусав?
 Кто пеплом вместо короны себя венчал,
 Души своей не колесовал?
 Кто власяницу вместо багряницы надевал,
 На судьбу не возроптав?
 Кто, добро свое кровное промотав,
 Кровавых слез не глотал?
 Кто тьму вместо света избрал, себя не обокрав?
 Кто любовь свою отпевал,
 Кончины своей не предугадав?
 Вот приметы мои точные, мои порочные черты:

Удрученный лик, омраченный блеск, иссушенный цвет,
Обожженный рот, изможденный вид,
Угнетенный дух, приглушенный глас,
Искривленный хребет.

Вот явление истинное, не измышление праздное:

Ум уничиженный, сам пристыженный,
Горем сраженный, ничем не снабженный,
Весь обнаженный, немотой пораженный,
Нищетой своей смущенный, собой возмущенный,
Нуждой истощенный, подаянием не прельщенный,
От ударов не защищенный, собственной казнью
восхищенный,

Самим собой обличенный, на смерть обреченный,
По заслугам отлученный, на чужбине заточенный,
Но представлен в притче фарисей укоренный,
А мытарь поощренный.

* * *

Если наветчик лукавый

Нас всех в грешники записал,

В надежде на будущий гнев ежедневно подсчитывая
свой посев,

Неужели ты не зачтешь, не сбережешь

В нас благие насажденья твоих словес,

Ободряя душу наблюденьем, провиденьем твоим?

Ты господь сострадательный, могущественный,

Победоносный искупитель, пречистый Спас,

Неиссякаемый источник целительных чудес;

Пожелаешь и вознесешь бездну до небес,

Тьму превратишь в свет ради наших очес,

Из горькой желчи сладкую манну сотворишь,

Жалобный плач превратишь ты в свадебный пляс,

Всех воскресив, ибо сам ты воскрес.

И все это не трудней первых твоих трудов для тебя,

Ибо ты над врагом берешь перевес.

Слава тебе во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 30

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Боже мой милостивый, господи всеблагой,
Вспомни ты свой глагол и не отринь того,
Кто спотыкается, падает, как слепец,
Молится, кается, правый теряет путь,
Чтобы опять грешить в сонме других сердец,
Истину при смерти выстрадав наконец.
Ибо во мне самом алчный мой властелин,
Вкрадчивый, хищный враг, хитрый, коварный лстец,
Он мой приспешник злой; грешник, я сам не свой,
Он, как в притче пасет ветры, чья пажить — ложь;
Как от охотника, он от бога бежит;
Мой супротивник — дичь, тело мое — ловец.
Словно зверь в западне, мой супостат во мне,
Ядовитый исток всех сомнений моих;
Сколько их, господи, ведаешь ты один.
Я в сокрушении каюсь; где грех, там плач,
Горестный, жалобный голос моих скорбей;
Не затихает он, душу мне надорвав;
Истомленный, к тебе, господи, устремлен;
Стоны возносятся, преодолевая стыд,
Запечатленные лишь письменами слез.

* * *

Дабы зачлось мне то, что я твержу давно,
И в суесловие слово не перешло,
Чтоб не перечил плач вечной моей мольбе,
Царства небесного я не просил себе;
Лишь бы легче чуть-чуть стал мне скорбный мой путь.
Если не достигим животворящий свет,
Скрыться бы хоть во тьме, хоть среди мертвецов,

Там, где поверженным не восторжествовать,
Там, где отверженным не на что уповать;
На отдыхе уставать, на пиру тосковать;
Ясен беспечный лик, ранен скорбящий дух;
Виден смех на устах, таится печаль в очах;
Невозмутимый вид,
Но выдает слеза сокровенную скорбь.
Две чаши в руках, в одной — молоко,
В другой — горячая кровь.
Два кадила:
Одною рукой — кадишь, другою рукой — чадишь.
Два блюда:
Одно — усладительное, в другом — как будто полынь.
Два сосуда:
В одном — горючие слезы, горючая сера — в другом.
Два кубка:
В одном — вино, жгучая желчь — в другом.
Два ока, две двери противные:
С одной стороны — туман, с другой стороны — обман;
Два тигля: один — как лед,
Другой — нестерпимо жжет.
Два взгляда: в одном — привет,
В другом — безжалостный гнев.
Две поднятые руки:
Одна — наносит удар, другая — отвергла дар.
Две тени на лице:
В одной — глубокая грусть, в другой — затаенная злость.
Два упрека в душе:
Один упрек — нынешнему, другой — грядущему дню.
Два робких чаянья:
Хоть бы одно сбылось, другому не повредив!
Два крика рвутся из уст:
Боль — в одном, проклятье — в другом.
Два побуждения:
Одно — надежде сродни, другое — утратой казнит.
Мрак с двумя бурями:
Одна — ранит стрелами, другая — камнями бьет.
Гроза с двумя бедами:
Одна беда — крупный град, другая — огненный дождь.
Ночь с двумя карами:
Одна кара — скорбь, другая кара — смерть.
Рассвет с двумя знаменьями:
В одном — укор, в другом — приговор.
Два солнца с двух сторон:
Одно из них — черное, другое — палит огнем.

* * *

Если занесена заносчивая рука,
Новой пощечины бледная ждет щека,
Ибо не ждет щедрот губительная тоска
И не для бедняка дар в могучей руке.
Если великолепии прельщает издалика,
Жалобно кланяться все так же вдалеке;
Если некий гордец шествует в стороне,
Скорбеть по своей вине;
Заговорят о злых — плакать, как плачут в беде;
Заговорят о святых — никнуть в своем стыде;
Заговорят о бессмертии — трепетать в нищете;
Если благословят, себя проклинать в душе;
Если похвалят вдруг,— перечить этой хвале;
Если громко хулят,— поддакивать хуле;
Грех свой оплакивать, если зачат во зле.
Ибо глумление целительнее похвал;
Следует ниже пасть, если ты, грешный, пал,
Чтобы великий грех сам себя искупал.
Если скажут «умри», ответить: «Умру».
И подтвердить: «Умру!»
Когда с неба смертельный огонь полыхнет,
Голову чуть-чуть поднять.
Свои позабыть права,
Когда оправданья нет;
Не на что притязать и не на что дерзать.
Лучше убить себя,
Однако себя убить — душу свою сгубить.
Поистине прав мудрец:
«Горе ходящему по двум стезям».

* * *

Слыша мой скорбный вопль, слыша мой горький плач,
Разве не смилуешься ты, всеблагой, надо мной?
Славен ты словом своим:
«Я сокрушенному внемлю, я милосерд!»
Мне, прельщенному злом, благо — отрада твоя.
Мне, удрученному, мне, обреченному, мне улада твоя;
Мне, соvrащенному, непросвещенному, свет — ограда твоя;
Мне, возмущенному, мне, ослепленному, мне — правота
твоя;
Мне, разъяренному, неукрошенному, мне — десница твоя;
Мне, погруженному в море, рука твоя;

Мне, уязвленному, неисцеленному, в горе забота твоя;
 Мне, уstraшенному, опустошенному, мне благодать твоя;
 Мне, помраченному, изболженному, в муках печать твоя;
 Мне, иступленному, мне, оскорбленному, в бедствиях
 мощь твоя;
 Мне, оскверненному, мне, посрамленному, в скорби
 купель твоя;
 Мне, изнуренному, неумудренному, опора — стопа твоя;
 Мне, истомленному, неугомонному, прибежище — длань
 твоя;
 Мне, соблазненному, в глушь заведенному,
 мне — дорога твоя;
 Мне, обделенному, мира лишенному,
 мне — подмога твоя;
 Мне, отлученному, грехом завлеченному,
 пречистая сень твоя;
 Мне, опаленному горем, — утеха твоя;
 Мне, опoенному желчью, — чаша твоя;
 Мне, заключенному, — свобода твоя;
 Мне, заточенному в ненависти, — любовь твоя;
 Мне, потрясенному сомнениями, — речь твоя;
 Мне, пораженному в сердце, — кровь твоя;
 Мне, усыпленному недугами, — явь твоя;
 Мне, осужденному на гибель, — сила твоя;
 Мне, разобщенному с тобою, — держава твоя;
 Мне, разоренному гоненьями, — обитель твоя;
 Мне, обойденному благом, — награда твоя;
 Мне, осажденному заблужденьями, —
 весть благая твоя;
 Ибо везде ты царишь, лишь добро творишь,
 Ибо ты целительный свет,
 Ибо нет в тебе тьмы и нет вне тебя добра
 И спасенному явлена слава твоя. Аминь.

ГЛАВА 31

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Я настроил мой стих на более скорбный лад,
Ибо скорбь в моем сердце — неисчерпаемый клад,
А ты, сострадательный, первый покровитель покаяния,
Выявляющего незримые, невыносимые грехи,
Сын бога живого, господи Иисусе Христе,
В человеколюбии твоём грехи прощающий.
Что решаешь, то и свершаешь ты;
Что соизволяешь, то и составляешь ты;
Что замышляешь, то и осуществляешь ты
Или, вернее, осуществляешь то, что замышляешь.
Для тебя наживать — значит раздавать, а не добывать;
Стяжать значит издержать, а не придержать;
Приумножать значит снабжать, а не прижать;
Пожать урожай значит горсть разжать, а не сжать.
Верю я, господи, посеми,
Что спасенье мое во власти твоей;
Я, скверный, верую вместе с верными:
Как Авраам и Анна, уповаю на тебя,
Ибо первый поверил тебе, вседержителю,
А вторая вняла твоему служителю.
Вот почему первый — прародитель бесчисленных сыновей;
Он, престарелый, заматерелый в годах, уповал:
Иссохшее, заглухшее лоно Сарры уродит,
Благословенное, как поле плодородное,
Чей плод — не один народ,
А целые сонмы святых пророков и праведных царей.
Другая же, опровергая хулу,
Семикратно прославила почившую почву чрева своего;
Вот число беспредельное, цельное,

Сопредельное божеству,
Нескудеющее изобилие новорожденных окрещенных;
Сие число преславное, где число, ему равное?
Число неограниченное, возвеличенное,
Как дева избранная, чистота несказанная,
Которой не достигнуть, не постигнуть нашему уму.

* * *

Оправдай же мою душу отчаянную, нераскаянную,
Ради сердца моего молящего, ради вопля моего слезного;
Исповеданья моего смиренного
Не отринь от святых, чтимых праведниками чтимыми,
Дабы мне возле них возликовать,
А пока уповать на твою благодать,
а не на труды моей страды,
Настолько твоя благодать превосходит все,
Недосягаемая для словесной хвалы,
Примирительница моей вражды, попечительница,
Превыше всякого малодушия и слабодушия.
С нею кровь твоя страшная,
Благодатная мать, тебя по плоти родившая,
Рать апостолов, собор пророков, ополчение мучеников,
Верховые и пешие,
В наготе своей вооруженные лишь доблестью,
Община пустынников, череда богомудрых толковников,
Строй богопочитателей,
Рой небесных человек, земных ангелов,
Силы горние, нам союзные,
Первины, заклания, лампад возжигания,
Каждения, курения, хоры, хоругви спасовы,
Зодчество церковное, божье местонахождение,
Руки рукоположенных священнослужителей.
Не откажи в твоём водительстве нам,
бога не забывающим,
Когда шествуем, когда путешествуем,
Когда десницу протягиваем, когда к небу тянемся,
Когда благодарим за благодеяния,
Когда падая, молимся,
Когда запросто беседуем, когда всенародно проповедуем,
Когда вопит естество наше бренное;
Ради нашего преуспевания, ради нашего усердия,
Ради нашего пути неуклонного
Ради наставления благопотребного,
В сновидении, во бдении,

В нашем раздоре с нехристями,
В нашем отпоре демонам,
В нашем споре с вероотступниками,
В малости и величии, в питии, в пропитании,
В позовах отрадного и отвратного;
Молюсь, да не совратились бы одни,
Да другие обратились бы, твоему чуду не чуждые.
Вера моя незыблема; движет всеми твой промысел:
Молокососами, отроками,
Духами стихийными, владыками высококочевными;
На игрище, на позорище,
На сходбище, на гульбище,
С блестками, с плесками, с плясками богомерзкими
Не забывают господа.

* * *

Всюду твое зиждительство и твое попечительство;
Ты заступник, для всех единственный,
Ты один сострадательный,
Ибо грешные рабы — твои рабы;
Тебе перечат, а сами в твоём перечне,
Мощь твою извели, что в притчах засвидетельствовано;
И, злосчастный, молитве вторю я,
Виновным признавая себя.
Вопросить отваживаюсь:
Кто, славя тебя, к тебе воззвал,
Тот, семикратно проклятый, вдвойне наказанный,
Согласно премудрому, разве отпал от тебя?
Не распознаются ли среди черных воронов
Белые голуби,
Среди вороных негодных жеребцов
Овцы благообразные,
Среди псов бешеных агнцы непорочные,
Достойные жертвоприношения,
Уничуждение в строптивости,
Уважение в неучтивости,
Достижение совершенства в нерадивости,
Служение правде во лживости,
Самоотвержение в льстивости,
Сбережение невинности в похотливости,
Ублажение в гневливости,
Вооружение доблестью в пугливости,
Одолжение в бодливости,
Движение в сонливости,

Сближение в гадливости,
Вспоможение в горделивости,
Постижение в тоскливости,
Рукоположение в колкой несправедливости?
Где мне ведать,
Кому что следует, кто тебе наследует;
Ты один судишь праведно
Фарисея нераскаянного и жену согрешившую,
Но вину свою искупившую.
Ты один радеешь всем, владеешь всем,
Царь небесный, благословенный превыше небес
Днесь, присно и во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 32

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Вышеназванными добродетелями не хвалюсь;
Среди тех, кого нельзя не покарать,
О милосердии со всеми молюсь:
Со всеми обделенными и задрожавшими,
Со всеми посрамленными и в страхе бежавшими,
Со всеми приговоренными и в прахе лежавшими,
Со всеми отлученными и тебя отыскавшими,
Со всеми удрученными и тебя познавшими,
Со всеми обреченными и возликовавшими,
Со всеми заключенными и восторжествовавшими,
Со всеми сокрушенными и восставшими,
Со всеми отрешенными и свое возвращавшими,
Со всеми осужденными и душу спасавшими,
Со всеми соvrащенными и тебя обретавшими,
Со всеми ослепленными и прозревавшими,
Со всеми помраченными и уповавшими,
Со всеми прельщенными и тенет избежавшими,
Со всеми оскверненными и к тебе припавшими,
Со всеми пристыженными и радостно взыгравшими.
Вновь обличу, но не Иерусалим,
Обличенный пророком, вдохновенным обличителем язв
родовых,
И не дам Иакова при всем разврате его;
Нет, я свою хворь, обличая, лечу,
И в согласии с пророком присовокупив «горе мне»,
Сам себя, как псалмопевец, во всеуслышанье укорю,
Чтобы моим поканьем безудержным раз навсегда
Перебить, истребить, избыть грехи,
Ибо мое очищенье — всепрощенье твое.

На коленях перед тобой,
 О человеколюбие беспредельное,
 Я во прахе являю паденье мое смертельное;
 Я к земле прильнул, прирос, прилип,
 Ибо я существо скудельное,
 Колебание бесцельное, прозябание ползучее,
 Кающееся пресмыкающееся;
 Но когда я с тобою связан,
 Привязан, подвязан к тебе,
 Отпрыск Давидова корня безукоризненный,
 Опираясь на тело твое,
 Несказанно единое, несотворенный, с тобой,
 Ободренный, наполовину выпрямляюсь я;
 Недостойный твоих щедрот, я рад бы спрятать лицо
 И все же взираю в твою высь умоляюще,
 Ты, ограда непреодолимая, услада неистощимая,
 Отрада незаменяемая;
 Очами моими в слезах, озером света озираю тебя,
 Уповаю, взываю к тебе.
 Ты, долготерпенье безмерное, беспримерное,
 Внемли мне, оскорбителю твоему,
 Ты, вездесущий, застава хранительная,
 Ты, высота непостижимая, глубина недостижимая,
 Суть невыразимая, власть неотразимая,
 Доброта неотвратимая, полнота невосполнимая,
 Правда неопровержимая, доля неделимая,
 Участь неизмеримая, казна неисчислимая,
 Мысль невозмутимая, святыня непобедимая,
 Благодетельная необходимая, твердыня неколебимая,
 Утешающая неизъяснимая, награда невообразимая,
 Обитель необозримая, находка неопределимая,
 Подмога непогрешимая, отрасль неискоренимая,
 Ты, заблудших исправление, погибших обновление,
 Уповающих подкрепление, унывающих просветление,
 Прегрешающих искупление, гонимых переселение,
 Скорбных утешение, мертвых исцеление,
 Узников избавление, пленных прославление,
 Согнувшихся выпрямление,
 Свихнувшихся выздоровление,
 Колеблящихся становление;
 Первообразный свет, лик ликованья, ливень целительный,
 Очаг очей, величие в обличии, увенчание главы,

Устав уст, строй речей, напряжение в телосложении,
Вождь рук, владыка дланей, возница души,
Врожденный зов, проникновенный глас,
Братский завет, отеческий покров,
Имя восхитительное, явление повелительное,
Знаменье ослепительное, владычество длительное,
Память благословенная, дверь благодатная,
Направленье безошибочное, доступ возвышающий,
Путь истинный, лестница небесная!
Скольких еще глаголов хвалебных достоин ты,
Скольких песнопений, скольких стихов,
От которых устанут уста,
Онемеет орудие перстных перстов,
Изнеможет алчущая душа.

* * *

Вездесущий боже, взоры всех на тебе,
И ты воззри на слезы, на вздохи, на плач
Всех рабов твоих и рабынь, зывающих к тебе.
От меня, развратного, росу горючую моих очей прими
В счет моего долга неоплатного, господи Христе,
Как не отринул ты грешницы, презренной меж людьми,
Отиравшей власами стопы твоей человечности;
Путь паденья моего превратного, безвозвратного,
Лобзанием веры моей преврати
В приобщенье к единому духу твоей вечности.
Ты в твоей безупречности меня пожалей,
Щедрей одари меня за скудную веру мою,
Ибо имя раба твоего — залог чистосердечности.
Тебе угодное, да преобразит оно
Веянье ветра хладного в дуновение утра прохладного,
Ярость вихря беспощадного в мановение лета отрадного,
Покушение страха отвратного в предвкушение
райской беспечности,
Искушение скоротечности во вкушение плода ароматного,
Ужас конца вероятного в ликование до бесконечности,
Пляску моря необъятного в ласку затишья приятного,
Бедствие судна нескладного в предвестие берега
долгожданного,
Бремя греха злосмрадного — в семя дара обетованного.
Во всеилии, в избылии твоих щедрот
Имени твоему победоносному торжествовать,
А наветчику вредоносному горевать, унывать, изнывать;
Избываться долгам, убиваться врагам,

Разрываться сетям, открываться западням,
Разбиваться цепям, преодолеваться пропастьям,
Корчеваться грехам,
Ранам рубцеваться, козням изживаться,
Казням прерываться, бедам забываться,
Бесам скрываться,
Чтобы грешную, кромешную тьму
Луч торжествующего солнца твоего
Преодолеи и меня согрел, чтобы я уцелел,
Отовсюду тобою освещен,
Чтобы заря твоя возвестила весну
Мне и всем чающим пришествия твоего,
Ибо ты страдать не велишь, ты всех целишь,
И нет бед, от которых ты бы нас не спас.

* * *

О всещедрая Христова рука,
Не минуй меня!
Удостой меня, господи, милости твоей десной,
Дабы ты во мне пребывал, а я уповал
На завет, который ты даровал;
Ознаменуй часовню сердца моего,
Которое томится по тебе, стремится к тебе.
Ради моей души впиши в меня свою суть,
Неизгладимым предначертаньем, победным сияньем,
Вероисповедным спасеньем пребудь во мне,
Дабы писаньем твоим вписаться мне в книгу твою,
Ибо жизнь в завете духа твоего,
Ниспосланье твое, ты, сотворивший небеса.
Тебе, началу единому,
Тебе, единому от начала единого,
Тебе, единому в начале едином,
Тебе, триединому богу, в ипостасях твоих
Ангелы небесные, бестелесные
И хоры — соборы праведников
Провозглашают славу днесь, присно и во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 33

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Ныне богослужебный лад моего стиха
Из урожая моей души
Благоволи приравнять к дарам,
Принесенным женами-мироносицами,
Приобщив его к благоволию драгоценному,
Боголюбивой Марией возлитому,
И к благому деянию грешниц, тобою чудом оправданных;
Не побрезгуй убожеством слова моего,
Как приятным благоуханием, господи,
Для твоей вознесенной, превознесенной главы,
Чтобы псалмопевец не испепелил меня упреком своим:
«Елей же грешного да не намастит главы моея».
Господи, удвой благоухание исповедной книги сей,
Дабы многим обонять и внять,
Дабы вселенная достопамятному дому уподобилась,
Духа этого преисполненная.
Ты на веки вечные господь,
Обративший некогда дурных заблудших жен.
В пророческом иносказании
Истину выявивший
Всей полнотою милости, тогда несказанно оказанной,
Одаривший меня:
Не ячменем, кормом бросовым,
А хлебом жизни, пшеницей отборною,
Не монетой поддельною,
А твоим образом истинным;
Не вином одуряющим,
А кровью твоею, господи;
Не мастью, пятнавшей распутницу,

А твоим помазаньем целительным;
Не платком, с головы срываемым,
А покрывалом девственности;
Не запястьями блестящими,
А крылами подвигов, добротолубием евангельским,
Не серьгою для уха ухоженного,
А незабвенным зовом твоим,
Не побрякушками, подобными веригам,
А верой, благотворным твоим игом.

* * *

Хоть я воистину всей этой славой одарен,
Разве я убоготорен, а не укорен?
В книге моей на новый лад я заговорю,
Буду вторить пророческим книгам,
Их под кров моей книги введу к моему стыду,
Сих ревнителй веры, суровых моих обвинителй;
Приговорю себя, повинюсь, к ним присоединюсь;
Кому радостный пляс, мне скорбный глас:
Гневные хоры, укору, приговоры,
Кары, карканье, вой, вопль.
Но твое милосердие, всемогущий господь,
Не оставляет моей души, заставляет уповать,
Ниспослав ей помышленья покаянные,
Угрызенья постоянные, дарованья обетованные,
Благовествованья желанные, виденья осиянные,
Владенья богозданные, прозренья беспрестанные;
Многие милости надежду внушают мне,
Еще большие лишают ее, сокрушают непомерностью;
Среди них я по доброй воле себя погубил,
Так что погибель — участь моя.
Когда Иезекииль облачением божьим назвал
Покров, облакавший святая святых,
Оскверненный идолопоклонниками,
Несколько страшнее будет моя казнь,
Если богом облечен я сам, его храм?
Подивлюсь, огнем не уничтоженный,
Изумлюсь, никак не сгорающий,
Диву даюсь, все еще не умирающий,
Попираемый, презираемый, в клочки раздираемый,
В порошок стираемый, караемый, пронзаемый,
Истязаемый, терзаемый
Челюстями хищника сверхъестественного,
Как сказано в Писании;

Остается мне лишь спасительный свет Евангелия,
То есть благо, в чем порукой слово само;
Посему где грех, там снисхождение;
Где урон, там вознаграждение;
Где тлен, там возрождение;
Где плен, там освобождение;
Где мученичество, там наслаждение;
Где хворь, там лечение; где нужда, там попечение;
Где вражда, там умиротворение;
Где беда, там благодарение;
Где опасение, там спасение;
Где устрашение, там утешение;
Где пожар, там дождем тушение;
Где смертельный удар, там воскрешение.
Воистину всем этим ободрен,
Разве милостями несказанными я не озарен?
Разве к отцу возвращение — не к сыну приобщение,
Разве к сыну приобщение — не к отцу обращение,
Разве к богу обращение — не духом святым насыщение?
А крестом искупление, словом божьим наставление,
Добротолюбием окрыление,
Крещением целительным умиление?
А другие благодеяния, вседержителем уготованные,
Незаслуженные, произвольные, вольные, дарованные?
Вот милости, бесспорно возвещающие жизнь,
Отвращающие горькую смерть, и как псалмопевец рек,
Без них я сгинул бы, не начиная жить.
Не бедней сын, когда отцу я славу пою;
Не скудней дух, когда я сыну честь воздаю;
Три лица во славе равны, что в творенье всего видней.
Посему молитву я сложил, к духу святому обратясь,
Как бы первинами литургию предварив:
Заклания агнца небесного.

Молитва, предваряющая литургию:

Всемогущий, всемилостивый, человеколюбец — творец,
Основатель зримого и незримого бытия,
Ты, спасающий, исцеляющий, избавляющий,
умиротворяющий,
Неодолимый дух отца,
Молим тебя, взываем к тебе с крестным знаменем,
Со слезами, с воздыханьями предстоим тебе,
устрашающий;
Трепетные, приближаемся и уничижаемся,
Готовые преподнести слова наши жертвенные

Тебе, сила непостижимая,
Ибо отчий престол, слава отчая, творение отчее,
Также и твои в нерушимом благословении,
Ты, пронзающий глубины таинственнейшие,
Волю бога истинного, чей сын — Эммануил,
Твой носитель, наш спаситель, жизнедавец,
Сотворивший всех и вся.
При твоём участии нам он явил
Божество триединое, трисоставное,
Чья ипостась неизреченная ты сам для нас.
При твоём участии предки праотцев,
Ясновидцы признанные,
Изъяснили в ясности осмысленной
Былое и будущее, доселе несбывшееся.
Ты дух божий, как Моисей сказал,
Мощь беспредельная, веявшая над водами,
Покров облекающий, устрашающий, оберегающий,
Крыла, сосарадательно распростертые над
новорожденными,
Чтобы открылась нам тайна крещального источника.
Провозвестник и знаменье тайны сей,
Прежде чем за пологом в полой пустоте
Обратить хлябь в твердь,
Всемогущий, ты, с господом господь, создал
Целостную ткань всего сущего в существах,
Небытие бытием превозмог.
Тобою обновлены воскресением
Все существа, сотворенные тобой,
Ныне, когда в один и тот же день
Кончается этот свет и начинается земля живых.
Движим был тобой, соприродный нам,
как и отцу своему,
Сочетавший волю свою с твоей, соприродный тебе,
Единошущный отцу, первородный, однородный сын.
Он возвестил, что ты бог истинный,
Соприсносущный отцу всемогущему;
Он предостерег, что хула на тебя не прощается;
Он замкнул уста нечестивые,
На тебя посягавшие, оспаривавшие господу;
Он простил тех, кто восстал против него;
Он, праведный, пречистый, всех спасающий,
Из-за нашего отпадения умирающий,
Ради нашего оправданья воскресающий.
Ты прославил его, и ты славишься
Со всемогущим отцом на веки вечные. Аминь.

(Да возглашается молитва сия неумолчно, пока нас чудом не озарит исповедание, возвещаая двукратно мир.)

Возрыдаем, воздыхания вознося,
Восхваленье возгласим, восславим, воспоем
Воспарившего, воскресением воссиявшего,
Творца предвечного, безупречного,
Духа бесконечного,
Заступника за наши слезы несказанные
Перед любовью отчею;
Ты, святых бдение, грешных возрождение,
Храмов живых возведение, отчим соизволением
Избавь нас от скверны пагубной,
Твоему обитанию препятствующей;
Не пренебечь бы нам внутренним светочем
Благодати твоей в созерцании умозрительном,
Ибо нам ведомо, что мы с тобой соединяемся
В молитве и в праведном рвении,
Когда один из Троицы — жертва, другому принесенная,
И тот над нами смиловался
Ради крови первородного,
Ты ради молитвы нашей освяти обитель наших тел,
Чтобы нам отведать, изведать агнца небесного,
Брашно безвозбранное,
Новую манну целительного бессмертия,
Чтобы наши прегрешения расплавил огонь очистительный,
Подобие угля горящего,
Принесенного с жертвенника в клещах ангельских,
В чем сказалось бы твое сострадание,
Как в сыне божьем отчее благоволение,
Не отказавшее сыну блудному в уделе родовом,
А женам дурным — в утехе праведных.
Да, да, и я такой, от них не отделяй меня,
Столь нуждающегося в твоём снисхождении,
Благодатью твоей спасенного,
Христовой кровью оправданного,
В чем божество твое всемогущее, вездесущее
Да проявится,
Да прославится так же, как и отец,
В едином велении, в равном восхвалении,
Ибо ты всепобеждающий,
Сострадающий, освобождающий,
Преславный, державный во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 34

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Ныне для верующих чаянья моей скорбящей души,
А для тебя исповеданье правой веры моей,
Ты, господи, объемлющий словом своим бытие,
Выше поведенное в новой молитве изложу,
Обнародую писанье мое
Ради разных народов и стран,
С миром наставляя мирян,
Вознесу мольбы настоятельные,
Присовокупив хвалу.

*(Молитва церковная на умилоствление духа божьего,
чьа милость на благо нам.)*

Взываю к тебе, неколебимый, всемогущий,
всемогуший дух!
Окропи меня сладостью твоей,
Одари мою душу и царя рассудительного
моей чувственности
Всей полнотой твоего нескудеющего милосердия.
Возделай ниву нерадивую помыслов моих земных,
Да родит она, небесным засеянная.
Подтверждаем, что в твоём верховном веденьи
Процветание наше и пропитание;
Ты, апостолов избирающий,
Пророкам истину вверяющий,
Толковников умудряющий,
Немым речью одаряющий,
Уши глухим отворяющий.
Посему соприродный тебе, единосущный отцу,

Единородный сын, творец, как и ты, творец,
Провозгласил тебя ипостасью бога, как и отец —
ипостась.

Милостиво вверх мне, грешному, непререкаемый глагол,
Открывающий спасительное сокровище

Евангелия твоего,

Чтобы разум окрыленный усталости не знал
На необозримом поприще заветов, где дышишь ты.
И когда мне надлежит всенародно слово твое толковать,
Не оставь меня твоей милостью, тотчас наставь меня
В том, что ясно, что прекрасно, что согласно
с волей твоей,

Церковь да воздвигнется вселенская
Ради торжества божества.
Поддержи меня десницей участливой
Ради моей бренности опасливой.
Просвети мое несчастье, ненастье беспамятства,
Чтобы мгла греховная сгинула
И превозмогла моя доля духовная
Дольнее ради горнего.
Озари меня, заря безоблачная,
Прозрением божества твоего чудодейственного,
Дабы мое смирение сподобилось
Христолюбцев наставить внимающих.
Слава тебе всюду и везде,
Как и отцу всемогущему и сыну соприисносущему,
спасителю,
Днесь и во веки веков без конца. Аминь.

А символ веры, правило жизни для избранных в стяжании
милости, все, что относится к единосущной, пресвятой
Троице, и толкую, как явствует из моих словес нижесле-
дующих.

*(Новое песнопение на символ веры троической незыблемой,
богодухновенно возвещенной в Никее.)*

Веруем в бога единого,
Благочестиво, боголюбиво исповедуем
Единицу в Троице, соприисносущую прославленной,
Божество непостижимое,
Во благе неизмеримое,
В трех лицах нерасторжимое,
Одинаково чтимое,
Даже для разума парящего недостижимое,

Ни с чем не сравнимое и не сопоставимое,
Все вмещающее, ни во что не вместимое,
Прежде всех век,
Прежде всех тварей, прежде всех степеней
превозносимое,

Основание времени и временного,
Зиждение видимым и невидимым,
Начало безначальное,
Неисповедимое, вне определения, вне представления,
Вне уподобления, вне исчисления,
Вне летосчисления, вне разделения,
Вне уловления, вне умозаключения,
Вне ограничения, вне преувеличения.

Отец всемилостивый, всеобъемлющий,
Над земным и над небесным властвующий,
Соучаствующий лишь со словом своим,
Отчей волей всюду царствующий;
Дарующий всякое дыхание,
Сосуществующий лишь с духом своим,
Отчий замысел осуществляющим.

Одна из трех ипостасей, державных, преславных,
в могуществе равных,

Сию посетила юдоль;
Совершил нисхождение тот, в ком происхождение
мира сего;

Владеть престолом не перестал, блистая, как блистал;
Ипостась отчю созерцаая воочию,
В келью лона девственного вселился, как младенец,
прост,

И покинул его для вечности
В безупречности своей телесной человечности
При всей бесконечности божества своего.
Отец один и сын один;
Первородный, едиnorodный сын девы богоматери,
Творец, в творении вочеловечившийся,
Чье превосходство — истинное первородство,
А не мнимое благородство земнородных владык;
Он один — всем властелинам властелин,
Первей царей, согласно псалму.
При своем божестве он в нашем естестве,
Как в теле душа, как золото в огне
Или, вернее, как в небе свет, постоянно, неслиянно.
По доброй воле принял он крестную казнь,

Агнец непорочный, чье заклание — искупление,
Всем тварям своим спасение уготовал он.
Воистину страдала его плоть,
Но не без божества лежал в гробу господь.
Погребенный на три дня, превозмог он вечный мрак,
Удрученных посетив, омраченных просветив.
Совершенное воплощение —
Жизни божественной возвращение.
Окрыленный ветрами, вознесенный херувимами,
Он в непроницаемом облаке,
Превыше небес, на престоле своем,
В уделе своем от отца не отделен,
Не умален и не отдален,
Нашим навек наделен, своим не обделен.
Посему грядет он, дабы судить и воздавать,
Установить верный вес вещей.
Отсюда наше ожидание и наше к нему зывание,
Наша вера безусловная в господство господ.
Он воистину один, с единым заодно,
Единый от единого, во славе с ним един.

Наше песнопение, наше восхваление
Отцу, сыну и духу соприсносущному,
Святому вседержителю, истинному, совершенному,
благословенному,

Из небытия цельность бытия сотворившему,
Самобытному, двум другим ипостасям равному
В бесконечном, вечном, безупречном царствовании:
Единому, началу безначальному,
Слову единосущному, страшному —
От всевышнего всевышний дух;
Благо по сути своей, отчие дары ниспосылающий
Во славу сына достохвального,
Законом движущий, в пророках глаголавший,
Дыханьем единосущного отметивший апостолов,
На Иордан сошедший голубем,
Приумноживший славу пришествия,
Озаривший писания хранивших предания,
Он призвал просветителей,
Облюбовал благовестителей,
Не забывал законоучителей,
Короновал властителей,
Ограждал правителей,
Препровождал предводителей
Вознаграждал освободителей,

Возрождад избавителей,
Услаждад дарителей,
Освобождад благотворителей.
Нас, крестившихся в смерть Христа,
Очищад, защищад, восхищад своим присутствием.
Что отец творит и сын творит,
То дух святой творит;
Един бог, благословенный господь,
Во всех, для всех.

Прежде ипостаси величая ипостась,
В Троице ипостась ипостаси не предпочту;
Ипостась прежде ипостаси назвав,
Ипостась ипостаси не подчиню;
Если в Троице три — одно, ипостаси не смешиваются
все равно;

Если в Троице три лица, не троится воля божества.
Где была бы слава отца,
Когда бы не слово, мощь его?
Когда бы не дух, исходящий от отца,
Отец был бы бездыханен, безгласен и немощен.
Когда бы слово было не во имя отца,
Безродное в своем убожестве, родилось бы смертное
в ничтожестве.

Когда бы не начало безначальное,
Дух был бы смутен, неприютен, веянье безвестное.
Но когда иные в прекословии норовят отлучить
Слово отчее от отца, как будто слово не единосущно
отцу

И бессловесное — это величие небесное
Или дух обесславить, как будто дух
Иносущен истоку своему,
Как будто совершенное единство Троицы искажено,
В еретиков из пращи правоверия будем камни метать,
Их прогоним, загоним, изгоним,
Как дьявольских ратников, адских привратников
и прочих стервятников;

Этим, тем и остальным анафема!
Да не войдут они в жизнь через церковь,
куда нет им доступа.

Посему восхвалим святую Троицу,
Вседержительство единодержавное,
Величие соприсносущное в песнопении троическом.
Благословенна Троица всепетая
На соборах праотцев, умудрение творения
Во веки веков. Аминь.

Ныне исповедание таинств заветнейших
Книгой моей засвидетельствованное,
Вверяю всеобъемлющему слуху твоему, великий господи;
Во всеоружие решаюсь вступить с тобою в прение
Не потому, что величие твое приумножается
моим величанием,

Нет, прежде творения, прежде небес,
Прежде певчих райских твоих,
Прежде мыслителей, рожденных землей,
Твоя цельность цены не имела в своей
беспредельности,

Но для того, чтобы возвеличил меня, отверженного,
Ты, сладость несказанная,
Чтобы тебя изведать мне, словом к тебе
приобщенному.

Но позволено ли уставами жизни в царствии твоём
Взывать к тебе: «Господи, господи»
И пренебрегать волею твоей?
Поистине скрижаль из духовного золота
С твоим благовествованием, с письменами перста
твоего,

Я сам себя сокрушил, согрешил, себя наказать
поспешил,

А теперь чернилами черными
Подражать пытаюсь дражайшему.
Если доселе зывал я к тебе с молениями,
с восхваленьями,

В прение сие не включенными,
Внемли, всемилостивый, мольбам былым,
Как внемлешь гласам нынешним;
Глас моего прославления, умаления, моления
К ним присовокупи ради душ верных и незапятнанных,
Опреснок, с елеем смешанный, для алтаря твоего.
Но ты, всещедрый даритель для всех людей,
У единого бога один Христос, крепок и всемогущ,
Ты покоряешь и покоишь не только подобных мне,
Чье калечество — мятущееся человечество,
Но и бесстрастных ангелов
И безупречных, причисленных к лику святых,
Среди которых Илия,
Сподобившийся на горе Хорив трех знамений
устрашающих:

Землетрясения оглушительного,
Вихря сокрушительного,
Пламени разрушительного,

Но пребывание спасительное твое не в них,
А в усаде веянья утешительного,
Ибо ты один, согласно писанию, хочешь милости;
И в нашем роду были добродетельные угодники,
Преобразившиеся в подобие небесное,
Однако и они земная персть при всем своем
избранничестве;
Тебе одному зло не сродно, ты — благо безусловное,
Исцеление всецелое, отдохновение вечное,
Спокойствие безграничное, врачевание действительное,
Родник воскрешающий, как Иеремия сказал;
Воззри на меня, сжался надо мной,
Ибо мое исцеление — утоление жгучей жажды твоей,
Хотя бытие твое совершенное, блаженное,
Но даже ангелам, хвалителям твоим в бессмертных
небесах,

Заповедал ты звать,
Как смертным иереям и архиереям,
Неумолчно, неотступно, жалобно
К твоему состраданию за нас и ради нас,
За меня, нераскаянного, за меня, неприкаянного,
Повторять стих один:
«Доколе ты над Иерусалимом не умилосердишься!»
Вот сияющая тайна посещения твоего:
Наше приобщение к лику ангелов на смену тем,
кто пал,
Изъяснение твоего с нами единения, господи,
В притче, в зове, в слове: Иерусалим*.

* * *

За нас вступился ты, сострадательнейший,
Не скупился ты, царственнейший,
К нам прилепился, благословеннейший,
В нас укрепился, возвышеннейший,
В нас внедрился, могущественнейший,
Смирился, попечительнейший,
Покорился, непобедимейший,
Воцарился, непостижимейший,
Не удалился, целебнейший,
В нас вселился, благословеннейший,
За нас молился, всепрощающий,
С нами соединился, неизмеримейший,

* И е р у с а л и м — здесь город мира.

Подчинился, всесильнейший,
За нас повинулся, безграничнейший,
Уплотнился, бесплотнейший,
Спустился, беспредельнейший,
Воплотился, сияющий,
К нам обратился, спасительнейший.
Возвещенный ангельскими гласами,
Для меня, страдальца, ты благое заступление,
Обетованное благовествование,
Вечное жертвоприношение,
Неотъемлемое приобщение,
Очищающее горение,
Нескончаемое причащение.
Сохрани же меня, грешного, твоим человеколюбием,
Твоим благословением, твоим благоволением,
Ты, всепрощающий, ты, прославленный
На веки вечные. Аминь.

ГЛАВА 35

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Господи боже сил, восхождение устрашающее,
Провидение бесспорное, веление безграничное,
Награждение безмерное,
Одну росинку блага твоего
Гласом, плясом, сказом своим кто способен
превознести,

Ибо ты на все готов, чтобы меня спасти?
Я же ради большего пишу, грядущему внушу:
Ангелолюбцем ты не прослыл,
Хотя ты учредил ангельские чины,
Чья краса, небеса, запечатлены твоим перстом,
Но как человеколюбец возвеличен ты,
Так что имя твое неизреченное
В страшных тайнах святых
Славой двойною облечено;
Жители небесные, светочи бестелесные,
Ангелы — лишь служители на посылках
ради ниспослания,

А мы, в прахе заключенные, умереть обреченные,
Облагорожены званьем, призваньем, прозваньем
твоим;

Ты за пределами возможного
Приумножаешь письменные свидетельства
славы твоей,

Излучая, источая, расточая благодать горнюю твою.
Так воплощением одной из ипостасей твоих
Одних ради них самих, других ради всех благих
Ты благословил, наделив жизнью истинной:
Дарованьями разнообразными, проявлениями
чудотворными,

Откровеньями несомненными,
Когда над расслабленным, чья вера хромала,
Многомилостивый, сжалился ты,
Ради тех, кто, уповая, поверг его пред тобой,
Не превзойдет ли всемогущее слово твое
Былую мощь в благодеянии,
Очистив меня порочного, порченого, болящего
Ради вопля моего молящего?
Когда чудо явное —
Возрождение падших душ в целомудрии,
Чудо не превосходнее ли
Образ в благообразии соблудности,
Превзойти чудо крещения,
Отчей славе послужить?

* * *

Ты один, господи,— наше освящение,
Что явлено в образе Моисея боголюбезного;
Ты один осенил род Иакова,
В плену египетском осквернившийся,
Соблазнившийся тьмою идольской;
Ты один для грешников закон и правый путь,
Как псалмопевец рек;
Ты один смягчаешь сердца каменные,
Дабы плоть податливая
Восприняла слово твое;
Ты один даешь сердце новое
И во все дни жизни единый путь богобоязненный,
Ты один укрощаешь мятежников,
Дабы вняли они тебе, веруя,
Как вещает глас пророческий.

* * *

Благодатным влияньем, изливаньем твоих уст,
Исток бытия,
Ототкни мои уши, окропив их чудом чуть-чуть;
Укус искусителя, отраву змеиную,
Впредь обезвредь!
Развяжи, вседержитель, ретивую резвость речи моей;
Звуком вооружи, ибо вещать каждому вольно,
Каждому дано;
Преподай мне подобающее,
Не дай в суесловие впасть и отпасть, как Адам пал,

Чтобы не загнал меня лукавый в тупик тупости.
Вновь зажги помраченные зеницы моей души
Прикосновеньем животворящей десницы твоей,
Чтобы лампы моей, отваги моей не задул змий,
Чтобы мне под спудом не догореть.
Избавь меня от неправды моей, господи,
Ввергни в пучину морскую мои грехи;
Не без преуменьшения твоего свершения
Притча сия пророческая;
Так мои прегрешения ты уничтожь!
Ознаменуй упованием душу мою поверженную,
Чтобы не воздвигся памятник моего отчаяния,
Отличающего изъяны мои тайные!
Открой, всемогущий, всеблагой, твои поучения
Ради лечения недугов моих;
Сокровенные всходы невзгоды, зловредный посев
Искорени, пожни, скоси, меня спаси!
Стремясь, вседержитель, к тебе, как апостол Петр,
В море мирском грехов моих тону;
Ты десницу твою спасительную мне протяни,
Поддержи меня в колебании моем ужасающем.
Голосом хананеянки из глубины души
Взываю, завываю: мне, гончому псу,
Бездомному, голодному, издыхающему,
Хоть крупичами застолья твоего пиршественного
Кормиться позволь!
Меня, твой сосуд алтарный,
Хоть я наследник неблагодарный,
Ты пришел отыскать, восстановить, оживить,
Ибо ты всепобеждающий, убеждающий,
Учреждающий, награждающий, услаждающий,
Возрождающий, благо насаждающий,
В рай препровождающий, прославленный
Во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 36

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Чем урожай твоих даров щедрей, тем долги мои тяжелей;
Каково же мне быть свидетелем
Добровольной крестной казни твоей?
Длань твоя, сотворившая, одарившая всех людей,
Не избежала гвоздей на кресте,
Дабы сопротивленью мое обуздать.
Стопы твои проворные, животорные
Обрек ты шипам на древе губительном,
Дабы за блажь мою благом воздать.

* * *

Исушил ты смоковницу бесплодную,
А рук, тебя заушавших, не сокрушил,
Дабы мне урок милосердия преподать.
Потушил ты солнце ясное,
А сброда, что бил тебя, господи, ты не истребил,
Дабы мою душу погибшую миром отрадным усладить;
Луну кровавую ты явил,
А уст, на тебя клеветавших, не сковал,
Дабы при моем косноязычии мне твое величие
подтверждать;
Попирал ты первоосновы,
А своих оскорбителей не покарал,
Дабы меня, жалкого, помазаньем возродить.
Камни ты заставлял трескаться,
А зубов тем, кто клял тебя, не раздробил,
Дабы меня, безблагодатного,
От моих же бредней суетных освободить.

Змея без ног оставил ты,
А воинов насквозь клинками не пронзил,
Дабы мои кости скорбные,
Как сокровище, до воскресения ограждать.
Запечатлевших гробницу твою, где лежал живой,
Ты не поверг и в подземную бездну не вверг,
Дабы в дарохранительнице моей души
Свет возбуждать.
Распускавших слух, будто ты пропал,
Подкупивших стражу, что кражу якобы проспала,
Словно ты прах,
Ты не казнил, их племени не искоренил,
Дабы меня, презренного, к спасению препровождать.
Тех, кто дважды дерзал сокровищницу повреждать,
И серебром, преподнесенным отцу твоему,
То предателя, то хулителя вознаграждать,
Сборище изуверов неистовых,
Посмевших тебя осуждать,
Не заставил ты стоять истуканами,
Как преступницу давнюю, чей внук — Моав,
Дабы вопреки моему преступлению
И самоумерщвлению,
Благодаря искуплению безвинной кровью твоей
На незыблемом камне спасение мое учреждать.
Дважды благословен, снова благословен
Извечно во всем прославленный во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 37

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Вот строй вышешоименованных благ,
Твоих щедрот, не заслуженных мной,
Сострадательный, зиждительный, восхитительный,
Хотя здесь они представлены лишь в малом числе,
Но все они благородные, высокородные,
порфирородные,

Отпрыски силы, наследники всемогущего,
Преславные, озаренные, одаренные,
Победоносные, ликующие, торжествующие,
Хоры хоругвей, шествия сияющих венцов;
С ними власти многие, певчие строгие,
Радостные, сладостные, благостные, блаженные,
Божьи сородичи, богу преданные подданные,
Которым пророческая молитва посвящена:
«Воздвигни, господи, силу твою и спаси нас!»
Град отчаянья тает, слезы раскаянья льются дождем;
Грехи перед воинством благ скорее сходят на нет,
Чем Денница, сатана, первым впавший во мрак
Богу наперекор —
Перед архистратигом святых бесплотных сил.
Не поведать мне,
Какой ливень даров обрушил всевышний на меня,
Бездарного, коварного, неблагодарного;
А кто отважится божьи благодеяния перечислять,
Тот выдаст отдельное за беспредельное;
Чудесами подавленный, вспомнит вещество,
Из которого вылеплено его существо,
И, хилый, убогий, убоится непревзойденного.

Что бы я ни писал, подтверждаю одно:
Я бренный, ты блаженный творец,
Я растленный, ты совершенный;
Но мощью твоею, ты, святыня,
Ты, благостыня, ты, сияние, ты, излияние,
Взломано сердце, твердыня сатаны,
Совращающего меня окаменением,
Угнетающего унынием,
Истощающего два моих источника,
Зижденье твое, вертоградарь, в Эдеме существа моего,
В моем внутреннем раю, где насажденье благое твое;
Где древо жизни этими источниками орошено.
Да не осушит враг, да не слизнет слез моих,
Да не залучит меня в тенета привадой отравленной,
Да не разлучит с моей отрадой первоначальной;
Но встанет бог, чудотворной мудростью восхищающий,
В сонме богов, утишающих, утешающих,
И воздвигнет свой оплот, завет милости своей;
Перед замыслами черными,
Перед помыслами тлетворными
Сей завет что горный хребет
Перед струйкою дробящейся
Или перед пылью клубящейся.

Так что не люди укоряют меня, как Иов сказал,
А твой взор, от которого не ускользает ничто,
Ты, небесный судия;
Страхом жестоким поражена совесть моя;
О чем я не помыслю, содрогнусь.
Сердце мое разбито, но прибежище мое —
Обетование твое незыблемое,
Ты, нетленный, бог живой;
Возри, сострадательный, на меня, достойного вечных мук!
Перед горней твоей добротой
Неимушая немощь моя обременена
Лишь сокровищами твоего сверхъестественного торжества.
Не забудь же меня ты, память непрерывная,
Ты, бдение недреманное,
Каждому всхлипу, малейшей жалобе внимлющее!
Господи, отвори от меня
Знаменьем креста петлю гибельную,
Казнь твоей — сухоту безысходную,
Терновым венцом — поросль греховную,
Телом исхлестанным — рану смертельную,
Оплеухами претерпенными — кару позорную,

Ликом оплеванным — нечистоту природную,
Желчью выпитой — отраву горчайшую.
Вот сокровища твои непомерные,
Единородный сын бога единого;
С ними сопоставив пороки мои,
Жарко взываю к пречистому имени твоему
С молитвой умною:
Возри на мое покаяние в моем злодеянии,
Смилуйся надо мной, сыном погибели,
Избегать вечной смерти не смеюшим,
Чтобы в изобилии грехов моих
Торжествовало всесилие твоего всепрощения,
Удваиваясь, усваиваясь, развертываясь,
Мощно превознесенное там, где твой престол,
и там, где наш дол,
Во славу тебе, отцу и святому духу твоему
Во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 38

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Как в первоначальном прении был мною разоблачен
Черный отряд важнейших грехов,
Чей родитель закон в членах тела моего заключен
И мною движет, мне погибель завещав,
Ныне, в четких границах моего стиха
Описывать начну череду племен,
Чей родитель — закон света, чей исток — дух,
Чья стихия — жизнь во Христе,
А мой стих — лишь малый всплеск ее.

Поистине венценосцы среди них
На престолах восседающие,
Благодати преисполненные;
Царь и собор его,
Государь и двор его,
Самодержец и убор его,
Триумфатор и хор его,
Победитель и дружина его,
Превознесенный и певцы его,
Жених и ликующий сонм его,
Покров девства и свита его,
Друг женихов и подвиг его,
Спасение и милости его,
Воплощение и блага его,
Прощение и напутствие его,
Заступление и десница его,
Ниспослание и краса его,
Утверждение жизни и незыблемость его,
Запечатление и клеймо его,

Облако и область его,
Чудотворение и проявления его,
Дух и целость его,
Слово и осуществление его,
Завет и свет его,
Властитель и закон его,
Чудотворец крестный и крестник его,
Хлеб небесный и вечная сладость его,
Утес и животворящий ток его,
Столп огненный и блеск его,
Гром и благовествование его,
Упование свыше и целительность его,
Древо обетованное и щедроты его,
Виноград и клад его;
Но боясь, что утрата — расплата за всеобъемлющее,
Ибо наш слабый взор солнцем омрачен,
Я не возвеличиваюсь, малым ограничиваюсь,
Большее на меньшее меняю ради величайшего.
Увы мне, как спастись моей разоренной,
изнуренной душе,

Когда прение мое вынуждает меня сочетать
Воспевание благовествования
И завывание дурного предзнаменования,
Ибо где благовествование, там возмездие,
Где упование, там нареkanie;
Где оправдание, там осуждение;
Где признание, там дознание;
Где озарение, там показание;
Где разоблачение, там уличение;
Где прозрение, там презрение;
Целомудрие вознагражденное,
Суемудрие осужденное.

* * *

Увы мне вновь, укоренному, дважды приговоренному,
Ибо в ярости праведной готов
Серп скосить злак жизни моей,
Судья готов приговорить, воитель — сразить,
Гонитель — казнить, длань — заклеить,
Палица — сшибить, меч — разрубить,
Пастырь — от стада отделить меня.
Воистину слово твое, обращенное ко мне,
Приговорит меня, виновного,
В конце времен по заслугам воздав.

Опреди, сострадательный, погибель мою
Отрадней благодатью твоей,
Чтобы не плакать мне, удрученному, помраченному;
В муке последней моей окажи мне помощь первую,
Надежду внушая, узы разрешая, утешая, воскрешая;
Во всем ты прославлен во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 39

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Когда я прежнее благо мое отверг
И, подстрекаемый лукавым, по небрежению
все расточил,
Днесь уподобляюсь я Ветхому,*
Плачу всей моей тоскующей душой,
Лица моего пристыженного не прячу,
Мой срам всенародно разоблачу
Перед полчищами племен;
Вот пронзительный крик моего покаяния.

* * *

Я писание одушевленное,
Внутри и снаружи исписанное
Письменами причитаний, жалоб и скорбей,
Словно свиток, Иезекиилю явленный.
Я град неогражденный, дом незапертый,
Соль несоленая,
Жижа солоноватая, отвратная для жаждущих,
Почва, неурожаем угрожающая,
Пустоцвет на пустоши, осока худосочная,
Оскудельый надел в терзающем терновнике;
Я угодые божье, угождающее нечистому;
Маслина, поддающаяся ветру неблагосклонному;
Дерево, достающееся топору непреклонному;
Растение, подверженное тлению неуклонному,
Светильник, покорившийся мраку непросветленному.

* Ветхий — имеется в виду Адам.

Вновь одним и тем же звуком замыкая стих,
Буду в духе прежних жалоб твердить:
Страшный приговор вынесен мне, посрамленному;
Скрежет зубовой, слезы мне, истомленному;
Тления не избежать моему телу уязвленному.
Новое проклятье мне, смутьяну ожесточенному;
Угрызения губительные мне, заточенному,
на смерть обреченному;
Воинство небесное по заслугам воздаст мне,
удрученному,
Сорняки мои явив мне, обличенному,
Устрашающим гласом суля гибель неисцеленному.

* * *

Вот потешная и грешная песнь
Блудницы, на цитре играющей,
Жалобные жала струн перебирающей,
Как Исайя в своей притче о Тире предрек,
Подбирая множество сравнений душераздирающих,
Как бы хоровод невзгод,
Предваряющий малость недалекого грядущего;
Так мне ли словес безутешных не нашептывать,
В легкомыслии недомыслия
Не предвидевшему господня пришествия!
Стоит, однако, представить мне боль наказания,
И от моего дерзания обострится скорбь;
Стоит мне отважиться на предсказания,
И усилится моя боязнь;
Стоит мне пуститься в иносказания,
И моя казнь сравняется с моей виной,
Ибо прорицание без покаяния
Вызывает лишь порицание.
Но прости меня, господи Христе, небесный царь,
Благодательный, сострадательный,
Правдолюбец, человеколюбец, совершенный,
Благословенный во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 40

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Бог всемогущий, всеблагой, всетворец,
Мой вопль, вопль гибнущего, услышь;
Сподобь меня не страшиться грядущего,
Прости мне долги ради могущества твоего вездесущего,
Ибо поистине начало, конец, венец бытия
Воля твоя, так как предела нет
Щедрости твоей и мудрости твоей.

* * *

Острота моей мысли являет мне вдалеке
Ужасающее сияние грядущего;
Для праведника уповающего это ясный день,
И смертная тень для меня, виновного и унывающего.
В сотворенном не затвориться, ничто не спасет меня,
Ни пещеры потаенные, ни ущелья мглистые,
Ни пропасти бездонные, ни горы скалистые,
Ни кельи уединенные, ни русла каменистые,
Ни вершины освещенные, ни расселины тенистые,
Ни доли истощенные, ни склоны травянистые,
Ни твердыни защищенные, ни пустыни безлесные,
Ни кручи отвесные, ни уступы тесные,
Ни дороги проторенные, ни тропы тернистые,
Ни моря разъяренные, ни облака небесные,
Ни дома населенные, ни сокровища полновесные,
Ни потуги телесные, ни взмахи рук неуместные,
Ни мольбы исступленные, ни слезы бессловесные.

* * *

От ужаса грядущего
Одна ограда — твоя отрада, господи Христе!
Вместо возмездия неизбежного
Удостой безбрежного, безмятежного
Блаженства твоего мою душу грешную,
Ибо что ни шаг, то враг; ты один благ для всех.
Разруби мои узы мечом креста твоего непобедимого;
Освободи меня, связанного, казнимого;
Проводи к свету меня, петляющего, гонимого;
Охлади жар сердца моего, пламенем палимого;
Отврати искушенья, внушенья врага непримиримого;
Разгони мрак на душе, тень зла неодолимого;
Устрани копоть скверны моей,
Останови разврат естества моего неисправимого;
Восстанови в душе моей хоругвь имени твоего
неисповедимого;
Озари меня прозрением внутренним,
Ибо скудель моя чаает незримого;
Одари меня сиянием образа твоего неизгладимого;
Проясни мою ночь твоим влиянием ради меня,
подсудимого;
Благослови меня светом твоим,
Божественным, торжественным, сверхъестественным
В подобии триединства непостижимого,
Ибо ты один благословен с твоим отцом
И тебе хвала святого духа твоего во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 41

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Сын бога живого, ты, слово, во всем ты благословен,
Непостижимо рожденный грозным отцом,
Что ты решишь, то и свершишь.

Когда распространяются пресветлые лучи
Божества твоего, торжества твоего,
Оправдываются грешные, изгоняются духи
нечистые,

Исправляются порочные, вызволяются
заточенные,

Освобождаются закованные, возрождаются
мертвые,

Вылечиваются недужные, рубцуются язвы гнойные,

Преображаются растленные, радуются скорбные,

Улыбаются плачущие, уничтожается злосчастье,

Проясняется ненастие, преодолевается марево,

Просветляются тени предрассветные,

Озаряется смутное, выдворяется мрачное,

Покоряется темное, устраняется тяжкое,

Обуздается хищное, унимается уныние,

И простирается всемогущая рука испкупителя.

* * *

Ты пришел не сокрушать, а воскрешать,
И мои злодеянья бесчисленные
Достойны твоего состраданья безмерного.

В небесах ты непостижим, незрим на земле,
Со вселенной нерасторжим,
Неопровержим в малейшей частице бытия,
Вездесущий зиждитель, вершитель, промыслитель,
Вознесенный превыше небес;
Слава тебе, отцу и святому духу твоему
Во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 42

Слово из глубины души ко всевышнему

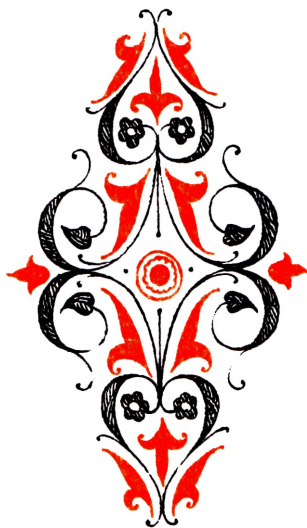
* * *

Господи боже, вседержитель, целитель,
Спаситель, искупитель, восстановитель,
Благотворитель, животворитель, просветитель,
Даритель, вдохновитель, обновитель, утешитель,
Помяни меня, когда приидешь во царствие твое,
Всемогущий, устрашающий, врачующий,
Зиждительный, попечительный, крепкий,
Бессмертный, каждому стону твари твоей внемлющий,
Молю тебя, как рядом с тобою распяты,
Хотя за тебя никто его не гнал, не проклинал,
Не заковал, не бичевал, не оплевал, не осуждал,
Не пригвождал, не истязал, не пронзал,
Не убивал, однако он блаженства сподобился,
И ты райский свет ему даровал,
Подтвердив обетование глаголом «истинно»,
Благовестование навеки утвердив.
Слава тебе, упование, в унынии моем!
Благословенный, благословенный, благословенный

ВНОВЬ,

Воскреси меня, совершенный, по вере моей,
Вознеси меня, павшего, ты, заступник мой,
Исцели увечья мои ты, сострадательнейший,
Отврати смерть мою близкую ты,
дарующий жизнь;
Как разбойник, я привержен тебе, не отринь меня,
берегающий,
В душу мою гибнущую дохни ты, смерть
превозмогающий;
Ты воскрешающий, ты утешающий,

Надежду внушающий, слезы осушающий,
Узы разрешающий, чудеса совершающий,
Ковы разрушающий, всех приглашающий,
Яств никого не лишающий.
Соблаговоли, господи, и я прощен;
Утоли мою печаль, и я восхищен;
Повели, и я возвращен;
Удали мои грехи, и я защищен;
Надели меня благодатью, и я к тебе приобщен.
Слава тебе всемирная во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 43

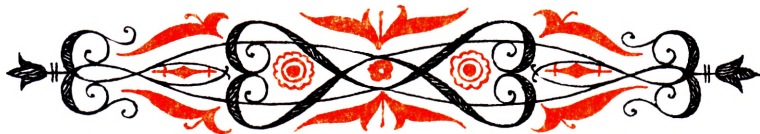
Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Лучший врачеватель — ты, создатель;
Ты целишь, как встарь, свою тварь, небесный царь,
Господи Иисусе Христе,
Творец видимых и невидимых,
Сочетайся со мной Заветом Новым,
Согласно пророчеству;
Изъяснение словесное, единение чудесное
Просветит меня, чтобы исцелиться мне вдвойне,
Телом и душой,
Ибо ты непобедим и всемогущ.
Когда язвы внутренние просят пластыря,
Призываем тебя, доброго пастыря,
Врачующего без примочек, без отсрочек,
без проволочек,
Без подлекаря, без аптекаря,
Без промываний, без прижиганий,
без кровопусканий
В отличие от земного костоправа,
Лекаря сомнительного, то медлительного,
То скоропалительного;
А ты — творец душ и тел; всюду твое сияние,
Всюду твое знание, всюду твое влияние,
Всюду твое предназначение,
Всюду твое предзнаменование,
Созидание в твоём начинании,
Дарование в твоём обетовании,
Ниспослание в твоём пожелании;
Твое предписание — Священное писание;
Твое взыскание — на волю отпусkanie;

Твое стяжание — наше содержание.
Не подверженный законодательству,
Не приверженный правилам,
Не сдержанный возможностями,
Не убывал ты во множестве,
Не изнывал в ничтожестве,
Не горевал в убожестве,
Не блуждал в озлоблении,
Не осуждал в ослеплении,
Не нападал в исступлении,
Не отступал в смятении,
Не замирал в изумлении,
Не прогадал в сострадании,
Не изнемогал в своем призвании,
Не вековал в ожидании,
Не уставал в оправдании;
Все в тебе началось, и все в тебе сбылось.
Тебе благоговение и прославление во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 44

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Бог бесконечный,
Воистину непостижимо богом рожден,
Всех тварей творец, Христос — властелин,
Свет, что во тьме светится ради сердец,
облаченных в ночь,
С нами ты весь, и весь ты с тем,
Кто тебя породил, единосущный тебе,
Чтобы в нашем естестве чудом явил ты свое.
Твой благословенный, неисповедимый, небесный отец,
Пославший тебя с небес,
Твой отец, творец, как и ты, творец,
Спаси меня пленного, растленного, так пожелал,
Что ради меня не пожалел тебя,
Людям тебя отдав;
А ты, хотя почему бы всемогущему
Не воплотиться таинственно без мук,
Вместо меня, виновного, благоволил
Выпить чашу смертную
Всем твоим человеческим существом и всем божеством,
А с тобой дух твой святой, животворящий господь,
Единосущный тебе и отцу твоему,
Чтимый по ипостаси с родившим тебя
И с тобой ты, рожденный, наравне;
Триединство цельное, нераздельное, неслиянное,

Предвечное, запредельное, благотворящее,
Животворящее, миротворящее,
Всетворящее, образ тварям дарящее
Всевластное, согласное, прекрасное.
Но когда всемилостивый, всемогущий, небесный
отец,

Из ипостасей ипостась,
Ради меня, преступного, обреченного на смерть,
Тебя, едиnorodного своего, свет от света своего,
Тебя, сын возлюбленный, прославленный наравне с отцом,
Обрек на истязанье и на казнь,
Как Захария предрек,
Воистину, поднятый на пастыря клинок
И поражающий пастыря бросок,
Овцы без пастыря, блуждающие без дорог,
Первый иносказательный урок,
Святая святых, спасительный залог,
Жертвенная кровь, целительный ток,
Жертвоприношение Авраама, которому бог
помог,

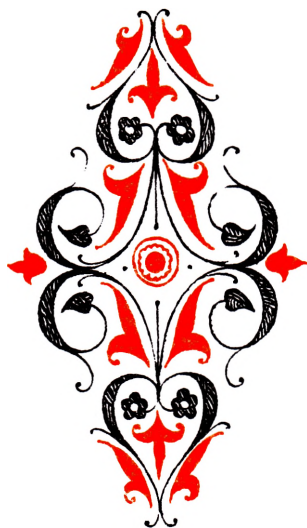
Все это мне, злосчастному, знаменует искони
Благодатную милость животворящей воли твоей.
Что же ты скорбишь, душа моя печальная,
Не по божьему попущенью многострадальная,
А своей же строптивостью загубленная?
Что же ты обрекаешь мой бедный ум
Унынию, демонскому стрелянию?
Положись на бога, прославь его, ему себя предоставь,
И спасешься, как пел Давид и как благовествовал
другой пророк.

* * *

А промысел божий, замысел творца
Неисповедим для человека и для ангела;
Сколько ни взвешивай, вес чудес вне весов,
И невыразима щедрость неизмеримая,
Когда из Троицы единосущной один, благословеннейший,
Послал другого достохвального,
И тот пережил смерть, покорствуя,
А третий, устрашающий, с первым и вторым
в ладу —

Заступник проникновеннейший.
Вот знаменье единения в благоволении:
Душа с жизнью, разум с мыслью,

Блеск с величием, лик с нетленным,
Животворение гибнущих, благотворение страждущих,
Умудрение бедствующих, ободрение поверженных,
Примирение враждующих, умиротворение негодующих,
Одобрение подвигов, одарение всех и каждого,
Повторение милостей, озарение недостижимого,
Триединство, единство триипостасное,
Благословенное во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 45

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Ныне, когда воскресла в сердце надежда, как семя,
Когда верой туго препоясаны чресла,
Игралище твоей похоти и двойственных смут,
Злосчастливая моя душа, покайся господу
В прегрешениях мысленных, как действительных,
В предвкушаемых, как в совершаемых,
В затаенных, как в оглашаемых,
В злоумышлении, как в преступлении,
В злонамеренности, как в злокозненности,
В зломудрии, как в злодеянии,
В злонравии, как в насилии,
В злодушии, как в душегубительстве,
В злоязычии, как в грабительстве,
В злоречии, как в членовредительстве,
В злопыхательстве, как в посягательстве,
В злопамятстве, как в отступничестве,
В злорадстве, как в богохульничестве,
В злочинии, как в растлении,
В злоутробии, как в неистовстве,
В злонырстве, как в хищничестве,
В зломыслии, как в богоотверженности,
В злосердии, как в грехопадении,
В злострастии, как в попранье правого,
В злосоветии, как в подстрекательстве,
В замахивании, как в кровопролитии,
В замкнутости, как во лживости,
В заушении, как в предательстве,
В умышленном и в неумышленном,
В слабоволии и в своеволии,

В поверхностном и в существенном,
В суеверии и в безверии,
В причудливом и в чудовищном,
В малочисленном и в бесчисленном,
В замалчиваемом, но свыше замечаемом,
В неуловимом, но на камне высеченном,
В невесомом, но в тягостнейшем,
В неизвестном, но полновесном,
Как статир в рыбьих устах,
В скрытной предосудительности,
Не ускользающей от божьей бдительности.
Не ленись, винись, казись,
Торопись, не скупись на покаяние!
Дурные помыслы и злодеяния отождествив,
Богу вверх свою душу сокрушенную,
Ибо за покаяние воздаяние — прощение,
Чему свидетельница — грешница блаженная
В раскаянье приободренная, а не укоренная.
Изъяснись, распространись в самообвинениях,
Все пороки порываясь приписать себе,
О душа моя, которую клеймят слова пронзительные:
Заблуждение, затмение, забвение святынь,
Замешательство в битве, замирение замертво,
Зазрение, зверствование, запинание,
Замирание, злобное застывание,
Засыпание затравленного,
Знательство, запирательство,
Зажигательство, загрызание загнанного,
Заклание заповедного, завывание заунывное,
Зазывание зловещее, запоминание запретного,
Заклинание заклятого, здание зыбкое,
Западня затхлая, запах застоявшийся,
Загнивание злачного, зелье зловредное,
Застенок для загубленных, зарево зазорное,
Загон загаженный, закон запутанный,
Звон заманчивый, замок замурованный,
Запор заколдованный, затвор для заплутавшихся,
Затор заторопившихся, заваль заведомая,
Зараза закоренелая, завязь замерзающая,
Заискивание перед захватчиком,
Заигрывание завораживающее,
Заикание запыхавшегося, зов задушенного,
Зев зарезанного, зарок зарвавшегося,
Заклад захороненный, залог затерянный,
Завеса зависти, заплата запачканная,

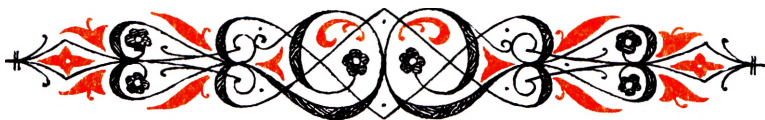
Заплачка запоздалая, запряжка заезженная,
Загвоздка загадочная, задача замысловатая,
Знамя заплеванное, затычка затейливая,
Заноза закалывающая, застарелый зуд,
Задиричивость, запальчивость, заносчивость,
Завихрение, заверение в заброшенности,
Заледенение, затвердение, загорание,
Зной в зените, затяжная засуха,
Зачатие в злослучении, заточение загробное,
Загрязнение земного и заоблачного;
Остального не выразить, не отразить,
Не изобразить, не вообразить.

А теперь как тебя лечить, моя душа болящая,
Когда столько копий успело тебя пронзить,
Ты, несдержанная, отверженная, поверженная,
Неизлечимая, как пророк изрек?
Любой грех вышеописанный тебя погубит скорей,
Чем сто хищных зверей, полчища палачей, убийц,
кровопийц,

Окруживших тебя.
И одного этого сравнения недостаточно,
Чтобы передать, как страдать обречена моя душа;
Тут вспомнить уместнее
Скорпионов кишаших, всех страшаших,
Ибо кончики хвостов у них таят смертельный яд:
Жало свернутое, в чехле кожаном чуть видное,
Как будто безобидное,
А по природе своей гнездилище гнева,
Вместилище мести, хранилище злобы,
Склад несчастий, клад напастей, снаряд смерти.
Вот возмездие за твое нечестие;
Каковы труды, таковы плоды,
Душа моя, двойной казни заслуживающая!
Поистине ты пшенице предпочла
Урожай вражий, разоряющий,
Засоряющий поле мира сего.
О человек праздный, грязный, безобразный,
Отвратный, ибо развратный,
Отверженец, приверженец мерзостей,
Разоблаченных апостолом в речах уничтожающих,
Чье начало стоит конца:
«Кто грехом прельщен, когда закон ему возвещен,
Приговоренный к смерти, не будет прощен».
Сам себя виню, казню себя вдвойне,

Не щадя ни жизни своей, ни души своей,
А ты надо мною смилуйся,
Святой боже, святой крепкий,
Святой бессмертный,
Сострадательный, вездесущий, всемогущий,
Благословенный во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 46

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Ныне я, грешный, достойный всяческих мук,
Хищник, моими гнусными ухищреньями,
смерть заслужил;

Я свинопас, пасу стада отвратных грехов,
Диких свиней, с виной моей во главе,
И осужденье — вознагражденье мое:
Козлят я в пустыне пасу
Близ пастушьих шатров,
Как Песнь Песней говорит,
Я пастух, не ведающий,
Кем, зачем и каким сотворен я во веки веков.

На двух твоих упорных, проворных ногах
В образе ангельском
Водружен ты был, не лишенный крыл,
Ибо две твои воздетые руки не далеки
От горнего твоего отечества.
Зачем же ты, межеумок, прильнул к персти земной,
Знать ничего не желая, кроме здешних забот,
Словно ты онагр степной, а не человек?
Многоцветным светильником,
Шаром твоей головы
Увенчан стебель тела твоего,
Чтобы ты не отпал от прообраза,
Бога постиг и вечного достиг.
Дар слова удвоил дарованья твои,
Чтобы язык раскованный благословлял
Изобилие неизреченных милостей.
Благодаря устройству твоей руки
В разветвленье перстов

Ты преуспел в искусстве и в ремесле,
Прирожденный сотрудник десницы созидательной,
Ты — бог, как сказал бог.
К тремстам шестидесяти суставам твоим
В стройной соразмерности присоединены
Пять приспособлений, пять чувств,
Чтобы зримое вещество
Не ускользало от рассудительности твоей.
Среди них приспособления громоздкие, мощные
И неприметные, но незаменимые;
Половина из них упругие, отзывчивые,
Но бывают хрупкие, драгоценнейшие,
Почитаемые, другим предпочитаемые.
Их истолкованье вписано в тебя,
Моя душа злосчастная,
Неизгладимой надписью,
Как бы высеченной на каменной плите,
Чтобы кратчайший миг и череда дней,
Образующих год,
Как совершенный строй телесности твоей,
Увековечивались в безошибочном согласовании.
Вот еще одна притча духовная,
В которой безгреховная любовь,
Как верховная целость церкви божией,
Знаменована тобой.
Как нарушается бесспорное соборное
Согласие верующих во Христа,
Когда утрачено единенье церковное, кровное, безусловное
Под игом добровольным от совершеннейшего
до смиреннейшего,
Так строение тела твоего искалечено, изувечено
И обезображен образ твой,
Когда хоть один член растлен и отсечен,
Ненарядный, неприглядный, даже смрадный.
Благодеяньями облагорожена, ты подобие божие,
Моя душа пленная, растленная, презренная!
Пусть, утратив бывшее сходство,
Уродство сиротства изведала ты
За свою вину в раю,
Светлое крещение — духа божьего посещение,
Возвращение к прообразу.
И ныне зачем ты славы небесной лишена,
Как первопредок, в райском саду познавший
земную судьбу?

Зачем предпочла ты тьму небесам

И замкнула врата, за которыми высота?
Зачем влагу целительную отравила ты
Горючей горечью своих слез?
Зачем белизну своих омытых одежд
Новыми мерзостями запятнала ты?
Зачем, сбросив позорный хитон греха,
Ты вновь надела его, торный путь разврата избрав?
Зачем святыню твоих устойчивых ног
Растлила ты, переступив порог,
За которым порча и порок?
Зачем посягнув на праведного судью,
Вновь преступила ты запрет и древний Завет?
Зачем ты благодатью пренебрегла,
Словно древо жизни тебе, как Адаму, не в прок?
Зачем по доброй воле изменила ты
Упованью, сиянию вне тени, вне тревог?
Зачем ты, растерянная, потерянная,
Прячешь свой пристыженный лик?
Зачем ты сама против себя восстала, себя губя,
Ты, приют неистовых смут?
Зачем ты пути истинному предпочла
Гибельный силочек?
Зачем ты, вкусившая плоти спасительной,
Проглотила дьявольский крючок?
Однако ты на господу уповай, к нему взывай,
Ибо он один прибежище мое.
Он один могуч, ключ жизни, луч без туч.
Не жгуч, а целителен,
Сострадающий, вознаграждающий,
Утешающий, воскрешающий,
Благословен во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 47

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

И ныне о чем я заговорю, уничижен величием

твоим,

Если не предпочту немоту,

Усталые в прахе уста и безмолвие в душе;

Как будто прав пророк, и можно еще уповать,

Но если я уста мои замкнутые отопру,

Из них исторгнув речь,

Мой сокрушенный дух заставит меня повторить

Тот же вопль жалобный, тот же горестный плач.

Ныне великому грешнику вторит мой скорбный

крик;

Тому, кто, закон преступив, смерти себе желал,

Уподобляюсь я, взмолившись вместе с ним:

«Согрешил я, господи, согрешил; я, беззаконник,

сам себя обличу.

Слова пятидесятого псалма присовокупив,

Признаю, что перечень моих греховных, духовных

долгов неисчислим

И превышает количество пыли земной,

Которую подхватывает ветер сквозной.

Согрешил я против неба и перед тобой»,—

Как блудный сын, говорю, пристыженный своей

виной,

Отчего прощения взыскую вновь и вновь.

Приближаюсь к тебе, слезами раздражаюсь,

Чтобы скорбные мои черты увидел ты,

Чтобы внял моей мольбе, обращенной к тебе.
 Боже вездесущий, отец милосердия,
 Я не только в наследники не гожусь,
 Я даже не тружусь,
 Как немые нерадивые наемники;
 Прими меня печального, опального, многострадального,
 Голодного, безродного, негодного;
 Утоли голод мой мучительный,
 Хлебом жизни меня исцели;
 Милосердие твое да встретит меня,
искони тебе преданного;
 Одевания мои прежние, с меня сорванные,
 Да облачат меня виновного, греховного!
 Длань мою растленную, потерявшую залог,
 Запечатлей в твоей щедрости
 Перстнем доблести!
 От яда змеиного
 Босые мои ступни защити в пути
 Надежными сандалиями Евангелия.
 Тельца твоего упитанного, тучного, небесного,
 Сына твоего единственного, человеколюбца
истинного,
 Не пожалей для меня, чающего благоденний
твоих;
 Самобранный, вечно желанный, всегда сохранный,
 На всех алтарях закланный,
 Он ущербом не ущемлен,
 Присущий небесному, земному свойственный,
 Навек совершенный человек и неизменный бог.
 В каждой крохе неделим, в каждом клочке
неизгладим,
 Неисповедим в целом,
 Необходим, чтобы телом стало все,
 Когда он голова.
 Слава тебе, господи,
 Сыну и отцу милосердному слава во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 48

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

О всевышний, всемогущий, до века сущий,
Самобытный, беспредельный,
Око недреманное, пристальное,
Отец непостижимый сына единственного преславного,
Благоволи, приняв меня, опального,
Оправдать милосердие твое
Перед силами земными и небесными.
Вели ангелам твоим петь и плясать,
Ибо я, пропащий, прельщенный, совращенный —
К жизни возвращенный,
Меня благословив, докажи, что я жив,
Хотя был я мертв,
Окажи милость мне волею твоей,
Ты, всеми твоими тварями прославляемый,
Имя неизреченное обрети,
Спасение несомненное мне, скорбному, подтверди!
Разорви расписку мою, что мне расплатой грозит;
Приговор, угрожающий смертью душе моей, перечеркни
Кровью возлюбленного сына твоего;
Подкрепи спасительное, целительное упование
Кровью Христа твоего;
Услади твоим чудотворным состраданием
На сыновнем брачном пиршестве;
Не затвори передо мной, взыскующим тебя,
Двери в твой брачный чертог, жизни преисполненный;
Не отлучи меня от гостей твоих избранных,
Не отучи от милостей твоих,
Не заключи скверны моей в твоей сокровищнице;
Не впиши пороков моих в свиток благодетельных
твоих;

ТВОИХ;

Не бреди тайников — гнойников моих;
 Не попусти от язв моих погибнуть мне,
 Но превозмоги порчу глаголом твоего милосердия,
 Исцеление предопредели!
 Чудом перевяжи меня, тяжело раненного,
 Меня, поверженного, поддержи;
 Ибо я предан тебе, господи, друг наших душ,
 Даже когда я грешу сто тысяч раз на дню,
 Я грешник только отчасти:
 Пока я во власти твоей,
 Ты, благотворящий, животворящий,
 Жизнь милостиво дарящий,
 Ибо «кто тебя ведает, тот правде следует,
 Кто тебя исповедует, тот бессмертие наследует»,
 Как премудрый писал;
 И еще: «Твоя власть ублаготворяет всех»,
 И еще: «Твоя сила при тебе,
 И всечасно все тебе подвластно».
 Вот упорство в уповании, молитва Соломонова,
 Которой подражать хочу,
 Ибо среди всех великих грешников один Соломон
мне под стать;
 Сперва наследник, потом супротивник,
 Сперва благовестник, божий наместник
в народе своем,
 Потом кудесник, прелестник, развращающий
распрями,
 Сперва пример жизни, потом залог смерти,
 Растоптавший богослужение, хлопотавший о боге чужом,
 Совратитель из надоедливости,
 Возмутитель из въедливости,
 Похититель из непоседливости,
 Хулитель из привередливости,
 Холуй в холе, беглец поневоле,
 Преступник на престоле, виновный в расколе,
 Лакомка-богохульник, отцеубийца-соблазнитель,
 Осквернитель святыни, обвинитель Моисея,
 Гонитель своих благодетелей, мудрец, ложно
мудрствующий,
 Книжник зарвавшийся, запинаящийся, кающийся,
 Раскаивающийся нехотя,
 Богомолец, истуканам поклоняющийся,
 Новообращенный некстати, гость подозрительный,
 Прощенный ли, непростенный ли,
 Заклинающий будущее,

Спасенный ли, погибший ли,
Возвращенный будто бы, государство уполовинивший,
Тенетами прельстившийся, лишь наполовину
выпутавшийся,

Охочий выдать себя, зверь зажавшийся,
Мыслитель, впавший в бессмыслицу.
Вот глаголы неложные, по смыслу противоположные:
Жалобы с поношениями,
Громкая хула и приглушенная хвала,
Словно я обличаю и оплакиваю
Того, кто сам себя погубил.
Вот урок для старцев и для юношей;
Вот упрек, от которого уста
Разражаются пронзительными причитаньями.
Приуныл я, духом пал, в смятение пришел.
Если тот на каждом шагу спотыкался,
Что ждет меня?
Как пал совершеннейший?
Как изменил неизменнейший?
Как рухнул чертог священнейший?
Как отпал друг задушевнейший?
Как повредился сын возлюбленный?
Как испарился вернейший раб?
Как затмился светоч пламенный?
Как попал в заложники свободнейший?
Как закон был нарушен законником?
Как маху дал почтеннейший?
Как оплошал надменнейший?
Как обнищал зажиточный?
Как проклят был блаженнейший?
Как обнаглел осторожнейший?
Как уничтожился благополучнейший?
Как предал всевышнего преданнейший?
Стыдно сказать: от небес отвратил его бес;
Не грех ли кумиться с кумирами?
Откуда предпочтение, оказываемое неверному?
Откуда тяготение к скверному?
Или не помнил он, как Самуил Саула упрекнул:
«Беззаконник — тот же идолопоклонник».
Или позабыл он отцовский стих:
«Боги язычников — бесы, лишённые дыхания,
Их служители уподобляются им».
«Господь один водил его,—
Моисей вначале писал, свой народ укоризнами уколóв,—
И не было у них чужих богов».

Где ужасное изваяние Фегора, чье обаяние —
 смерть?
 Где богомерзкий, женоподобный, литой болван
 сидонитян,
 Женственность поддельная, блудная, паскудная
 на вид,
 От которой пророки стыда оскотинились, жертвы принося
 Извращенному богу нечестия?
 Для первого же человека пагубная западня,
 Женственность унесла благоденствие:
 Мудрого роскошь зачаровала, дразня;
 Сладострастие с ума свело, маня;
 Сребролюбие взнуздало, бичом своим гоня;
 Древняя снасть коварного сразила душу
 именитого,
 Исторгнув ее из божьих рук,
 Повергнув ее к стопам дерзкого мятежника;
 Нега пленила ее, праздность упразднила ее,
 Похоть опьянила ее.
 О земная персть легковерная!
 Как не сетовать мне, когда ты в сетях?
 Моими обличениями не один Соломон клеймен,
 Но и всякий, кто по своему произволу в крамолу впал;
 Ибо пример Соломона подтверждает:
 Мудрость по плоти — тщета,
 Если суд божий не оправдает мудреца;
 Лишь тот, кто, немудрый, славой мирской
 не дорожит,
 Всей душой уповая на волю творца,
 Вышеперечисленных заблуждений избежит.
 Однако поистине сам же Соломон
 Обращение свое ужасающим образом навеки
 запечатлел,
 Не щадя себя, как тот, кто мертв для мира сего;
 Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить:
 «суета сует»,
 Книги священников, писания Ахии Силомлянина
 И плачевную песнь о жизни промотанной:
 Напрасный труд, тяготы лишние,
 Погоня безнадежная, бесцельный бег,
 Достижения сомнительные, суждения заемные,
 Коловращенье в ничтожестве,
 Плоды постыдные, замыслы несбыточные,
 Семена невсхожие,
 Хоромы неустойчивые, на песке возведенные,

Сокровища тленные, смешные поползновения,
 Посягательства на самого себя,
 Тяжба с душою собственной,
 Пот непотребных потуг, вожделения порочные,
 Тропа убийственная, путь запутанный,
 Опыт смертоносный, навык противоестественный,
 Морок уморительный, игривый сор в глазах,
 Непристойный намек, исток разврата,
раскраска отвратная,
 Пригожество удрученное, чад густеющий,
 Мгла разреженная, скарб, вводящий вора в грех,
 Шаткий шатер, издевка неуместная,
 Успех позорный, душа запроданная,
 Итог ужасающий, думы богопротивные,
 Басни многоречивые, молва изнуряющая,
 Дознание небезупречное, тяга к неистовству,
 Гадкие телодвижения, разоблачения пакостей,
 Притчи на будущее, проступки огорчительные,
 Быль предосудительная, назидание праздным,
 Волчья яма, западня во мраке, омут затягивающий,
 Провал в пустоту, соучастие в кровопролитии,
 Бредни бесноватого, обитель обидчиков,
 Кров окровавленный, чертов чертог, мост мести,
 Марево манящее, лжец — льстец,
 Басурман — лазутчик, мятеж против господя,
 Вот семена канона вероисповедного,
 Зароненные проповедником в сердца всем,
 Для новообращенных правило сокрушения,
 Чтобы не превозносился ни один человек
 И не ранил дротиком клеветы
 Ни себя самого, ни ближнего своего,
 Ибо кто, кроме идолопоклонника,
 Шеголяет показным,
 Чтобы делом оскорблять создателя!
 Но тот, кто покаянием превзошел свои грехи,
 Да не подвергнется лишь бесконечному поношению,
 Ибо благословить надлежит его,
 Устой и устав упования
 Для тех, кто влеком ко стопам господя,
 Чья душа в сошествии неразлучна с божеством,
 Утешающим и воскрешающим дольних исповедников,
 А сию несомненно благу ю вестъ
 Живым вверили мертвые.
 Мне далеко до его мудрости,
 Но его грехи — мои грехи,

Потому я, грешный, и взываю к тебе, всехвальному.
Убогие письмена прения моего
Присоедини к совершенной мудрости праведника.
Моления царя, воистину раскаявшегося,
И мои нынешние песнопения во славу тебе
В единой ткани да согласуются!
Внемли же моим взываниям,
Как ты внял сыну царскому высокородному,
тебе угодному,
Уподобленному тобой сыну твоему едиnorodному
Причастившись крови его,
Изведали мы того, кто причастен к славе твоей.
Славу твою в беспредельность прости,
Ты промыслитель, всемогущий, устрашающий,
Сотри неизгладимые грехи,
Чтобы спастся домочадец твой.
Уроки целебные зачтя ему,
К другим преображенным благодатью твоей
Приобщи его, знаменовавшего божество твое
Притчами пречудными, изысканными, сочными
В книге завета, чья краса — свет,
Предвосхитившего святой путь церкви святой,
Покаяние, отче, ведущее к тебе.
Его реченья свидетельствуют, что спасения он почти
достиг,

Однако уныние, брызнув чуть-чуть,
Едва не потушило жаждущего сердца,
Пыл покаяния приглушив.

Ныне, вспомнив о том, как несказанно был он тобою
одарен,
Сжался над ним, страждущим из века в век
Под градом нападок, хоть он твоим наградам не чужд,
Ибо, вопреки усладам своего дворца
Залил слезами обитель свою, превзошел сокрушение
своего отца

Рыданием своей скорбящей души.
Слезы слова твоего,
В образе нашей природы все человеческое перестрадавшего,
Слей со слезами его, ты всепрощающий!
Ради псалма, напрасно приписываемого ему,
Но достойного прославлять единосущного сына твоего,
Соломона спаси, ублаготвори его, как последнего нищего!
Некий благочестивый мудрец, об этой милости моля,
Счел благим делом свой голос и голос его сочетать

И за него молиться с ним, как будто он жив,
Что подтверждает нижеследующее:
Повествованье об уроженце земли Уц,
Сей превосходный Соломонов труд,
Возвещающий правоту божества,
Мог быть написан лишь тем, кто сам спасен.
Посему надлежит молиться за него и сострадать ему,
А не нападать на него.
Я тоже вторю его горю,
Его рыданию, его упованию, его взыванию к тебе;
Если, нам по заслугам воздав, отринешь ты нас,
Будешь ты прав, неизменно прославленный;
Если же ты заблудших найдешь,
Ты самого себя превзойдешь, недосягаемый,
Ибо новая слава твоя — всепрощение,
А не отмщение ветхозаветное.
Яви, господи, яви сладостное милосердие твое;
Изобильной, незаслуженной благодатью твоей
Одари нас, вечно жаждущих, страждущих
по своей вине в огне,
Нас рукою своею спаси, воскреси, вознеси,
Осенив, оборонив от паденья и распаденья во грехе.
Тебе, началу безначального, единому
С начатком и началом начал,
Троице святой, божеству единому достохвальному
Слава и владычество во веки веков. Аминь.

Ты, в святом пророке глаголивший:
«Кто бог, как я, грешников не карающий,
Беззакония стирающий?»
Благословенна, господи, правота речений твоих,
Совершенна, господи, высота свершений твоих,
Священна, господи, глубина тайн твоих,
Драгоценна, господи, чистота наитий твоих!

* * *

Поистине ни одно из мыслящих существ на земле
Не способно выразить речью людской
Хоть малейшую частицу милостей,
Ниспосылаемых мне тобою, творец!
Чудотворная мощь вызвала бытие из небытия;
Еще чудотворнее мощь,
Восстанавливающая обветшалое
В первозданной красоте.
Твоя не изнеможет мощь,
Ибо ты весь мощь,
И в одном глаголе твоём свершенье всего;
Встань, благотворный, ради славы своей,
Нечаянное благо возврати мне, твари твоей,
Ибо глас твоего благовествования так хорош
Не столько потому, что в нём путь божьего творения,
Сколько потому, что в нём благодать отпущения
И светоносная суть горнего всепрощения.
Когда бы ты был просто учредитель бытия,
Но ты не просто учредитель, ты зиждитель;
Не просто создатель, ты спас;
Не просто основатель, ты свет;
Не просто зачинатель, ты добр;
Не просто первооткрыватель, ты начало начал;
Не просто искатель, ты исток;
Не просто старатель, ты родник;
Не просто ваятель, ты основа основ;
Не просто вожатый, ты путь;
Не просто глашатай, ты весть;
Не просто богатый, ты клад;
Не просто питатель, ты хлеб;
Не просто врачеватель, ты бальзам;
Не просто приятель, ты друг;
Не просто завоеватель, ты властелин;
Не просто настоятель, ты настоящее;
Не просто предстатель, ты предстоящее;

Не просто увещатель, ты зов;
Не просто доброжелатель, ты щедр;
Не просто сострадатель, ты бог;
Не просто тороватый, ты благодать.

* * *

Ныне, как сотворил ты меня, дотоле не бывшего,
Доказав, что ты творец,
Обрати меня, скверного, в раба верного,
Возврати чистоту первоначальную
Душе моей и телу моему, ее вместилищу-святылищу,
Приумножь в произрастании чудесные дары твои,
Беспреданно ниспосылаемые Новым Заветом твоим,
Чья скудная тень — Ветхий Завет.
Число грехов моих таково,
Что крылья духа моего немеют уже от вопиющего,
Но, покаявшись, оправдываюсь я во имя всемогущего.
Когда я обнажу мою оскверненную душу перед тобой;
Отпустишь мне, кающемуся, все крамолы мои
Ты, всевидящий, всеведущий, всеобъемлющий,
И я, благою вестью переполненный,
Не нуждался бы в прежних милостях,
Убедился бы, что блаженны, согласно псалму,
Те, кто крещен, прощен, возвращен по милости твоей;
Лишь бы надо мной и над моей душой, грехом исколотой,
Не отяготела вновь твоя рука
И мои долги не перевесили сладостных твоих щедрот.
Но молю тебя, полновластнейший:
Избавь меня благодатью святого духа твоего
От закона, в котором смерть и грех.
Не попусти, господи, заре правоты твоей изнеможь,
Как изнемог Ветхий Завет, ее слабое подобие.
Где царит прощение твое, там нет греха;
Где твой глагол животворит, там нет скорбей;
Твоя благодать озарит, и долгов нет;
Десница божия одарит, и нет невозможного,
Только неодолимое просветление,
Безусловное твое веление,
Всевластное твое установление,
Ибо ты исцеление, искупление, обновление, избавление,
И ты же умиление, нетление, жажды утоление,
Вездесущее правление,
Достойное прославления во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 50

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Но теперь, как без господа Христа душам спасения нет,
Как без глаз не радуется свет,
Как без утренней звезды мир солнцем не был бы согрет,
Так без покаяния и беспощадного самообличения
Не спасает Новый Завет.
Что тебе в твоей чистоте, если ты осужден, как фарисей?
Что мне в моей виновности всей, если, как мытарь,
оправдан я?
Кто сказал, что пророк Иоиль на себя порицанье навлек,
Троекратно возопив скорбной своей душой?
Неужто проклят святой за то,
Что предсказал он господень день?
Неужто уста Исайи вправду нечисты,
Если он дом Израилев и преступленья его отверг?
Неужто сам бог пал, адамовым телом отягощен,
Как последний грешник, молясь отцу,
из жалости ко мне?
О ком сказано:
«Сердце мудрых в доме плача, а сердце глупых — в доме
веселья»?

Кто не принял на себя адамов грех,
Кто грехи всех и каждого не приписывает себе,
Как блаженный царь — грехи своих отцов,
Тот оправдания лишен,
Ибо знать не хочет нашего тленного естества,
Ибо сказано: при вести благой не просияет лик
Того, кто по богу не тосковал, как учил апостол Христов.

* * *

Так что особенно дорого мне
Наставление старинное богодухновенного мудреца,
Которым сам господь не пренебрег:
Не садиться выше других ради тщеславия
На совете нечестивых, чей помысел — тщета;
Давид, Иеремия подтверждают этот запрет,
Храня завет и устав его.
Лучше присоединиться к тем, чье сердце сокрушено,
Чей лик пристыжен, чей грех обнажен,
Ради смирения сподобиться презрения
Наравне с последними на земле,
Угодить всевышнему, господу усладить.
Вот я и смею с перевозванными блаженство вкусить,
Ибо он со мной и завет у нас один.
Не упрекнет меня пророк,
Осмеявший речь высокомерного:
«Не подходи ко мне, ибо я для тебя свят».
По мне лучше несравненному, спасительному
Уничижению Давидову подражать:
«Я у тебя скот», «напасти меня теснят»,
«В ранах моих смрад, гной безумия моего»;
Еще лучше речения самоотречения,
На которые не скупилась избранники в Ассирии,
Чтобы их души невинные испутились;
Еще лучше глагол великого священника Ездры повторить:
«Стыжусь и боюсь поднять лице мое к тебе, боже мой!»

* * *

Ныне я, чье уродство — сходство с дурным земным,
Мой грех сочетаю с грехами всех;
Их грехи усвоив, удвоив мою скорбь,
Вопию на целый свет,
Хотя незачем сгущать без того отвратный цвет.
Так вот согрешил
Я, бесноватый, в чем только не виноватый перед тобой!
Воззри на меня, всемилостивый,
Как на Петра отрекшегося,
Ибо, ничтожный, уничтожен я;
Озари меня благодатью твоей. Ты, добро совершенное,
Благословив, обновив, оживив меня,
Ибо состраданье твое — оправданье мое,
А моя мучительная вина не тобою сотворена.

Я, запятнанный, не смею тянуться к тебе,
Протяни же ты мне воскрешающую десницу твою,
Ибо все остальное мне, проклятому, не впрок.
Над моей строптивостью восторжествуй
Своей незлобивостью на благо мне!
Мощью твоей, всемогущий, все грехи мои в целом
превозмоги,
Грехи мои прошлые, настоящие, предстоящие,
Христос, невозможное осуществляющий,
Царь, просветляющий праведных!

* * *

Грех мне тебя, благословенного, призывать,
Ибо на смерть я тебя обрек, посягнул на тебя,
Посягнул на запечатление, на благословение,
На дыхание, на дарование, на обетование,
На стяжание, на прозвание, на призвание,
На коронование, на предзнаменование,
На изображение, на преображение,
На рукоположение, на вооружение,
На приобщение, на воплощение,
На сияние, на благодеяние, на упование,
На завоевание, на ликование, на увенчание,
На ниспослание тайн святых,
Тысячекратно завещанных тобою, Христос,
Мне, закоснелому, мне, ехидне, мне, аспиду,
Уши себе затыкающему.
Чем больше благ твоих, тем больше моих зол,
Разоряющих меня вконец,
Так что от жизни я отлучен, смерти обречен,
И взял меня в плен тлен.
Лишь тобою грех мой взвешен, лишь тобою я утешен.
И все-таки вновь грешен:
Я блудлив, несправедлив, лжив, льстив,
Сварлив, нерадив, нечестив;
Не внял я слову твоему
Благословенному, совершенному, неизменному,
Вопреки явлению и благоволению твоему неизреченному,
О чем писать страшусь и упомянуть едва решусь.
Тебе управление, восхваление и вечное прославление,
А мне самоумаление перед промыслом твоим,
Искупление, избавление, исцеление,
Подкрепление, просветление сердца и ума;
Благословен ты во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 51

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

А теперь кого на земле молить
Мне, смертному, всем заблужденым подверженному,
Напрасно взывающему?
Наставника ли духовного,
На которого уповать значит сплеховать
Ради послушания беспрекословного?
Человека ли греховного,
Чья молвь, чья мощь — звук пустой?
Государя ли верховного,
Чьи милости минут, как власть его?
Брата ли моего кровного,
Которому опора еще нужней?
Отца ли моего по плоти,
Забывавшего меня на склоне лет?
Мать ли, в муках меня родившую,
Которой давно в живых нет?
Сильных ли мира сего,
Лучше умеющих кровь проливать, чем жизнь продлевать?
Нет, лишь тебя, господи, всевышний, всеблагий,
Бог живой, источник жизни для всех,
После смерти возрождающий в нетлении!

* * *

Мы от тебя бежим, а ты за нами бежишь;
Мы задрожим, а ты защитишь;
Мы согрешим, а ты простишь;

Мы робко промолчим, а ты вдохновишь;
Мы скорбим, а ты нас живишь;
Мы себя черним, а ты нас убелишь;
Мы схитрим, а ты правду нам внушишь;
Мы в бездну скользим, а ты небо нам сулишь;
Мы прямо в ад спешим, а ты вернуться велишь;
Мы святыню скверним, а ты об этом скорбишь;
Мы оправдаться хотим, а ты нас благословишь;
Мы тебя предадим, а ты нас вознаградишь;
Мы тебя благословим, а ты нас усладишь;
Мы тебя почтим, а ты нас на пир пригласишь;
Мы тебя огорчим, а ты не отомстишь;
Мы тебе возразим, а ты нас ублаготворишь;
Мы жалобно вопим, а ты с жалостью глядишь;
Мы победим, а ты радость нам возвестишь.

* * *

Как бесспорный чудотворный псалом сто второй
Возвещает благотворный строй,
Сердцу моему в скорби тлетворной
Возвращает упование, обещает спасение,
Предотвращает козни бесовские, страшает наветчика,
Так добрый знак,
Восхитительный, целительный господень крест,
Ослепительный в своей высоте, победительный в своей правоте,
Воздвигся твердыней, безупречный, незыблемый, вечный,
Восторжествовав над гордыней велиаровой.
Несет он клады, плоды духовной страды,
Для восприимчивых умов и вдумчивых,
Смерть сокрушая, грех разрушая,
В настоящем внушая надежду на грядущее,
Утешая праведных обетованием нетленного;
Вот уставы славы, воскрешающие,
Благо благом завершающие, духом божьим запечатленные,
Как псалтырь, для чистых сердец поводырь,
И как Новый Завет жизни, для всех людей свет.

* * *

Если Ветхий Завет, убогое подобие,
Уже таил благую весть и уверение,
Заранее провозглашая смерти попрание,
Обитание горнее, которого нет просторнее,

Будучи начертаньем исчезающим, предзнаменованьем
ускользающим,
Отчаявшихся наказующим,
Умудрением дольным тускнеющим,
Примирением, непрочно связующим,
Для богомольцев укорением коснеющим,
Все же подтверждает он, что Манассия спасен
При всех своих грехах отвратительных, непростительных,
губительных.

Потопил он в крови праведных
Град родителя, царя-победителя и святителя,
Согласно достоверному пророческому повествованию;
Истинного божьего свидетеля,
Своего благодетеля-радетеля,
Своего пестуна, домоправителя, попечителя, учителя,
Пополам перепилил в пыли палаческом,
На свое же упование в ярости посягнув.
Еще дальше зашел он в неистовстве своем,
Подняв руку на всевышнего,
Обесчестил бесстыдно святая святых,
Похитив у создателя имя его и почести,
Присущие местопребыванию сему,
Божий дух преследуя, Велиару следуя,
Ибо храм, воздвигнутый господу, а не другим богам,
Чтобы там воскурять создателю фимиам,
Здание в назидание всем зданиям в мироздании,
Святылище, устрашающее племена,
Ангелами посещаемое, торжествами обогащаемое,
Освещаемое действенным сиянием божественным,
Просторное, чудотворное, преддверие неба бесспорное,
Он опоганил отвратом, развратом демонским,
Жертвы принося Кевану, болвану четырехликому,
Бога разгневав гнусностями подобными;
У царя небесного дворец его отобрал,
Богатейшего обокрал, почиющего попирал,
Как бродягу, презирал, Вельзевула увеселял,
Имя грозное выселял,
Присвоил залог прославленного,
Ущерб нанес милосердному,
Лисовину-заморышу*
Гостеприимство под сводом света оказал,
Вездесущему в крове над головой отказал;
Угождая бесу, разорвал завесу святейшего;
Освященный кровью алтарь священнодействия

* Лисовину-заморышу — имеется в виду сатана.

Предоставил чародейству, злодейству кощунственному;
Беспутству проторил пути
Пастырь напастей для стада обреченного,
Страстный проповедник бредней;
Собеседник толковников,
Наследник Езекии преславного, Давиду равного!

* * *

Так преступен был он, что даже кощунствовал,
В почестях отказывал господу,
Его на царство венчавшему;
Сонмы благочестивых он беспощадным клинком сразил,
Соплеменник-изменник, сородич-тать,
Сын — живоглот, друг — душегуб;
Казалось, к богу не обратиться ему,
Ибо он бога отверг;
На Авраама не сослаться ему,
Ибо он опозорил Авраамов род;
Исаак — не молещик за него,
Ибо проклял его Исаак;
Израилем не гордиться ему,
Ибо утратил он благодать;
Песнь Давидову не петь ему,
Ибо он Давида оклеветал;
К святилищу не приблизиться,
Ибо он святая святых растоптал;
Ковчег божий для него — не прибежище,
Ибо вместо ковчега воздвиг он гнусный кумир;
Моисей — не защитник для него,
Ибо он закон Моисеев непростительно нарушал;
Аарон за него не вступился бы,
Ибо грешил он Аарону наперекор;
К пророкам народным не воззвать ему,
Ибо он их истребил,
Но вопреки всему грехи были ему отпущены,
Держава возвращена,
Чтобы слава твоя, многомилостивый,
Приумножилась, неиссякаемая,
Из поколения в поколение, из века в век,
Доступ являя ко вратам упования,
Так что ты всевышний, превознесен,
А я, погибший, спасен,
Господи Христе, дарующий бессмертие,
Достохвальный во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 52

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

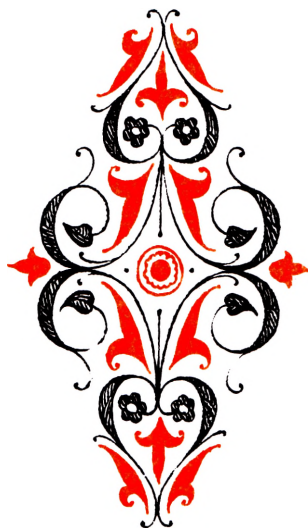
Благословенный, совершенный по сути твоей,
Неизмеримый, неизменный, бесценный,
Кадилами прославляемый,
Ты, блаженный, для всей земли несравненный,
Долгожданное обретение обетованного,
На годы грехов хотя бы на мгновение
Не взирающий в гневе пристальном;
Ты, даяний чудотворных достаивающий нас,
Так что щедроты твои в бесконечном произрастании
Давно превзошли издревле ниспосланное
Желанным изливанием свыше благодать распространив.
Окно глухое решетчатое,
Где вместо блеска были проблески,
По словам Соломона, истину лишь предвещавшие,
Для него и для меня ты растворил,
Свет светом предварил и в свет же претворил,
Завесу удалив, печаль мою утолив,
Исцелив меня дарами твоими незаслуженными.
Уже Ветхий Завет знаменовал ты вежами вещими:
«Обратитесь ко мне, и я обращусь к вам»,
А также: «Обратишься, возрыдав, возродишься, отстрадав!»
Ты властен превратить
Черную тьму в снежную белизну,
Кровавое пятно в белейшее руно,
Как Исая и Захария рекли;

Даже в ярости ты преисполнен жалости.
Узрим города Израиля сперва в запустении,
Потом в процветании,
Дороги безлюдные и вновь многолюдные,
Страдающих истощение и голодающих насыщение,
Твое гневное мщение и милосердное возвращение,
Сперва заброшены, потом утешены,
Сперва гонимые, потом вдвойне хранимые,
Отверженцы мнимые, тем выше ценимые.

* * *

Сии преславные предсказания
Твоего избавительного, повелительного пришествия,
Неизъяснимого на плотском языке,
Неизреченного, ибо несомненного,
Суть лишь приблизительные показания,
Скудные иносказания,
Ветшающие, плошающие предвестия
Твоего истинного благовестия,
Лишь вероятие спасительного распятия.
Поистине твоя дарохранительница,
Повсеместная блюстительница твоего свидетельства —
Завет крови твоей, заглушающей кровь Авеля убиенного,
Провозглашающей твое торжество
В благодетельном сражении,
Твое бессмертное божество в благодатном преображении,
Крещение, всепрощение через твое воплощение,
Наше обращение, укрощение, восхищение,
Очищение, светом твоим просвещение,
С духом святым общение, к тебе приобщение,
Страданий прекращение, вызволение, искупление,
Умиление, твое соизволение
Нашим устам ниспослать ради примирения
Глагол всевышнего ко всевышнему
И — страшно выговорить —
Хотя моей малости твои милости грех замалчивать,
Наше обожение, как твое с нами сближение,
Телом твоим, господи, питание —
Наше с творцом сочетание,
Наше погружение в твое живое сияние,
Обетование как дарование,
Которого, согласно Павлу, не сулил закон.

Но ты, избавитель, изобилием отчим нас одарил;
Свершитель, ты увенчал чаянье нерушимое,
Искупитель, прославлен ты с твоим отцом,
Восхвалением, благословением святого духа твоего
Во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 53

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Господи, господи сил, царь всех существ,
Благословенный, милостивец, бог един,
Пространства не избегающий, но пределы преодолевающий,
Не изнемогающий ни перед какой невозможностью,
Ибо для тебя твердь — вода, а зыбь тверда,
И для тебя нет недостижимого, как нет непостижимого,
И существо твое — торжество;
Пламя для тебя — целительная роса;
Ливень — пламень, сжигающий все дотла;
Камень ты вдохновляешь, облакаешь обликом;
Одушевленное уподобляешь истукану,
Обрекаешь на немоту,
Молящегося вознесешь,
Хвлящегося оттолкнешь,
К смерти клонящегося в рай пошлешь,
Стыдящегося изберешь,
В западне находящегося ты спасешь,
В бездну стремящегося ты убережешь,
Хворью томящегося обретешь,
Неуклонную тень назад отведешь;
Когда добродетель скудеет среди нас,
Ты прежние твои чудеса превзойдешь,
Ибо ты искушен в отпущении,
В сокращении долгов, в прекращении взысканий,
Во всепрощении, как Исайя и Иеремия рекли.

С превеликой благодарностью постиг я благодать
 Моего нового избавления,
 Но дары твои преизобильные
 Подавляют меня, заставляют замолчать
 Лишь потому, что твое сияние нестерпимо в благодеянии,
 Как мое закоренелое несчастье в нечестии;
 Обращаю к тебе молитву твою,
 Снова суть слова и зова моего согласовав
 Со стихом скорбных песнопений моих,
 Где рыдает каждый звук.
 Но ради тебя, всещедрый, сдобрить мне надлежит
 Недуг врачеванием, испуг доблестью,
 Уныние верностью твоему всетворящему имени,
 Тоску твоим утешением, горечь мою твоим животворящим
 услаждением,
 Кару ветхозаветную твоим состраданием,
 Проклятие долга моего спасительным благословением,
 Телесную смерть совершенным преображением.
 Возвещаю твое всемогущество,
 Ибо верую в слово твое;
 Слышишь, господи Иисусе, как сердце мое безмолвствует,
 Стуча, звуча, крича во имя твое?
 Уподобившись нам в твоём вочеловечении,
 Первосвященник сверхзаконный,
 Иго закона свергнувший,
 Вместо животины, обреченной на смерть,
 Вечно в жертву приносишь ты тело твое,
 В бессмертии благословенное.
 Неутомимо ты милуешь
 Не только тех, кто грешить ленился,
 Но и тех, кто провинился,
 Упование прервав, смерть вместо жизни избрав.
 Но что телесная жизнь,
 Даже если она достаточно сильна,
 Чтобы на тысячелетия ввергнуть члены в грех,
 Когда ты, бог всех, ради этой души
 В жертву себя принес, добровольно смерть перенес,
 Плоть и кровь свою во искупление нам преподнес?
 Ибо ты, пречистый исток,
 Ежедневной жертвенной казни обрек себя
 Не для того, чтобы смерти платить подневольный оброк;
 Подвиг твой добровольный,
 Ты, подвигнутый духом твоим,

Чтобы отца ублаготворить
И нас умиротворить,—
Непрерывное самопожертвование твое.
Но если ты, непостижимый бог всех,
Соприродный мне, вместо меня, ради меня
Жертвуешь собой, так что само тело мое,
Ты, всеобъемлющий, в тебя внедрено, с тобой заодно,
Ты, благодетельный, меня заменяя,
В моем естестве обретаешь мой грех
И, безвинный, обрекаешь себя на казнь за меня,
Заслужившего казнь, словно ты виновный,
А я за тебя готов на крест,
Беспреданно умирающий и смертью смерть попирающий!
Не руки гонителя, а вера ревнителя
Приобщает, причащает крохами,
В которых вся твоя плоть и кровь.

* * *

Один богомолец, бывший идольский жрец,
В своих смелых суждениях о жертве Христовой
Зашел, на мой взгляд, чересчур далеко.
«Верую,— сказал он,— что даже мученичество
Большого блаженства и славы не принесет
Мне, злосчастному, ибо что такое праведная жизнь,
Когда мое тело тленное сгинет вот-вот».
Однако в этом для меня намек на сокровенное,
Ибо далее он рек: «Даже чистая душа
Без этого приношения в память его —
Все еще душа падшая, пока чудом не достигает она
Единения верховного, духовного».
Наконец он присовокупил:
«Я, грешный, удостоился двойного твоего
самопожертвования;
Упование подтвердив, себя меняешь ты на меня,
Усладу твою на невзгоду мою,
За меня печешься, хлеб жизни,
Телом твоим светоносным жертвуя.
Короче говоря, на Тайной вечере,
Распределив первины благодати своей,
Целебной для безнадежно больных,
Он даровал кровь и плоть свою во искупление,
Что гораздо выше мученичества,
Ибо мученичество — лишь свидетельство,
Кровью собственной подтвержденное».

Убеждает упование подобное
В том, что слава божия
Достигается скорее искуплением,
Нежели исканием, алканием сострадания и оправдания,
Ибо твоя сила божественная
Превосходит человеческую,
Как богочеловек, жертвующий телом своим,
Превосходит жертвенное животное,
Как бессмертием превзойдена смерть,
Ослепительным сиянием тень,
Нетлением тление, небом земля,
Творцом тварь, благом блажь.
И поскольку для него царить значит животворить,
Подобает бога благодарить, а не корить.

* * *

А теперь моему пронзенному сердцу и душе
Ниспосли с небес ты, сострадательный,
Избавительную, целительную жизнь!
Сладчайший, снизойди ко мне, страждущему от грехов,
Превозмоги мои долги, в щедрости величайший!
Открывается мне слово истинное:
Ты, всетворец, в святом обитающий!
Каков посев, таков и урожай,
Как Павел верно рек;
Сиянье солнца не для воспаленных глаз,
Но для тебя, благотворитель,
Сотворивший бытие из небытия,
Жизнью вера вершит,
Ибо для тебя не закончен закон,
И ты превышаешь, разрешаешь его,
Ибо ты основание благовествования
Для всех тех, чей грех — сомнение.
Славься же, царствуя с твоим отцом
И духом святым во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 54

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Во веки веков тому, кто на тебя уповал,
Ты, смертью смерть поправ, блаженство даровал;
Дал нам Новый Завет, мудрость и свет принес
Ты, Иисус Христос, начало всех начал:
Если без воли твоей
Нет обновления мне, ты меня пожалей,
Чтобы, возликовав, я тебя вновь обрел,
Ибо без воли твоей, без благодати твоей
Нет избавленья мне; неминуема смерть.
Ты, сопутствуя мне, напутствуй меня,
Ибо к тебе не найти пути без тебя,
Справа и слева разверзлись бездны, грозя,
Между двух бездн моя погибельная стезя.

* * *

Если меня бранят, не бранюсь;
Если меня винят, повинюсь;
Если меня корят, покорюсь;
Если меня осмеют, поклонюсь;
Если меня чернят, я смирюсь;
Если меня теснят, потеснюсь;
Если меня толкнут, я споткнусь;
Ибо сбился бы конь с пути,
Если бы не рука седока;
Ибо без кормчего не поплывет корабль;
Если сноровки нет,
Любая соха плоха;
Без людского ума мало быкам ярма;

Без ветерка не летят облака;
Без мироздания нет планет,
Солнца нет, если неба нет;
И меня, вседержитель, нет
Без манования твоего.
Дар великий твой — наша жизнь и мысль;
Псалмопевец рек: ты пречистый Спас!
Утешает всех, воскрешает всех
Весть благая твоя:
«Приидите ко мне все труждающиеся
и обремененные,

И я успокою вас!»
Но зачем очищение мне,
Если вновь я впадаю в разврат?
И зачем причащение мне,
Если, райских вкусив усад,
Я потом попадаю в ад?
Разве не срам — твердить: «Авраам, Авраам», —
А по стопам его не идти?
Прав был пророк: не скажешь мудрей
О скверне моей;
Я сын мерзостной четы:
Мой отец — аморрей, хеттеянка — мать моя.
Нет, не Сарра, жена Авраама, зачала меня;
Я сын эфиоплянки, отверженец я.
Прав был пророк в минувшие дни:
Мне Самария, Содом и Гоморра сродни.
Прав пророк Иезекииль, дважды проклявший меня;
Сын Оголы, сын Оголивы, отродье блудницы я;
Отброс нечистого чрева нечист вдвойне.

* * *

Скверна моя — половодье, в отчаянье тону,
Как будто меня врасплох застиг всемирный потоп;
Гибель грозит отовсюду, некуда плыть;
Пересилить волну тщетно пытаюсь я;
В пагубном плену, куда ни взгляну, — вода;
Долю свою кляню, глотаю жидкую грязь;
Водоросли глотаю, ила полна гортань;
Погружен в глубину, задыхаюсь я,
Бьюсь, трепыхаюсь и все же иду ко дну.
Вот мой жалкий удел:
Учат меня, а я глуп;
Кличут меня, а я глух;

Будят меня, а я сплю;
Трубят — я не слышу труб;
Бьют меня — я терплю,
Зовут меня, а я труп.
Идол идилом я:
Идолу невдомек, что бог от него далек.
Впрочем, по существу,
Гораздо хуже я:
Я к суду не готов;
Страшен мне суд Христов.

* * *

Нечего мне помянуть, кроме грехов моих;
Безысходный мой путь мне дано помянуть,
Чтобы читался впредь этот мой скорбный завет,
Чтобы мои слова другой повторял, молясь.
Пусть же слово мое, господи всеблагой,
Подвигнутое тобой, стремящееся к тебе,
Впишется в твой канон.
Пусть же книга моя вместо плоти моей,
Пусть же слово мое, образ души моей,
Возносится к тебе вечной молитвой моей,
Как будто молитву мою все еще я пою,
Так что истления для богомольца нет,
Боже мой милостивый, господи — всеблагой! Аминь.

ГЛАВА 55

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

На крылах моих духовных взыв,
Род человеческий во многих поколениях обзрев,
Путь его проследив пронизательной мыслью моей,
Убедился я, что я виновней всех.
Вот почему я казню себя,
Как надсмотрщик нерадивого раба,
И стих псалмопевца — мой бич.
«Кто преступен, как я,
Где беззаконник, подобный мне?»
Свидетельствую: сей стих верен
Мною, смертным, заверен, удостоверен мной,
Но, по мне, лучше пусть буду казнен я один,
Лишь бы по моему свидетельству
Никто другой не был обвинен,
А когда покаянье мое таково,
Не простишь ли ты меня,
Как я прощаю обидчиков моих?

* * *

Как еще мне тебя почтить в книге сей?
Какими еще благовоньями усладить,
Господи Христе, благословенный небесный царь,
Если не молитвами за других?
Да благословятся обличенные,
Да освободятся заточенные,
Да вознаградятся разоблаченные,
Да причастятся отлученные,
Да просветятся омраченные,

Да возвеселятся огорченные,
Да возродятся обреченные,
Да возвратятся заключенные,
Да приютятся пойманные,
Да исцелятся смертельно раненные.
Когда благословлять иду,
Да не забудется благословение мое;
Когда проклинать иду,
Всемиловитый, да не сбудется проклятие мое.
Я, удрученный горестями,
Среди людей несчастнейший,
Приступая к молитвословию, книгу сию завершающему,
Всей душою прощаю моих ненавистников,
Благодаря тебе немею,
Не смею, не умею проклинать и лихом поминать,
И за моих гонителей, притеснителей, соблазнительей,
Как за хранителей моих,
Всем сердцем на коленях тебе молюсь.
Но милосердием ты меня превзойдешь,
Когда снизойдешь ко мне с высоты твоей
Ты, провидение достохвальное,
Ты, пробуждение для меня, усопшего,
Ты, возрождение для меня, немощного,
Ты, пробуждение властное для меня, смущенного,
Ты, предупреждение мудрое для меня оторопевшего,
отупевшего.

Меня, новичка-ныряльщика,
В темной глубине залучила в свои mreжи смерть.
Не осознал я погибели, не узнал врага,
Не распознал западни,
Не знал, что вкусил, подвоха не раскусил,
Не познал правого пути, капкана не признал,
Согласно псалмопевцу:
«Беззакония меня постигли,
Которых я не постиг».

* * *

Непостижимую смерть, чья сущность — лишь произвол,
Злом из горчайших зол философ-язычник назвал,
Истину возвестив.
Я подтвердить готов: этот философ прав,
Ибо строптив наш нрав и мы подобны скоту;
Мы жизни лишены и не уstraшены,
На гибель обречены и спокойно сидим;

Заживо погребены и не усмирены;
От церкви отлучены, в грядущее не глядим;
То и дело грешим, а каяться не спешим;
Истлевая, смердим, и не вразумлены;
Жизнью не дорожим, смерти не избежим;
Предостережены, грехом заморожены,
Мы порабощены, ибо совращены.
Иов блаженный рек: смерть — великий покой.
Горем гоним, я с ним согласиться бы мог.
Но тяготит меня невыносимый гнет:
К смерти меня влечет иго проступков моих.
Козни страшней во тьме, прячется враг во мрак.
Нынешний день как тень,
Вчерашний день — тайник, завтрашний день — тупик.
Подозреваю всех, а сам ненадежен я;
Ноги мои не идут, мысли мои разбрелись;
Страстям подвержен я, и невостребован я;
Тело осквернено, так вождельте грешно.
От роду я упрям,
Природа моя — разлад;
Дождь непрерывно льет, а мой оплот — скудель;
Нет моим нуждам числа, бедствиям счету нет;
Мысль мою манит вред, благо мое мне претит;
Жизнь пролетит вот-вот, а предмет забот моих — прах;
Мои попеченья — бред, мои развлеченья — пустяк;
Тщета для меня — цель, суета для меня — хмель,
Пустота для меня — снедь, ветер — мой обильный обед;
Образ мой — марево, подобье мое — чурбан,
Ибо такой завет апостолом Павлом дан:
Грех воскресив, закон справедлив,
А я, слепец,
Для жизни мертвец, для смерти жив.

* * *

Слово Писания сбылось.
Все, что мне довелось обрести душой и умом,
Нечестивые полчища разграбили дотла;
Мудрость не дошла до меня,
Как в притчах возвещено;
Что грешно, то желанней всего для меня.
Моя душа нечиста: отвернулась она от Христа,
И, прельщенный тьмой, избегал я стези прямой;
Искал я всего и не нашел своего;
Я стремился ввысь, а попал я в грязь;

Путь в небеса держал и бездны не избежал;
Весь век берег себя, а благом своим пренебрег;
Думал, что буду цел, а сам душой оскудел;
На левую ногу хромал, правой ногой не владел;
Лишнего пожелал, насущное проглядел,
Малым прельстился я, великий забыв удел;
Свой соблюдал обет и нарушил завет;
От шалостей отвыкал, к погибели привыкал;
Ошибки преодолев, пороки приобрел;
Сам постыдный итог моих губительных дел
Обвиняет меня, к страждущему жесток.
Ты один можешь от всего этого освободить
Меня, пленника, меня, изменника.
Путь к смерти преградить, жизнью вознаградить,
Ибо ты один благ, прославляемый без конца,
С твоим отцом и духом твоим святым
Во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 56

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

В моем саду дерево, чьи корни в аду:
Горькие плоды сулят мне смерть;
Мои враги во мне, мой кров — убежище моих врагов;
Мой брат — мой супостат;
Мои сыновья предают меня.
Вот перечень заклятых недругов моих,
Названных по именам.

* * *

Растленное сердце мое, мои дурные уста,
Блудливые очи мои, пугливые уши мои,
Моя смертоносная длань, мерзкая похоть моя,
Моя ступня, не выносящая меня;
Я сам, которому сомнение сродни;
Изгибы моей стези, мой дух в зловонной грязи;
Каждый мой шаг, ведущий во мрак;
Спячка моих чувств, горячка мыслей моих;
Оковы воли моей, ковы скверны моей;
Мнимое счастье мое; душа моя, чуждая мне;
Мой расточенный клад, отданный мною в заклад;
Я подранок, я птица, подстреленная на лету;
Я на земле не жилец, я сорвавшийся в бездну беглец;
Я разбойник в цепях, я корсар, идущий ко дну;
Я, посланный на войну боец, ненадежный в бою;
Я насильник в доспехах, я преступник с мечом в руке;
Я нерасторопный слуга, я псаломщик без Псалтыря;
Я церковная крыса, снующая у алтаря;
Я священник — мошенник, я иерей — лиходей;

Я беззаконник — законник, я мздоимец — писец;
Я безумный мудрец;
Я срамник, чья личина — собственный лик;
Я соглядатай, у которого глаз дурной;
Я страшилище, лишенное черт людских;
Я посмешище для всех и вся;
Я едок, чья снедь человеку претит;
Я виноградник, рассадник сорняков;
Я сад, который заглох, где разросся чертополох;
Я сухая лоза, я спорынья;
Я мед, которым лакожится мышь;
Я отверженец, я изгой;
Я зарвавшийся наглец, я высокомерный мертвец;
Я грешник, для которого церкви нет;
Я изгнанник, чей путь возврата не сулит;
Я тупой остролов, я напыщенный суеслов;
Я хищник хитрый, ненасытный, как бес;
Я распутник, чья страсть — гибельная напасть;
Я безбожник, я бесноватый глашатай греха;
Я убийца, поднявший руку на ближнего своего;
Я слепой оратай, засеявший плевелами свой надел;
Я убогая роскошь, я отвратная красота,
Я нечистая чистота,
Я немощная мощь, я низкая высота,
Я попранная правота;
Я суета, для которой заповедь — звук пустой;
Я доброволец в проклятом стане грехов;
Я своенравный наместник, я льстивый клевет;
Я злобный друг, я бесчестный казначей;
Я жадный сородич, я благодетель — скупец;
Я корыстный купец;
Я себялюбец, я противник для всех;
Я мучитель, я изверг, я лютый зверь;
Я заблудший глупец;
Я душа, в которой таится гниль;
Я гнусный скрытник, я гонимый блудник;
Я промотавшийся скопидом;
Я ростовщик — должник;
Я спившийся пономарь;
Я невезучий торгаш, я неверный страж;
Я злоязычный посол;
Я привратник — развратник, я нищий гордец;
Я убогий богач;
Я попутчик — лазутчик, я подкупный судья;
Я приветливый клеветник;

Я гонец, которому лучше сгинуть в пути;
Я вестник — прелестник, учитель, прельститель душ;
Я бестолковый толковник, опальный государь;
Я падший кесарь, я подлый царь;
Я воитель — грабитель, я приятель — предатель,
я князь-мразь;
Я самовластный властитель, я строптивый холоп;
Я соблазн для хулы,
Я скорбь для любви,
Я мишень для острот,
Я вина для суда.
Я воистину таков,
И к тому же я хуже подчас,
Я грешен; всем этим грешным «я» нет числа;
Глупость моя меня подвела,
Слабость моя меня извела;
Грех возлюбя, погубил я себя.

* * *

Какое из моих «я» всего ненавистней тебе?
Какое из моих «я» губительнее для меня?
Какое из моих «я»
Достойно предстать пред тобой?
Как я тебе поклонюсь,
Когда во всех моих «я» — грех?
Долго ли будешь прощать меня, защищать,
Жизнь мне возвращать, мою гибель предотвращать?
Долго ли будешь меня просвещать своей добротой,
Молчанье храня?
Долго ли будешь терпеть, хотя я заслуживаю бича,
Название которому — смерть?
Однако тьму моих грешных «я»,
Безысходную тьму моих зол,
Эту беспросветную тьму
Ты посети, целительный свет!
Просвети, прости, защити меня,
Ибо ты всемогущ в бытии своем
И прославлен всеми во всем. Аминь.

ГЛАВА 57

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Господи Христе, имя ужасающее,
Величие явственнее,
Высь в зримом необозримая,
Сила беспредельная,
Исток света целительного,
Покровительство животворящее,
Вход в царство покоя небесного,
Путь безошибочный,
Пристанище отрады неизведанной,
Владычество вездесущее, клич благословения,
Ключ благовествования, глагол благоволения,
Эликсир воскрешающий,
Непостижимый сын бога единого!
Что не под силу мне, то удается тебе;
Что неведомо мне, то дается тебе;
Чего не достать мне, то предается тебе;
Чего не достигнуть мне, то достается тебе;
Чего не постигнуть мне, то рисуется тебе;
Чего не сделать мне, то предоставляется тебе;
Чего не проверить мне, то вверяется тебе;
Что не подвластно мне, то покоряется тебе;
Что опасно мне, то смешно тебе;
Что горько мне, то сладостно тебе;
Что тяжело мне, то радостно тебе;
Чего не прочесть мне, то памятно тебе;
Чего не найти мне, то принадлежит тебе;
Чего не высказать мне, то свойственно тебе;
Чего не выяснить мне, то ясно тебе;
Чего не исчислить мне, то взвесить легко тебе;

Чего не выдержать мне, то привычно тебе;
Чего не пережить мне, то сродно тебе;
Чего не преодолеть мне, то поддается тебе;
Что смертью грозит мне,
То ничтожеством считать угодно тебе.

* * *

Но ты, всеблагой вседержитель, господи Иисусе Христе,
Властен даже меня, пропащего, обрести;
Сжался же надо мной
Во имя твоего преславного, державного, благословенного
отца,

Во имя сострадательного, благодательного
Святого духа твоего;
Возри на мое меня же уличающее томление,
И на мое меня же обличающее исступление,
И на мое меня же расточающее стремление,
Заживление моим язвам даруй,
Преодоление — моей погибели,
Удаление всех смертей моих,
Направление верное мне, презренному,
Обновление мне, растленному,
Умиление мне, безбожнику надменному;
Если я готов себя самого преследовать,
Как тебе не последовать самому себе и не одарить меня?
Если тернии мои готовы тебя услаждать,
Какой же услады мне от райского твоего древа ждать!
Если я за моих оскорбителей молиться готов,
Каких только новых щедрот
Не удостоит меня всемогущество твое!
Видишь, всевышний, как ты велик
И как жалок я;
Так вот же тебе краткие отрывки покаяния моего
При моих грехах бесчисленных,
Ты, целое созерцающий!
Камню ты простил его падение,
Не кляни же ты меня, пылинку мятущуюся.
Как от кары избавил ты Давида
Возопившего: «Грешен я!»
Так яви мне вновь сострадание за мое рыдание, господи!
Ты, всех одаривающий, никого не забывающий,
Ты, победитель, освободитель, не отринь меня,
Хоть я слаб, я презреннейший раб,
А ты творишь, благотворишь, царишь!

Сотвори же меня заново, не бросай меня,
Кровью твоей исцеленного,
Тобою скормленного, милостивец,
Ибо тебе меня прощать и защищать.
А мне славу твою со всеми возвещать
Во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 58

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Господи Иисусе, благословен ты с твоим отцом
В согласии с духом твоим святым;
Каждый, кто благословен,
Благословен, ты благословенный, во имя твое,
Сын благословенного, один ты воистину благословен.
Над моим дыханием другого государя не ведаю,
Кроме тебя, Христос.
«Вот удел Иакова,— Исайя рек,—
От него грехи я удалю».

* * *

Сжался же теперь надо мной, господь сострадательнейший,
Яви твое первоначальное участие просветленное,
Благослови меня, орудие твое одушевленное,
По стиху Давидову, по глаголу Моисееву,
Чтобы, словам твоим целительным движимый,
Я прощения удостоился и благословения твоего сподобился.
Миродержавец вышний всеблагой,
Сверхъестественным твоим содействием осчастливь меня,
Как расслабленных, лежавших много лет на своем одре
Там, где Овчая Купель.
Среди них один был дважды неверный,
Хилый лежень, провалявшийся тридцать восемь лет;
Укрепил ты его, поднял его на ноги,
Хотя знал, что на тебя же он поднимется,
Неизлечимый в коварстве своем,
Козни строя против тебя в тот день, когда тебя предали,
И в ту жестокую ночь, когда посягнули на господя,

На тебя, повелителя, на тебя, целителя,
На тебя, благотворителя, предостерегшего:
«Не грехи во избежание горшего»;
Был он первым, однако, среди нападающих
И среди злодеев, тебя на крестную казнь осуждающих,
Но над ним убогим, бедным, зловредным
Смилостивился ты, утешение невыразимое,
Воскрешение невообразимое,
Долготерпение неотразимое,
Спасение неисповедимое,
Услаждение неистошное,
Умиление неодолимое.
Лишь состраданием твоим ты побежден,
За что не осужден;
Лишь человеколюбием твоим ты покорен,
За что не корен;
Лишь милосердием твоим ты пленен,
В чем не обвинен;
Я от тебя отрешен, однако тобой воскрешен;
Я от тебя отлучен, однако тобой привлечен;
Я с тобой разлучен, однако тобой приручен;
Я дотла разорен, однако тобой ободрен;
Для меня беглеца, ты — кров;
Для меня, наглеца, ты — честь;
Для меня, гнуснца, ты — купель;
Для меня, слепца, ты — луч;
Для меня, мертвеца, ты — жизнь!

* * *

Вот о чем на благо нам свидетельствуют
Книги, духом святым внушенные,
Со своими плодами полновесными,
Чудесными, небесными;
И мне, злосчастному, скажи
Ты, благословенный, податель всяческих благ:
«Встань, возьми одр грехов твоих пагубных
И отправляйся туда, где беспечная жизнь
В покое отраднейшем!»
Всемогущий, разрежь мечом слова твоего непобедимого
Гробовую пелену плена моего,
Вызволь меня скрученного, скрюченного;
И меня, к смерти приговоренного,
Но свободой горней одаренного,
Ублаготвори навеки словом твоим, покровом твоим.

Только заблаговременно уврачуя меня, господи,
Иначе гнет грехов моих согнет меня в три погибели,
Ад навязывая, обезоруженный дух связывая,
К смерти меня привязывая.
Но пособи, всеблагой,
Мне сострадающий, со мною рыдающий,
В немоте немощей моих
Не отягощай древом казни меня,
Как того, врасплох захваченного, неоплаченного,
Ознаменуй победу свою в бою
И быть в раю
Мне, с тобою крепко связанному,
Надеждою и верою к тебе привязанному.
Тебе с твоим отцом при духе твоём святом
Прославление и правление во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 59

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Верую, заверяю, разумом убежден,
По наитию свыше, по собственному опыту,
В соответствии с тем, что в жизни видел я:
Ты, милостивец, отзывчивей к настоящим грешников,
Чем к притязаниям праведников;
Ибо грешник, не щадя души своей, кается,
Уповает на щедроты твои,
Постигает убожество естества своего,
Сам на себя посягает, как бы себя стегает,
Ругает, пугает разоблаченьями,
Тогда как праведник просится в свидетели своей
добродетели,
На себя полагается, не пугается,
Забывает скудость естества своего,
Уповает скорее на свое усердие, чем на твое милосердие.
Потому-то и славится твое снисхождение,
О котором трубный глас оповещает нас;
О заслуженном же вознаграждении обычно умалчивают,
Ибо непостижим, неударжим, неопровержим твой
промысел.
Стыжусь, но не сдержусь:
Неужто дела человеческие перед божьими деяньями
первенствуют?
Встань же, господи,
Чтобы земная персть не оспаривала перста твоего
И превзошел человеческую дурь твой дар.

Зачем здоровому врач, зачем зрячему поводырь,
 Зачем богачу стучаться в двери богачей
 И ждать, когда его угостят;
 Зачем ловить хлебные крохи со стола
 Тому, кто объедается за столом;
 Зачем тому, кто свят,
 Раздумывать, простят его или не простят!
 Прости же теперь,
 Всевышний царь небес и чудес,
 Меня, отчаянного, нераскаянного, неприкаянного!
 Будь я Иов, сказал бы я, что моя душа чиста;
 Будь я Моисей, сказал бы я: «Господне господу ведомо».
 Будь я Давид, сказал бы я: «Праведен мой суд».
 И превозмог бы человеческое естество, сказав:
 «Если узрю я неправду в сердце моем,
 Да не услышит меня господь!»
 Будь я Илья, назвал бы я божий человек;
 Будь я Иеремиа, я бы тебя предварил
 Всем своим существом;
 Будь я Езекия, я бы превознесся, произнося:
 «Прав я перед тобой!»
 Будь я Павел, я бы сказал: «Слово божье во мне»,
 Но я, беззаконник-законник,
 Не только не смею душою к тебе вознестись
 И тебя словесно почитать;
 Не только не смею тебе исповедаться в кознях моих,
 Как будто я праведник;
 Нет, я даже не смею моими устами предезкими,
 богомерзкими,
 Прославлять имя твое неотразимое,
 Внятно произносимое даже бессловесными.
 Но ты, властный решать и воскрешать,
 Даруй мне дух спасительный, кров хранительный,
 Знак наставительный, устав освободительный,
 Свет вдохновительный, глагол обновительный,
 Залог искупительный, посох защитительный,
 Ибо ты убежище — прибежище, господи Иисусе Христе,
 Багословенный с твоим отцом при духе твоём святом
 Во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 60

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

А теперь, когда не подобает устами нечестивыми
благословлять,
Что мне правдивым глаголом возвещено,
Отважусь ли вторить хвале я среди суеты,
Если каждый псалом, прославляя бога, клянёт меня?
Мне ли беды на себя накликают,
Упрекать самого себя, лилий алкать
И вместо них тернии привлекать к моей груди?
Отважусь ли вместе с Давидом провозгласить:
«Зубы грешников сокрушаешь ты»?
Отважусь ли провозгласить:
«На беззаконников ты не воззришь»?
Отважусь ли: «Суди меня, господи, по правде моей
И по незлобию моему»?
Отважусь ли: «Да прекратится злоба грешников»?
Отважусь ли: «Сокруши мышцу грешному и лукавому»
Продолжить этот стих?
Отважусь ли: «Одождит на грешников сети, огонь и жупел»?
Отважусь ли: «Истребит господь уста лъстивые, язык
велеречивый»?
Отважусь ли: «Искусил ты сердце мое
И неправды не обрел во мне»?
Отважусь ли продолжать:
«Я охранял себя от путей притеснителя»?
А также: «Я же правдою явлюсь лицу твоему»?
Отважусь ли: «Я буду непорочен перед ним»?
А также: «И воздаст мне господь по правде моей
И по чистоте рук моих пред очами его?»
Отважусь ли опозорить ложь мою,

Вторя святому: «Омою в невинности руки мои»?
Отважусь ли, раб тщеты,
Высокопоставленных преступников развенчать?
Отважусь ли, ничтожный, возноситься, как будто я блажен:
«Суди меня, господи, ибо я в незлобии ходил»?
Отважусь ли я, благом пренебрегающий,
Взывать к тебе, всеведущему:
«К падшим душам мою не причти»?
Отважусь ли, сам того заслуживающий,
Других проклясть: «Воздай им, господи, по делам их»,—
И дальнейшее произнести?

* * *

Поистине, если последнее с первым сочетать,
Ополчатся на меня напасти мои,
Ожесточатся страсти мои,
И хотя многочисленны источники слез,
Ограничусь некоторыми из них,
Чтобы проникновенный глас Псалтыря
Корил меня, карал меня, виновного, изо дня в день.
Таково заключение сорок девятого псалма,
Упоминающее, обвиняющее, проклинаящее меня,
Рот мне затыкающее, путь преграждающее хвале,
Угрожающее разоблачением нищей моей душе,
Гласом Божиим свидетельствующее против меня,
Запрещающее мне надеяться,
Как бы камнями осыпающее меня со стены крепостной.
Худо, когда клянет чужой, хуже, когда клянешь себя,
Хула ближнего как бы не в счет,
Однако напрашиваться на проклятие вездесущего
Значит наказанью, истязанью, терзанью себя обрекать.
Но тот, чье моление — самоумаление искреннее,
Кто языком своим гоним и казним,
Храним гласом всевышнего, главенствующего в глаголе
своём,
Ибо он ободрится, к богу обратясь,
Как дар, дорогу жизни обретя,
Упразднив, устранив любовью долги свои,
Перед обвинителями — гонителями не уронив себя,
Ибо от всякой боли овца Христова исцелена,
Отведав соли, пока сильна соль спасительная;
Разве что дурашливый в стаде красноглаголивым,
Бросив пастбище благоуханное, где трава — целительные
слова,
Умишком плох, предпочтет ядовитый чертополох.

А теперь, когда последняя притча явно метит в меня,
 Обнажая недуги в недрах моих,
 Очевидно, что я по моей вине изнывал в небесном огне,
 Который твердыню духа моего обуревал,
 Ибо какой мне прок от Псалтыря,
 Когда мое угодие — бесплодие и мой дух сух,
 То есть глух, согласно апостолу Павлу,
 Хотя мне петь не лень!
 Как пророчество с глаголом господним сочетать
 Мне, грешнейшему, мне, среди честнейших гнуснейшему,
 Как мне вторить, когда святой изрек:
 «Прочь, беззаконники»?
 Как, закон и заповеди благодати поругав,
 Заправила заправских греховодников,
 Я дерзну передразнивать угодника из угодников,
 Не только наблюдавшего, но и соблюдавшего установленное:
 «Ибо раб твой это хранит»,
 Не говоря уже об остальных словесах?
 Как немудрящему, пропавшему, мертвым сном спящему,
 Как мне молиться вместе с богобоязненными?
 Как мне быть,
 Когда величайшего величать великий велит:
 «Созерцать бы мне только господню красоту
 И посещать его святой храм»?
 Как мне отречься от себя самого,
 Когда я внемлю: «Правым подобает похвала»?
 Как моим устам душу мою проклясть,
 Когда сверх других стихов сверкает этот стих:
 «Но лицо господне против делающих зло,
 Чтобы истребить с земли память о них?»
 А такой стих: «Зане истребятся лукавствующие»?
 Как мне сказать и на себя показать:
 «Мышцы нечестивых сокрушатся»?
 Как мне биться, как добиться, чтобы истребиться мне,
 Когда воистину «погибнут нечестивые»?
 Как мой блудливый язык
 До благословенного допустить:
 «Буду держаться путей моих,
 Чтобы язык от греха удержать»?
 Как мне, удавленнику в терниях терзающих,
 Возноситься, будто я чист:
 «Невинности моей не отринешь ты»?
 Как мне, преступнику, с моей виной двойной

Ближних винить, чтобы себя извинить:
«От коварного и неблагодарного избави, господи?»
Как стыд мне забыть, чтобы хвастать с Давидом заодно,
Словно кумиров я себе не творил:
«Разве мы забыли имя бога нашего
И воздели наши руки к богу чуждому?»
Ибо тот, кого скверна унижает,
Распутник водружает, обожает
Изваяния искусные, образы гнусные,
Пленяющие, к разврату склоняющие,
Астарту, Хамос, Милхома, Тарахта поганого,
Болваны медные, вредные, непотребные,
Женоподобные, угрожающие,
Естество свое ослиное обнажающие.
Как мне стыд превозмочь, когда возгласить хочу,
Словно мученик, искушенный в добротолубии:
«За тебя мы умираем каждый день».
И дочитать псалом до конца?
Как я, навеки прельщенный, совращенный,
Отважусь повторить:
«Мудрость у меня на устах, разумение в сердце моем?»
Как я, льстец, хитрец, отважусь пожелать,
Чтобы разбросаны были кости ласкателей?
Как отважусь я сослаться на благодеяние удвоившееся:
«Благоугожду пред господом во свете живых?»
Как я, не знающий меры в грехах,
Глагол святого позаимствую:
«Нет во мне греха, не преступник я,
В путях своих безгрешен и прав?»
Как я самого себя приговорю, когда проговорю:
«Не милуй беззаконника?»
Отважусь ли: «Как тает воск от лица огня,
Так да погибнут грешники от лица божия?»
Как я, хилый в холе гибельной,
Усвою несвойственное мне:
«Постиг я пост сокрушенной душой»
И стих в том же роде:
«Страждущему вретище не во вред,
Скорбящему уничижение к лицу?»
Как я снесу, когда мне подобных корят, кару суля:
«Однако не иссякнет гуща гнева божьего
И упьются ею все грешники на земле?»
Как, наконец, глаголы сии последние:
«Все роги грешников сломлю?»
Как высмеивать неблагодарность Израиля

Мне, чей удел — суть, а не тень,
Мне, при этом заблудшему, как они,
Мне, забывшему Христов дар,
В чудотворном распятии
Безнадежнее, чем они забыли Моисея, вождя своего,
И предивный жезл его,
Предвещавший господне преобразование?
Как обрисовать сатанаилову ярость, грозящую мне,
Как повторить мне глагол праведных против
иноплеменников:

«Положили тела рабов твоих,
Брашно птицам небесным», то есть злым духам воздуха?
Как я посмею назвать святым посев,
Когда слово путниками затоптано,
А моя воля супостату предана?
Как посмею, когда супостат, злобствуя,
На войну ведет меня,
А в глубине души мнутся мои помыслы мятежные,
Неистовое ополчение лукавого?
Я не смею воззвать:
«Не премолчи, боже, не почий!»
Не смею: «Их злоумышление, их речь против святых твоих»,
Не смею дочитать псалма,
Ибо в этих стихах распознается иго демонов,
Нападающих из века в век, наступающих настоящее
Со своими приспешниками.

* * *

Преславный сын бога великого, господи Христе,
От них от всех убереги нас, оплотом огради,
Рать свою горную вокруг нас построй,
Светом креста твоего отвори
Бурные посягательства лукавого,
Ибо, закоренелый охальник,
Все же не богохульник я,
А ты не возрадовался,
Казня растленных вроде меня,
Нет, напротив, ты опечалился,
Жалости ты преисполнился,
Удрученный вдвойне уничтожением
Преступников, потопа заслуживавших;
Злоключением их растроганный,
Рек ты мысленно на удивление внемлющим:
«За дела человеческие землю больше не прокляну!»

Утеха твоя, отрада твоя —
Укоренных воскресение, приговоренных спасение.
Тыква свидетельствует
О долготерпении твоём, о милосердии твоём,
Когда искоренять пора;
О чём другом свидетельствует забота твоя,
Когда запаздывал дождь, целебный для отступников,
Изобилуют последние дни
Доказательствами несказанными
Твоего благоволения,
Чтобы нам торжествовать и уповать
Благодаря тебе и твоим апостолам,
Усладившим вестью благой
Страны отдаленные, племена, светом обделенные,
Окропи же и меня, бог живой,
Росою любви твоей в снисхождении твоём отеческом,
Услади, огради, награди
Посещением, очищением, прощением.
Тебе, отцу твоему, святому духу твоему
Слава во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 61

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Что мне делать, когда все глаголы псалмов, как один,
Удручают, обличают, отлучают меня,
А мне надлежит вторить им день за днем
Арфою певчей моей?
Как соблюсти церковный чин
Мне, проклятому, приписать себе славу ближнего
И повторить: «Не прильнет ко мне сердце строптивное»?
Как прочитать мне дальнейшие, устрашающие,
всесокрушающие стихи,
Которыми жил он, земной властелин,
Законоучитель, воитель, правитель,
Как будто обитель его — небеса?
Как не возненавидеть мне собственную жизнь,
Когда я проповедую Новый Завет,
А сам бесконечно далек от этих вершин?
Как предводителю следовать
Среди его богобоязненных дружин,
Ополчившихся на грешников утром знаменательным,
Когда мне во сне лень бичевать себя?
Как подражать мне отваге непобедимого,
Как святой град очистить от скверных образин,
Когда в моей собственной душе
Проклевывается скверна неискоренимая?
Как обману я прозорливейшего,
Притворяясь, будто пепел, как хлеб, я ел?
Как я, ни одной слезинкой не замутивший истоки слез,
Псалмопевцем пролитых, повторю:
«Питие мое с плачем растворял»,
«Слезами моими постель мою смочил»?

В каких пороках пора покаяться мне, мерзкому мертвецу,
Когда боголюбивый всем сердцем каялся за всех прашуров
своих:

«Согрешили мы с отцами нашими неправдою и
беззаконием»,

Обличая с богом наедине

Все то, что свойственно не столько Израилю, сколько мне?

Как мне прославиться с праведниками наравне,

Когда не сумел я отличиться,

Не смел по-человечески лечиться

Недоеданием, голоданием, страданием,

Увяданием, ожиданием смерти,

Как принято у евреев и язычников?

Как же правда моя пребудет во веки веков,

Когда я все еще празден по моей вине?

Пока я не изнемог во многоглаголании,

Подведу итог:

Найду ли, однако, другие слова,

Кроме тех, что Давид вдохновенный пропел:

«Всем сердцем своим ищу я тебя»?

Превзойду ли слово возвышеннейшее:

«Моим ногам возбранил я лукавый путь»?

Как дерзну начать в обход заповеданного:

«В сердце моем я скрыл словеса твои,

Да не согрешу пред тобой»?

Как мне выдать изъяны мои за изящество праведности:

«Заповеди твои я постиг,

Сего ради возненавидел я всякий неправый путь»?

Как мое вечное искание заветного

Обменять на безупречное служение кроткого,

Как вместе с ним, вернейшим, присягнуть:

«Я поклялся, я пытался сохранить суды правды твоей»?

Как мне повторить непререкаемый приговор,

Когда ангел возвещает мне смерть:

«Далеко от грешников спасение»?

Как мне, лукавому, примкнуть к правому,

Вознагражденному господом,

Согласно следующему стиху:

«Ублажи, господи, благих и правых сердцем»?

Как мне, заблудшему,

Примириться с наказанием неотвратимейшим:

«Уклоняющихся же в разращения

Отведет господь с делающими беззаконие».

Мне ли, срамнику, возвеличиваться,

Как будто от бога я,

Достоин сих слов:

«Господи, не возносилось сердце мое,
Не кичились очи мои»—

И всего того, что идет после этого стиха?

Как я, заложник геенны огненной,
Тщетно подражающий помазаннику,
Ободряя унывающего,

Приму слово сверхчеловеческое:

«Издадека ты разумел,

Что нет лжи в языке моем»,

Восхищенный псалмом с начала до конца?

Как я, сообщник преступников,

Раб смерти, сын погибели,

Припишу себе слова боголюбезного:

«Не я ли возненавидел ненавидящих тебя, господи?»

И дальнейшее?

Как, в жизнелюбии превзойдя государя блаженного,

Душа моя, всею вселенной оплаканная,

Хитроумно избежав испытания,

Уподобилсь ты венценосцу, говоря:

«Изведай меня, господи,

Не найдешь ли неправды в руках моих»,

О последующем не умалчивая?

Как я сам такой

Буду молиться о спасении других,

Словно я из тех, кто на бога полагается:

«Не предай меня господи, в руки грешнику

И человеку неправедному?»

Как я дерзну заодно с преславным бога молить:

«Ты упование мое, удел мой на земле живых?»

Как я, прикидываясь отважным воином,

Воздам честь предводителю-победителю,

Прочитав несравненную молитву,

Как будто битву выиграл я:

«Праведники ждут, когда ты меня наградишь?»

Также благословен дух псалма,

Предвосхищающего господень подвиг,

Посрамление искусителя,

Когда, презирая все,

Псалмопевец всему предпочитает

Начало безначальное существ, сказав:

«Блажен народ, чей господь есть бог».

Превосходен благодатный сей восторг,

Великолепно жизнелюбие, блаженства преисполненное:

«И преподобные твои да благословят тебя».

Упоительно также общение в духовном приобщении,
Обращение к богу, возвращение к нему,
Когда слово псалма дышит радостью:
«Волю боящихся его сотворит».
И псалмопевец рассуждение свое заканчивает,
Указав, что спасительно, что губительно:
«Хранит господь всех любящих его,
А всех грешников истребит».
Стих за стихом читается,
Сочетается стих со стихом,
Ибо, если «кротких приемлет господь,
Грешников смиряя до земли»,
Какие только кары не грозят мне!
Если же «благоволит господь к людям своим
И вознесет кротких во спасение»,
Где обоснуется мое убожество,
Лишенное божества?
Если же «господь благ во святых своих»,
С кем окажусь я при моей нечистоте?
Если же подытожить выше пропетое,
Увековечив укор, укорачивающий жизнь мою:
«Возлюбите господа все преподобные его,
Ибо истины взыскует господь,
А творящим гордыню воздаст с лихвой»,
В какой же своре себе на горе затеряюсь я,
Опьяненный, плененный
Основоположником, художником зла,
Чьи ухищренья до разоренья меня довели?
Как в бурю кедры содрогаются и осыпаются,
Так ветви жизни моей нечистого пугаются,
Опасности подвергаются, к небу обращенные,
Плодами отягощенные, твоею рукой взращенные,
Вертоградарь всевышний.
Как бы сохраниться, как бы мне укорениться вновь
По милости твоей, по воле твоей
Плодоносить бы мне в нетлении,
Господи Христе, небесный царь,
Податель всех благ, благословенный во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 62

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

А теперь почему бы вышеприведенный вещей псалом
Не дополнить словесами пророков других?
Однако придется ли мне по вкусу вкуснейшая снедь,
Когда недуг лишил вкуса меня?
Какой мне толк от псалма,
Когда псалом сбивает с толку меня?
Сими стихами я отлучен, однако не учен,
Водю крещен, однако не обращен,
Солнцем освещен, однако не просвещен,
Медом услажден, однако не возрожден,
Бальзамом наделен, однако не исцелен;
Молиться принужден, однако молитвою не пробужден;
Всенародно осужден, однако не переубежден;
Всеми укорен, однако не умудрен.

* * *

Поистине пороки мои, недуги мои снедают меня,
Как, виноватых виня, пророк изрек
И как возвестил сам господь
В притче о ветхих мехах и молодом вине;
Если распутники истребятся с преступниками заодно,
Как Исая предрек,
Мне, развращенному, такая же участь уготована,
Ибо пою псалом:
«Творящим гордыню с лихвой воздает»
И дальше читаю:
«День гоподень падет на все гордое и высокомерное».
Реку: «От рождения грешники совращены»,

Что последующими глаголами разъяснено.
Продолжу: «Да исчезнут грешники и беззаконники с земли»,
А также: «Неправедных отвергнет он».
Оплачьте же меня согласно пророчицанию:
«Как тростник сгорает от искр огня,
Так истребятся грешники в пламени пылающем».
Пожалейте меня, вняв приговору божьему:
«Не внемлющих мне меч пожрет».
Скорбите обо мне, вняв псалму:
«Смерть будет их пасти».
Возрыдайте горько, вздыхайте жалобно
Вместе со мной,
Когда не только Израилю, но и мне всевышний речет в
псалме:

«Народ мой не слушал гласа моего».
Сетуйте обо мне, ибо я пропал,
Что подтверждает и другой пророк:
«Горе тем, кто удалился от меня».
Возопите трубным гласом,
Сердце звуком неслышанным заглушив,
Ибо провидец клеймит меня, во имя бога срамит меня
Вместе с домом строптивым Иакова:
«Зрите, мятежники, дивитесь, изнемогайте!»

Но ты соблаговоли, от меня удали
Яркий меч ярости твоей, ты устрашающий;
Вели, великий, не казнить меня,
Удалившегося от лика твоего;
Осени меня десницей твоей,
Дарующей милости,
Миром жизни помазав меня,
Взывающего к тебе в чаянье милости,
Слава твоя превыше небес
И среди смертных во прахе земном
Во всех народах, во все времена. Аминь.

ГЛАВА 63

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Благодетельный, сострадательный,
Человеколюбивый, незлобивый царь царей,
Восхваляемый, прославляемый с твоим отцом
Государь для всех, сын бога живого!
Ты, не насылающий на меня погибели,
Ты, которому коварство не свойственно,
Ты, не желающий смерти грешнику,
Ты, спасение ниспосылающий,
Ты, превращающий бурю греха в дуновенье целительное,
А пламень ярости — в дождь,
Ты, двойною стихией сковавший
В монолите столпа двусоставного
Жену, от праведных отставшую,
Не вполне невиновную
И не вполне виновную;
Ты, незыблемей каменных стен, воздвигавший
Зыбь моря неудержимую,
Ты, из утеса безжизненного извергавший
Воду текущую,
Ты, течение неуклонное Иордана превозмогавший,
Чудом отодвигавший реку вспять,
Предрекавший тем самым крещение язычников,
Ты, сокрушивший, как былинку, твердыню иерихонскую,
Ты, поругавший тем самым власть сатаны,
Ты, дурную воду для сладости
На благо хананеян солью вещью насыщавший,
Ты, горькую воду Мерры, означающую неверие,
Твоим древом жизни оправдавший,
Ты, воду, почерпнутую в реке,

Как знаменье твоего неизреченного воплощения,
По безмерной воле твоей
Крови уподоблявший,
Красным цветом на земле окрашивавший,
Ты, возвещавшему твое в нашем, наше в твоём,
А также избрание иноплеменников,
Жезлу безжизненному,
Задатки, ухватки, повадки неядовитого змея придавший,
Ты, десницу благословенную Моисееву,
Предвещавшую твое вселение в нашу плоть,
Ради моего исцеления, ради утоления скорби моей,
Для благовествования дважды избравший,
Ты, всеми этими проявлениями твоей любви
И мудрости твоей
Нечаянное исправление неисправимых грешников
предопределил,
Ты, преславный, ты, всемилостивый!

* * *

Ты, из мертвого семени зеленый знак порождающий;
Ты, неподвижное двигаться побуждающий;
Ты, из чрева презренного образ твой и подобие
освобождающий,
Ты, младенцам дарующий зубы,
Чтобы они лакомились;
Ты, голые щеки бородой покрывающий;
Ты, листья черные, волосы, в снег чудом превращающий,
Ибо власти твоей предела нет;
Ты, уста телесные, согласно Иову,
Смыслом духовным обогащающий;
Ты, до основания землю потрясающий,
Ибо сотворенное рушится,
Лишь ты нерушим;
Ты, стихии в преходящем разлагающий
И вновь учреждающий вечность их,
Подтверждающий, что множество грехов
Попускаешь и отпускаешь ты,
Ты, взнуздывающий светило неодушевленное
И тем самым утверждающий,
Что дурные наши побуждения
Умиротворяются тобой,
Ты, насыщающий и сокращающий немую круглую луну,
Тем самым возвещающий,
Что ты нищету тела грешного обогащающий,

Ты, лики безгласных звезд, как стада,
Собирающий и разлагающий,
Этим знаменующий упование,
Ты провидение целительное и бдительное
В подтверждение того, что народам, не способным тебя
МОЛИТЬ,

Не отказано в милосердии твоём.

Ты, в царстве жизни и смерти по морю стезю пролагающий,
Несомненно свидетельствующий,

Что мы вне опасности,

Огражденные, тобою препровожденные,

Ты, глаголом веленья твоего утишающий

Буйство кипучее наших грехов,

Как воду, кипящую в котле;

Ты, на землю взирающий и ее сотрясающий,

Неразумием вразумляющий разумного,

Ты, безмерную землю качающий,

Словно малую ладью в неистовстве волн;

Тварям трепетным внушающий,

Что глагол всеильный твой все основал;

Ты, землю прахом бездушным засевающий,

Ни порошинки не теряющий, оживать заставляющий,

В тлении посеянное в нетлении восстанавливающий,

Ты, с нашим смертным естеством

Святые дары твоей жизни сочетающий;

Ты, в миг творения всех невзрачных тварей твоих

Украшающий по соизволенью твоему;

Ты, бессловесных, как живых, нарекающий,

Их привлекающий, ими помыкающий,

Ты, ночь со днем искусно прядущий, ткущий и

сопрягающий;

Сотворив первичное,

Явил ты деяния дивные, подвиги непрерывные,

Согласно писанию блаженного, что восхищается, а не

прельщается;

Таково новое творение, отнюдь не повторение прежнего,

Ибо лучше тленной Вселенной

Твое воплощение нетленное,

Чьим чудесам нет конца.

* * *

Ты, пороки наши на себя принимающий,

Ты, правоты твоей у нас не отнимающий;

Искупил ты нас дорогой ценой, примирение даровав;

Никогда не переставал ты нам благодетельствовать.
Обрати нечестивого к страху божьему в благоволении,
Нерадивого к мудрости в благом стремлении,
Блудливого к святости в совершенном исцелении,
Похотливого к ясности в пречистом просветлении,
Пугливого к верности в избранном направлении,
Боязливого в слезах к радости в долгожданном
выздоровлении,
Несчастливого к строгости в желанном умилении,
Стыдливого к твердости в неизменном прославлении,
Страждущего средь ненастья тоскливого
К сиянию в отдалении,
Раба молчаливого в своем гробу
К воскресению в нетлении,
Да святится, Иисусе, имя твое,
Призываемое всюду,
Где призывают отца твоего и святого духа твоего
Превыше небес и в прахе земном во все времена. Аминь.

Согласно Аввакуму, Давиду, Захарии.
Сострадательный, ты мне благословение сулил,
А я, пропащий, пал, отпав от моего достояния.
Кротости предпочел я гнев, осатанев,
Обрел, согласно писанию, вместо света тьму.
Дерзко перечил я живому гласу твоему, ты благодетельный;
Устами Исайи сказал ты,
Что не умирает их червь и не угасает огонь:
Образ ужасный, вечный приют, непомерный упрек,
А мне, согласно псалму, все это невдомек;
Я, как слепой, во тьме блуждал, от истины далек.
Устами пророка ты возвестил:
«Законопослушный благословен»,
А я сократил, извратил закон.
Ты воздвиг Давида с псалмами его,
Как столп каменный,
На котором духовные письма перста твоего,
Господи Иисусе Христе, по его же словам,
Подтверждающим верность его:
«Сохраню твой закон во веки веков».
Не просто «во веки» Давид говорит,
Он говорит «во веки веков», удваивая глагол.
Кроме Давида, вознес он других преславных, как он,
Чтобы меня вдохновить,
Но нет, не обновить меня;
Не в храм божий, в храм Ваала я поспешил,
По двум стезям побрел, вихляя туда-сюда,
Не добиваясь добра, как Илия съязвил.
Вот Моисей, своими скрижалями преодолевший смерть,
Вот письма пророческие, врезанные в душу мне,
Вот свитки апостольские, которыми мой разум обручен;
А вот, господи, ты сам, твой завет, благая твоя весть,
Ты, восставший из гроба,
Ты, воскресивший столько мертвецов,
А я все еще не верую, как пять братьев богача,
Столь похожего на меня
В безжалостной напыщенности, в тупой пресыщенности
своей,
Как наковальню меня не берет очередной удар;
Как Велиар, я все еще тверд, нераскаянный.

* * *

Но вновь ты меня посети, злосчастного просвети,
Вновь обрати ко мне твой взор, пожалей меня,
Греху наперекор оправдай мой позор,

Ты всеблагой, пресвятой, грозный, вездесущий,
Живой, бессмертный, пресветлый царь,
Могучим таинством твоего преславного креста одари,
Оплодотвори меня,
Как поле иссохшее, затвердевшее,
Мое чрево оскудевшее, мое сердце заглохшее,
Чтобы душа моя взорвалась, прорвалась, пролилась,
Тронутая твоим состраданием,
Ради твоего урожая, воскрешая меня
Ради вечной славы твоей, всещедрый господь. Аминь.

ГЛАВА 65

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

А теперь я хулиитель из хулителей,
Возмутитель из возмутителей,
Отравитель из отравителей,
Раствитель из растлителей,
Совратитель из совратителей,
Аттикиец не по благородству, а по низости,
Тайны мои постыдные разоблачил,
Подлость мою обличил,
Пороки заклеявил,
Язвы разбередил,
Недуги явил,
Преступления изложил,
Изъяны изъявил,
Желчь излил,
Себя пособником лукавого объявил,
Выдавил гной, который в ранах таил,
Долги мои возвестил,
Коварство мое обнажил,
Безобразие мое изобразил,
Непотребство мое всенародно казнил,
Свиристество мое пригвоздил,
Изрыгнул осадок смерти, который до этого проглотил,
Нарывы мои, первосвященник Христос, я перед тобою
вскрыл.
Души моей страждущей не скрыл,
Тела моего похотливого не прикрыл,
Застарелые корни разрыл,
Убожество естества моего приговорил,
Согласие внутреннее искажил,

Твердыню сердца моего разорил,
Западню воли моей, как ловушку смерти, сокрушил,
Сокровенным сорил,
Сокровища свои великому преподносил;
Виновным себя перед судьей провозгласил;
Будущую вину, как сегодняшнюю, осудил,
Оковы дьявольские разбил,
Лукавому переча, в бой с ним вступил,
Тебе, господи Иисусе Христе, мою победу уступил,
Воителей вооружил,
Тебе, слово божие, ради победы послужил,
Тьму врагов ратью света окружил.

* * *

А теперь, Христос, всетворец, сын бога всевышнего,
Когда я грозил себе столькими карами,
Поразил себя тягчайшими ударами,
Не кори меня, не карай меня снова в последний день,
Посему, царь непобедимый, непостижимый, неизъяснимый,
Бессмертный милостивец,
Ради моего самобичеванья,
Ради моего покаянья добровольного,
Которому предаюсь не щадя себя,
Благоволи стихами книги сей
Заклеймить лик дьявола
И оборонить лик моего смятения
Твоим крестным знаменьем,
Чтобы печатью света твоего озарился мой лик,
Чтобы знак власти твоей в моих чертах возник,
Чтобы древо жизни твое запечатлелось на моих щеках,
Свидетельствуя о том, как ты, чудотворный, велик,
Чтобы ты не омрачил мною твоего помазанья,
Не отвратил сияния твоего от зеницы ока моего,
Не лишил меня залога, верой венчающего мое чело,
Не отстранил преславного креста твоего,
Ограждающего порог моих уст;
Не оголил моего сердца, защищенного драгоценной
кольчугой твоей;
Не разлучил четырех лучей, образующих крест,
С четырьмя стихиями души моей;
Не обделил моей протянутой руки;
Не устрасил моих перстных жертвенных перстов,
Ободренных знаменем доблести твоей;
Не отвратил твоей святости от меня, обреченного;

Не посрамил меня, в саван облеченного;
Не отступил от моей души, жаждущей спасения;
Не подавил моей души, изгладив твои черты,
Запечатленные в ней,
Не поразил бы мой кров,
Устранив образ неодолимой крови твоей,
С ним сохранил бы меня в могиле моей;
Не упразднил помазанья твоего,
Когда мое тело впадет в ничто,
И я бы, преображенный, поспешил
Навстречу тебе, преславный жених;
Когда бы твоим признали меня,
Избранника новоявленного,
Твоими трудами прославленного,
Твоим крещеньем облаченного,
Милосердием твоим избавленного,
Облеки, сострадательнейший, покровом нетления
Тело мое, страждущее во грехах своих,
Чтобы не воскресли вместе с твоими милостями
Козни наветчика,
Чтобы отстал от меня тот, кто душу мне гнетет,
Со всеми своими уловками, ловушками тьмы.
Именем твоим да благословится мрак моего отдохновения,
Милосердием твоим да увенчается сень моего пленения;
Ширью твоей да сменится теснота моего заточения;
Промыслом твоим да благоприятствует мне застенки
моего мучения;
Тьмою да взрастит меня утроба моего захоронения;
Упованием да просветит меня скорбь моего ожесточения;
Дланью твоей да преодолееся пучина моего сомнения!
В жилище горестей обними меня, врачующий,
В хоробах испытаний прими меня, торжествующий!
Горе мне, тысяча раз горе мне;
В блаженстве я утопал, а теперь в бездну я упал,
Некогда ликующий, а теперь тоскующий.

* * *

Ныне тебе вновь подобает хвала,
На небесах, на земле, в аду, где мертвецы,
Ибо ты в моем изгнании со мной,
Хотя невиновен ты;
Это я, заблудившийся, в уме повредившийся,
Распалившийся, развратившийся, растлившийся,
От тебя удалившийся, за это поплатившийся,

Ленившийся, соблазнившийся, в раскол уклонившийся,
Злом пленившийся, благом поступившийся,
Отступившийся, оступившийся,
С пути сбившийся, переродившийся,
Осквернившийся, провинившийся,
Загрязнившийся, истомившийся,
Упившийся, убившийся,
Отлучения добившийся, лукавому подчинившийся;
Преступление — каждый мой шаг;
Не виновен ты один, ты один благ.
Когда воля твоя говорит во мне,
Моя тьма превращается в свет;
Когда лампада упования горит,
В рассвет превращается ночь;
Причастившись тела твоего,
От позора избавляюсь я.
На свете я не жилец,
Ибо мой неизбежен конец;
Однако я не мертвец,
Ибо сам творец — для меня обновляющий образец.
Врата жизни закрыты для меня,
Ибо я неисправимый должник;
Однако для меня отверсты райские врата,
Ибо дошло до меня благовествование;
Что дурное предзнаменование
Перед рукой твоей, простертой ко мне!
Не откажи, господи, окажи мне милосердие,
Ты, хором всех тварей воспеваемый,
Благословенный во веки веков! Аминь.

ГЛАВА 66

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Если грешник сочтет целительными
Молитвы недостойной книги сей,
Меня, такого же грешника,
Да приобщит к нему слово мое,
Если молиться будет праведник,
Да спасет меня книга сия
Благодатью, ниспосланной ради него;
Если же молящийся сочтет блаженным себя,
А меня пропащим,
Я согласен с ним, однако не следует забывать ему,
Что внушил Соломону дух:
«Кто может сказать: «Я очистил мое сердце,
Я чист от греха моего?»
Или: «Кто родится чистым от нечистого?»
А также: «Не родился еще человек на земле,
Которого не коснулся бы укор».
И не всегда быстрее побеждает в состязании,
Даже если высоты подвластны размаху крыл его,
Посему остерегаться надлежит
И трепетать за себя вдвойне даже тому,
Кто на камне утвердил свои стопы:
Не упасть бы, как апостол Павел предостерег,
Не уподобиться бы уставщику,
Который в этом прав;
Но безвинный да не пренебрегает покаянием,
Ибо покаяние — истинный венец,
Без которого по небрежению теряют запредельную высь,
А виновный пусть покаянием освобождается,

Окрыляя свой разоренный смертью дух
Упованием воскрешающим.
Для меня же самого
Да пребудет весть слова моего памятником
С письменами неизгладимыми
И, когда не станет меня, жалкого,
Да останется в них
Вечный, неумолчный стон, мой канон.
Когда бы мои кости, развалившиеся в земле,
Повторяли покаяние мое
Молчанием голоса своего;
Когда бы тело мое, распавшееся в прах,
Умоляло все также невнятной молвью своей
Тебя, прозревающий сокровенное!

* * *

Господь сострадательный, исток благодательный,
Поток блистательный,
Сыне божий, господи Иисусе Христе,
Снизойди ко мне, пощади меня,
Огради меня, на скорбь мою погляди,
Моему смятению в беде моей помощи,
Падение мое в немощи моей предотврати,
Внемли, как целитель, горячке моей,
Всхлипы мои болезненные восприми,
Не отврати вездесущего слуха твоего,
Когда я безмолвно вздыхаю в бездне моей, в могиле моей,
И когда я взываю всеми своими перстными членами,
Если всегда при мне мое нерушимое бессмертие,
Да не оставит меня твое непогрешимое милосердие,
Сладость мою с твоею сладостью сочetaй,
Против моей нужды ты вражды не питай,
Убогой моей природы в ярости не пытай,
Смертельной моей невзгоды ударами не карай,
Скудельной моей несвободы стопами не попирай,
Рабской моей породы в гневе не презирай,
Меня, твердыню обесславленную, в ярости не сокрушай,
Меня, блоху раздавленную, громом не оглушай,
Меня, тину, гноем разбавленную, зноем не иссушай,
Меня, пса смердящего, камнями не устрашай,
Меня, негодящего, с грязью ты не смешай,
Меня, ледащего, как борца, не побивай,
Меня, пропащего, огню не предавай,

Меня, вопящего, в клочья не разрывай,
Меня, мертвым сном спящего, врасплох не заставай,
Меня, многократно поруганного, вновь со свету не сживай.

* * *

Вой зывания моего упования во тьме гробовой,
Вой сердца моего болящего, молящего;
Глаголом твоим спасительным подтверди
То, что бьется в моей груди умоляюще,
Даже теперь, когда я глаголю заживо,
Ты, неизъяснимый, в глазах твоих я мертвец.
Но даже тогда, когда скосит меня беспощадная смерть,
Благоволение твое — нетление мое
По вере моей, ибо ты всемогущ,
И молю я тебя, господи Иисусе Христе,
Воззри на меня милостиво,
Не вели мне у Велиара обитать!
Пускай же скрежет гробовой,
Возвещающий смерть,
Отзвук безжизненный роковых похорон,
Для тебя прозвучит как зов, как вздох, как плач
О примирении с тобой.
Ты, единственный друг наших душ,
Наш радетель, благодетель всемогущий наш!
Когда бы дух твой целительный обитал со мной,
Светом рассеивая мрак!
Когда бы остались при мне
Святые дары твоих воскрешающих страстей,
Оберегающие меня, как сокровище в тебе,
Подвергающие меня возрождению твоему!
Когда бы мне постоянно располагать
Этим снаряжением, этим вооружением,
Этими камнями метательными,
Которыми дух обращает в бегство рать лукавого!
Когда бы мне с тобой натиску вражескому противостоять;
Даже если враг напал на меня,
А город некому защищать
И тишина тревогою не оглашена,
Ты, господи, мой бдительный часовой.

* * *

Если супостату не терпится до последнего дня
Заклечь меня во тьму, в тюрьму,
Откуда исхода нет,

Супостата молитва господня сразит;
Если супостат вознамерится наземь повергнуть меня,
Коленопреклонением своим творец
Натиск вражеский отразит;
Если враг дерзнет бросить меня в прах,
Лик божий, припавший к праху, врага отвратит;
Если горчайшими муками враг меня истомит,
Пот Спасителя, смешанный с кровью, врага изнурит;
Если дорогу ко благу мне враг преградит,
Создатель мира своими узами меня освободит.
Если отвергнуть свет мне враг повелит,
Долготерпенье господа, богохульства сносившего,
На немоту обречет всех тех, кто хулит.
Если стрела коварная мне погибель сулит,
Из колчана отчего стрела преславная супостата пронзит.
Если, свет затемнив,
Бесстыдно глаза мне враг отведет,
Побоями, которые с ликом закрытым
Совершеннейший претерпел,
Враг будет побит;
Если повредит он твердую руку мою,
Трость в деснице создателя
Дара речи лишит его и сокрушит;
Если меня он попытается осмеять,
Беззащитный пред насмешками,
Перенесенными всемогущим,
Он сам людей насмешит;
Если лукавый заморозит меня чарами,
Пощечина, посягнувшая на господень лик,
Опозорит супостата и устрасит;
Если в ночной тени, во мгле обмана
Враг на меня нападет,
Сияние света твоего, господи, врага посрамит.
Если в пылу соблазнов, иссушая меня,
Вырвать меня с корнем попытается враг,
Знаменье твое светоносное, господи,
Врага да искоренит!
Если лукавый отважится отнять у меня дух,
Плевков, не в меня, грешного, попавший,
А в царя херувимов,
Лукавого заклеит;
Если зубы оскалит враг, чтобы меня укусить,
Уст небесных безмолвие
Уста врагу заградит;
Если терзает он душу мне,

Гвоздь, проколовший создателя,
Рану вражью пусть бередит;
Если влечет он меня в тупики зломыслия,
Мука крестная непостижимого пусть его пригвоздит;
Если меня пьянит он дурными приманками,
Укус, с желчью смешанный, выпитый благодатнейшим,
Нутро ему опалит;
Если захватит он меня, вкушающего запретный плод,
Тайна креста страшная
Проклятого навеки от блаженства отдалит;
Если меня подвигнет он восстать против уставов господя,
Одно мановение божие лукавого испепелит;
Если, преследуя, смертельно ранит он меня,
Копье тяжелое, пронзившее ребро творцу Адамову,
Его победит;
Если меня он окутает всеми страданиями гееннскими,
Плащаница, окутывавшая вседержителя,
Его самого полонит;
Если меня соблазнит он, бездну смерти мне явив,
Живой своим пребыванием в камне гробовом его казнит.
Если враг злорадствует при виде падения моего,
Он в три погибели скрючится,
Когда бог бессмертный, во славе воскреснув,
Мертвых воскресит.
Если враг возликует, узы слабые тысячелетние порвав,
Он содрогнется вновь, цепями вечными скованный,
Там, где вечная скорбь царит.
Если первым ударом он удручен,
Каково же ему выслушать весть, горестную для него,
О вечном пламени, где он со своими ангелами
После суда великого
Будет гореть и вовеки не сгорит.

* * *

Но внемли мне, ибо я вверяюсь тебе,
Господи Иисусе, единственный, полновластный царь,
Творец неба, земли, всего земного и небесного,
Я, пришествия твоего чающий,
На милосердие твое уповающий,
К стопам твоим припадающий,
Следы твои лобзающий,
Долги свои обличающий, в грехах себя уличающий,
Камни проклятий на себя низвергающий,
Скорбями сердечными себя сжигающий,

Укорами себя карающий,
В жгучем дыхании своем сгорающий,
В горькой росе слез моих вскипающий,
Жаром в чреслах моих грехи искупающий,
Душным отчаянием себя иссушающий,
Вихрем яростным себя погашающий,
Жалобами себя сокрушающий,
Сетованиями себя устрашающий,
Под гнетом бедствий изнывающий,
В томлении мучительном пребывающий,
В бурю блуждающий, в качку страдающий,
Вестей дурных ожидающий,
В ужасе рыдающий,
Перед судом плоть свою теряющий,
В грозу твою, господи, умирающий,
Взываю к тебе, сострадательный, снисходительный,
Несказанно сладостный в твоём человеколюбивом
долготерпении,
День благодатный, свет радостный,
Внять мне, всемогущий, благоволи!
При последнем издыхании моем один ты можешь меня
спасти,
Ты погибели моей не допусти,
Прославленный во веки веков
С твоим отцом и духом святым. Аминь.

ГЛАВА 67

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Поистине я перед господом Христом больше виноват,
Чем сам сатана, отец зла,
Ибо для сатаны пришествие Христово — поражение,
Тогда как для меня — преображение,
Истинный образ величия божьего;
Неподдельный в моем естестве с богом в боге совпал;
Сатана не удостоился ни единой божьей милости,
Ими всеми взыскан я;
За сатану бог не страдал,
А ради меня собою вечно жертвует;
Сатана от жизни отлучен,
А я в жизнь вовлечен искуплением;
Сатану отвращает, меня защищает крест;
Сатане свет во вред, а я пригрет горним сиянием;
Сатане на земле приюта нет,
А моя обитель — небеса;
Отнят у сатаны залог, а мой залог нерушим,
В стаде свином сатана расточен, заключен,
А во мне бог силен;
Сатана для него — скорпион,
А я светом наречен,
Сатана для бога — дракон,
А я божьим именем наделен.

* * *

Милостями божьими я пренебрег, благодати не сберег,
Лукавым заворочен, с ним погружен в созерцание адских
бездн,

Я бесплодный знак, недостойный божьих благ;
Любовью оставленный, грехами взнузданный,
В чресла уязвляемый, исток отравляемый,
Напиток разбавляемый, надел затопляемый,
Ствол, с корнем вырываемый,
Договор прерываемый, союз разрываемый,
Образ искажаемый, жемчуг раздробляемый,
Сосуд оскверняемый, наряд опаляемый,
Корабль потопляемый, цветок неопыляемый,
Самоцвет, в болото погружаемый,
Росток, зноем иссушаемый, чертог разрушаемый,
Корешок истощаемый, порошок рассыпаемый,
Зарок нарушаемый, сок проливаемый,
Порог преодолеваемый, порок искореняемый,
Человек, в смертных грехах обвиняемый;
Посему вразумляемый, как вразумлен был Иерусалим,
На примере Вавилона наставляемый,
Голосом пророческим предостерегаемый,
Неисправим я, в бедствия ввергаемый;
Здесь презираемый, там попираемый,
Здесь упрекаемый, там допекаемый,
Здесь ругаемый, там отвергаемый,
Здесь донимаемый, там проклинаяемый,
Здесь разоряемый, там в клочья раздираемый,
Здесь осмеяние, там глумление;
Здесь всхлипывания, там рыдания;
Здесь предвестие, там возмездие,
Здесь терзание, там наказание;
Здесь блудилище, там судилище;
Где нет оправдания, где нет снисхождения,
Нет ни дней, ни лет, ни веков,
Нет упования, нет сострадания,
Ни десницы оберегающей, ни руки помогающей.

* * *

Но ты промыслитель, целитель, искупитель,
Спаситель, освободитель, благотворитель,
Ты блюститель один могуч и, непостижимый, жив,
Господи Иисусе Христе, боже всеблагой,
Благословен, благословен, сызнова благословен,
С духом твоим святым навеки провознесен,
Величайший, прославлен с твоим единосущным отцом
Во веки веков. Аминь.

Изменил я завету жизни,
Уставу твоему, господи всеблагой,
Утратил путь заповедей твоих воскрешающих,
Пренебрег урожаем, который в стужу и в снег,
В дни тягостные снабдил бы меня пропитанием.
Не воздвиг я надежных стен, крыши не покрыл,
Чтобы от непогоды, от невзгоды защититься мне;
Не удосуужился я на дорогу харчами запастись,
Чтобы, на худой конец, от голода не страдать;
Ни молениями, ни молебнами не заручился я
И не смею тебя лицезреть;
На моем жизненном пути
Не свел я счетов с моим обличителем,
Чтобы до срока не предал он меня судьбе.
Не явился к тебе я с пригоршнями благословения,
Чтобы святость законодателя разделить.
Моя грудь обнажена, не прикрыта моя спина,
Десница не вооружена, шуйца щита лишена,
Когда гибелью грозит война;
Мои всадники без лат, мои ратники без кольчуг,
Перед боем не выстроены мои войска.
Ранних плодов я не застал, поздние плоды упустил
И, смущенный, с пустыми руками стою.
Не для меня цветы чистоты, масло милосердия не для меня,
Глубокой ночью во мраке свет не для меня.
Мой сон — сама смерть, и трубный глас будит, нудит меня.
Брачный наряд я с себя вторично сорвал,
Вновь пренебрег я маслом добрых дел;
Брачный пир начался; дверь заперта, а я войти не успел.
Где же теперь лекарство найти мне от стольких бед?
Где мне упование взять,
Чтобы светом столько черных сомнений спугнуть?
Куда мне шагнуть? На какое благо взглянуть?
Как мне среди терзаний моих отдохнуть?
К залогу какому желанному руку мне протянуть?
Если к небосводу, то с неба, как было сказано,
Хлынул огненный дождь на Содом;
Если к земле, то земля разинула свой хищный зев,
Чтобы Дафана со сбродом Авироновым пожрать.
Если откажусь я ускользнуть от моего обладателя,
Как бы дракон чудовищный не поймал меня;
Если я к свирепым хищникам присоединюсь,
Как им не покарать меня за самого создателя,
Если за Елисея они покарали Вефильских сорванцов?
Я бы прельстился прозрачным воздухом,

Но подавил он египтян осязаемой тьмой.
Я бы полюбовался птицами небесными,
Но они приглашены клевать окровавленные тела.
Если я, наглеющий перед слабыми,
Погибаю от шершней,
Зачем насылать на меня львов?
Стоит избавиться мне от медведя лютого,
Кровопийцы-мошки на меня нападут.
Стоит мне беззаботно в уединении сесть,
Облепляет меня, ослепляет, брызгами жгучими испепеляет
гнос.

Если не догонит меня единорог,
Терзаюсь я в крохотных клещах маленьких клещей;
Стоит мне притулиться в амбаре где-нибудь,
И вот уже от зрелища отталкивающего дурно мне:
Мои грехи кишат передо мной в образе гадких жаб,
Стоит мне среди полей прикорнуть,
И слепни полчищами слепят меня;
Нечего говорить о саранче,
О грозном воинстве притких прыгунов,
О вредной гусенице, о гаде, с виду неживом,
О ледяном граде, обильном, как дождь,
О губительной белой стуже, которой хуже нет.
На первый взгляд все это лишь противные пустяки,
Но, когда это знаменье божие,
Удар тяжелей всяких кар,
Так что поверженный фараон
Дерзкой державы своей не удержал,
Все это образы внутренних язв, страстей карающих,
Поразивших египетское нечестие,
Душу втайне до смерти изнуряющих.

* * *

Но ты, всевластный, сотворивший всех, покоривший всех,
Выступи против моих врагов, их устраши, сокруши,
Помилуй меня, сострадательный,
Руку спасительную протяни
Мне, удрученному, омраченному, разоблаченному,
На смерть обреченному, преступному;
Ибо ты один бог воистину,
Навеки прославленный с твоим отцом и духом святым.
Аминь.

ГЛАВА 69

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Вседоуущий исукусник, премудрый создатель мой,
Господь мой и бог!
Любовь твоя плавит меня, но я по-прежнему плох,
По-прежнему я нечист;
Жажду слиться с тобой, но невозможен сплав;
Слишком дурен мой нрав, и твой напрасен труд,
Зодчий небесный мой, плавильщик-сребродел!
Явно пророк был прав:
Плавильщик плавил напрасно,
Ибо злые не отделились.
Как полоумный болтун заблуждается вслух,
Когда нечистый дух обурекает его,
Я дерзаю вещать, язык себе развязав,
Если бы для того,
Чтобы покаяться будущему суду!
Нет, к своему стыду, я хуже грешу в бреду.
Так мне преподана горчайшая из наук:
Чтобы врасплох не застиг ужас великих мук
После смерти меня, при жизни я постиг
Соразмерность грехов и загобных скорбей.
В этой жизни гоним здешним ничтожным злом,
Я предвкушаю казнь, сужденную мне в аду.

* * *

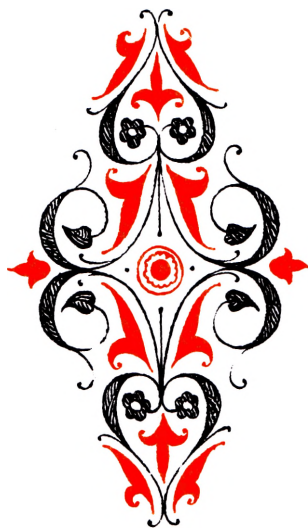
Ползая в чреве моем, плодятся полчища червей,
Извиваются, впиваются исподтишка,
В кишках кишмя кишат;
Прорываются нарывы, в язвах яд;

Раны горят огнем ночью и днем;
Тело гниет от гнусных гнид;
Пот приносит плод: это вши-малыши.
Жалят в жилы, сосут, вызвав жгучий зуд.
Неисчислимы, неодолимые орды блох,
Словно демоны, неистовствующие в ночи,
Словно грабители, любители тьмы,
Тьма во тьме,
Словно стаи волков аравийских,
Которые хуже вражьих полков,
Черные, проворные, подкрадываются тайком
И, тлетворные, держат наготове жала-хоботки;
Схожи со скорпионами, легионами злючки-колючки язвят,
Пьют кровь из-под кожи, до дрожи доводя,
Так что на ложе мечется человек.
Стоит, однако, руку поднять,
Чтобы их унять,
Страшатся держать ответ
За причиненный вред:
Крохи-блохи, безволосые прыгуны,
Истязают и, как на крыльях, ускользают вмиг.
Эти палачи подвижнее саранчи.
Так нахалы-шакалы в ночи учиняют разор,
А разбойничьих нор не сыщет никто.
Блошиную рать нельзя покарать.
Не только подлый сброд, не только простой народ,
Знатнейшие из господ боятся ничтожных блох,
От которых порой бежит беззащитный царь
Бегом вверх по лестнице, свой покинув покой,
Или скрывается, изгнанный из дворца.
Иной герой, войной шедший на врага,
Чтобы выиграть бой, чтобы победить,
Страну за страной присваивавший по пути,
Любой ценой властвовавший везде,
Другим угрожал, а сам бежал от маленьких жал
И признавался: «Они могущественнее нас!
Мы до края земли дошли, спасаясь от блох».

* * *

Но зачем об этих дрянных существах,
Об этих смешных врагах говорить?
Потому что недаром этим карам подвержен я:
Блох посылает бог,
Чтобы, страдая от этих злобных гонцов,

О муках загробных я вспоминал,
Предвкушая горькие плоды,
Которые сулит мне моя плоть.
Адским казням недуги предшествуют здесь
И войска кровососов, которых не избежать,
Которых не перехитрить и не переморить,
Ибо муки загробные им дано предварить.
Нет нам прибежища, убежища нет.
Остается нам уповать на промысел твой;
Когда разум людской сдает, нам несдобровать.
Но ты всемогущий, ты милосерд,
И во власти твоей
Преобразить, просветить, исцелить, простить, воскресить.
Господи, слава тебе! Аминь.

ГЛАВА 70

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

От этого убогого земного ничтожества,
Которое даже тварью неловко назвать,
Вознося мои словеса к высшим степеням,
Намерен я Страшный суд воспеть,
Блистательное пришествие судьи всевластного,
беспристрастного.

Даже те, кто к богу ближе всех,
Как прародители, первыми бога познавшие,
Как святители, бога узревшие,
Как законоучители, бога возвестившие,
Как наши целители, сами за бога пострадавшие,
Не спасут меня, если ты, благо несомненное,
Провидение непререкаемое, сострадание неисчерпаемое,
Надо мною не смилуешься.

* * *

Если даже я Авраама призову,
Притча о богаче дает мне тяжкий урок:
Жаждающий в жаре, жаловаться тщетно буду я,
Глотка воды не допрошусь,
Ибо скован Авраам ничтожеством, убожеством своим,
Как всякий человек.
Если я Моисея призову,
Помочь ему тоже не в мочь;
Не отстоял же Моисей того, кто на праздник за дровами
ходил;
Аарона призывал бы я, но за него самого молиться
надлежит;

Давида призвал бы, но Давид при всей своей правоте
перед богом виноват,
Ноя, Иова, Даниила призвал бы,
Но боговдохновенный пророк Иезекииль,
Перечислив их имена, вещает от божьего лица:
«Живу я,— говорит господь,— не спасли бы они
Ни сыновей, ни дочерей от грядущего возмездия,
Спаслись бы они одни!»
Если бы даже призвал я Петра, камень веры зиждительный,
И Петр ужаснулся, едва усомнился в тебе.
Стоит ли упоминать многих других праведников,
Богу приверженных, но падению подверженных;
И пророк Иоас таков, чье человеческое заблуждение,
А не угождение богу, в объяснении нуждается,
Так или иначе постижимое.

* * *

Ныне, когда установлено, насколько способен спастись
человек,
В назидании твоём нуждающийся,
В сострадании твоём возрождающийся,
В благовествовании твоём убеждающийся,
В обетовании твоём учреждающийся,
В завоевании твоём освобождающийся,
В даровании твоём вознаграждающийся,
В уповании твоём утешающийся,
В пребывании твоём утверждающийся,
Зная теперь, чего стоит земная персть,
Все эти наши утешители и целители,
С нами сходные, нам сродные,
Прибегаю лишь к тебе, господи Христе,
Сын бога живого, благословенный во всем!
В моем убеждении укрепляет меня суждение сие
В подтверждение вышесказанного;
По словам блаженного и премудрого,
Лучше впасть в руки господя, а не в руки человеческие,
Ибо каково величие его, такова и милость его.
Это слово как будто бы о царе Давиде,
Которому бог одно из трех наказаний выбрать предложил,
И Давид предпочел казнь смертную,
Веруя, что Спаситель сохранит ему жизнь,
Тогда как два других, не столь страшные,
Грозили страданием без милосердия,
Однако это слово также обо мне,

Чтобы душа моя, пропадающая, спаслась,
И вряд ли ошибаюсь я.
В Книге скорбных песнопений не хую избранников,
Без которых нам к богу не приблизиться,
Но хвалю я имя Спасителя,
Воспеваю благодать его,
Подтверждаю речью моею,
Что без благодати никто не вознесся бы.

* * *

Ты один спаситель, воскреситель, целитель,
Промыслитель, благотворитель, просветитель!
Избавь меня от грехов моих тягостных,
Чтобы тебе избавиться от неумолчных воплей моих,
Вечно тебя донимающих, ты, внимающий,
Ибо одна у тебя отрада — наше спасение,
Благословенный во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 71

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Поистине блаженны, совершенны соборы святых,
Хотя иные от истины отступались,
Но вновь находили путь,
Отступались чуть-чуть, но искупались, купались в духовных
лучах,

Обретая свою чистейшую суть.

Одни подтверждали, что всякая плоть плоха,
Другие побеждали естество, ангелам уподобившись,
Державные уста Христова отца благословляют их,
Спасенных, превознесенных, просветленных, восхваленных;
Они члены тела Христова, Христом отвоеванные,
Для святого духа уготованные.

В них тьмы нет как нет, лишь правда и свет,
Их незлобие — наибольшее для человека божье подобие;

Лик правдивейший и невозмутимейший,
Язык неподкупнейший и неуязвимейший,
Дух справедливейший и несокрушимейший,
Нрав безупречнейший и неустрашимейший,
Правоверие истинное и неопровержимое;

Смирение покорное и непоколебимое,
Борение упорное и непримиримое,
Зрение чудотворное и неутомимое,
Умудрение бесспорное и неодолимое,
Выражение благородное и неотразимое.

Бог велел нам взывать к ним,
Исцеляя нас ради них:
Слово твое, творец, убеждает всех,
Ради которых смиряет свой праведный гнев.

А я по всем статьям не гош и не хорош,
 Проснуться тороплюсь и разосплюсь, насторожусь и в сон
 погружусь,
 Помолюсь и от бога удалюсь,
 Пощусь и совращусь,
 Разбегусь и споткнусь,
 Повинюсь и провинюсь,
 Покорюсь и разъярюсь,
 Вперед рванусь и в страхе оглянусь,
 Свет и тьму смешав, тьмою соблазнюсь;
 Просвещусь и омрачусь;
 Меда напьюсь и полынью упьюсь;
 Умилюсь и разозлюсь, поднимусь и вновь повалюсь;
 Расцвету и не опылюсь, договорюсь и проврнусь;
 Поклянусь и от клятвы отступлюсь;
 Руку подам и отвернусь;
 Хочу подарить и скуплюсь, явлюсь и затаюсь;
 Исцелюсь и окровенюсь, помирюсь и остервенюсь;
 К суду обращаюсь и с жизнью прошусь;
 В книгу впишусь и сокрушусь,
 В плаванье пушусь и утоплюсь,
 Решусь и устрашусь,
 Расположусь и разложусь,
 Не наполнившись, изольюсь,
 Устроюсь и распадусь, поберегусь и сожгусь,
 В дело втянусь и разленюсь,
 Разживусь и сразу разорюсь,
 Обогащусь и тут же истощусь,
 Вразумляю, а сам сглупить умудрюсь;
 Весь век учусь, а за истину не поручусь;
 Чуть остыну и снова распалюсь,
 Напрягусь и снова разнемогусь,
 За починку возьмусь и ломать примусь;
 С крапивой борюсь, чертополох выпалывать не берусь,
 Взовьюсь и разобьюсь,
 Голубем примчусь, вороном отлучусь,
 Чуть убелюсь и совершенно черным становлюсь,
 К тебе на словах приобшусь и убийце предаться тщусь;
 Тебе поклонюсь и спиной к тебе повернусь;
 Крещусь и в грязь возвращусь,
 В чистой воде полошусь и в тину тащусь,
 Давидом восхищусь и в Саула превращусь;
 Устами отопрусь, нутром запрусь;

Десницей нагребу, шуйцей расточу;
Поле под пшеницу пашу и плевелы сеять спешу;
Высокой мудрости лишусь и в прахе закопошусь;
Ангела изображу, а сам дьяволу принадлежу;
На ногах удержусь, духом пошатнусь;
Изолгусь и обманусь;
Правдивым покажусь и лживым окажусь;
В святые прошусь и с дьяволами пляшу не напляшусь;
Перед людьми горжусь, перед тобой, всеведущий, стыжусь;
Сынами праха обласканный, сынами света оплаканный;
С худородными сблизиться стремлюсь,
В глазах твоих, небесный царь, срамлюсь;
Судей праведных сторонюсь, к подонкам клонюсь;
Знатью гнушаюсь, а с чернью якшаюсь я;
Телом щеголяю, душою в перья чужие наряжусь;
Договор заключу и предателем прослыву;
Нынче духом облачусь,
А завтра, как бесноватый, помчусь;
Господу воспротивлюсь, а змию подчинюсь;
Храбрюсь, а сам боюсь;
Целый день тружусь, ввечеру ни с чем остаюсь;
Вдалеке раскричусь, а вблизи запнусь;
На рассвете казною кичусь,
На закате, как нищий, влачусь;
С мудрыми старцами сажусь
И с полоумными дружусь;
Засыпая, казнюсь; проснусь и ужаснусь;
Моя воля — подобие поля, где я прилежно гнусь,
Возделывая наихудшее, безрассудный, как блудный сын;
Изгнанием оскорблен, скитанием истомлен,
Покаянием не исцелен, состраданием обделен,
Добровольным пленом посрамлен,
Неисправимейший, порабощен,
Неизлечимейший, обольщен,
Неукротимейший, истощен,
Незаменимый, разорен,
Необоримейший, покорен.
Если нужно преступную душу мою еще страшнее обличить,
Вот я пишу, пишу, себя ворошу,
Словно готовлюсь геенское пламя собою разжечь.
Я удел, оскорбляющий Адама нового небесного,
Как некогда Каин оскорбил Адама земного, ветхого,
Знаменован я моей земной виной:
Не дыханием, а покаянным признанием.

* * *

Ныне куда же мне броситься в поисках спасения,
Когда прародитель веры в мире скорбей
Ярость мою преступную клянет;
Когда пророк величайший меня камнями глаголов своих
побьет;
Когда воитель прославленный меня копьем своим проткнет;
Когда образ, верный прообразу,
Меня, как и Ахана, сожжет;
Когда величайший царь меня палачам предает;
Когда приверженец божий на меня небесный огонь
призовет;
Когда предтеча меня, как мякину, отметет;
Когда первый из апостолов, как Сапфиру, меня на смерть
обречет;

Когда превосходный свидетельствует:
В запахе жизни смертоносный запах меня влечет!
И соборы праведных выступают как воинство,
Которое по воле всевышнего меня рассечет.
Человеками и ангелами,
Землей, вселенной и стихиями,
Одушевленными и неодушевленными
Уличен я и на муки обречен
В подтверждение возмездия грядущего.
Жизнь моя беспокойная,
Порывистая, как море бурное,
Мятежная, безбрежная, тревожная.
Если кто-нибудь мудрый изучит обитателей морских,
Их причудливое множество, их различные обличия,
Их стремления, скопления
Величайших, мельчайших, редчайших
Средь вод глубочайших,
Где они кишат, мельтешат, куда-то спешат,
Как будто в море тела моего,
Это мудрого убедит, и он подтвердит,
Что слова мои против истины не грешат.

* * *

Но ты, благословенный, бессмертный властелин,
Господи Христе, ты один человеколюбец небесный,
милостивый,
Бога живого едиnorodный сын,
Сила сил, глубина глубин, высота высот,

Прощающий, защищающий, устрашающий,
Украти, прекрати во мне бурю зимнюю,
Утиши, утешь волны моей души,
Укрепи зыбкое зябкое сердце мое,
Мятеж метущегося подави,
Чтобы неповадно было рвать поводья и бразды узды,
Утихомирь, господи, грозу неистовую,
Сотрясающую меня;
Обзгавь, исправь чудища многоглавые,
Полчища лукавые членов моих,
Личины хищников, заселяющих, посрамляющих
Острова моего естества
Как молитве умной, внемли
Моему новому писанию,
Сетованью горестного голоса
В Книге скорбных песнопений сих.
Исторгни меня из пропасти-пасти гибельной,
Чудо сотвори, избавь меня,
Как пророка, тобою избранного.
Глас хвалы услышь
В моем беспощадном покаянии,
Смилуйся над моими мучениями,
Над моими огорчениями,
Над моими слезными речениями,
С твоим отцом и духом святым
Ты здравствуешь, ты царствуешь,
Ты властвуешь ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 72

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Ныне взываю к вам, соборы монахов,
Общины иноческие, чьи персты обнаженные
Под хоругвью господней упованием вооруженные,
Благодати ждут.
Взываю к вам, приготовив трапезу духовную,
Угощаю вас, исповедь мою посвящаю вам,
Возвещаю, как душу спасти, соблюсти, вознести,
Постигните мое ничтожество, убожество тела моего,
Памятуя речения пророка и апостола,
Наставляющих нас:
«Чтобы никакая плоть не хвалилась перед богом»
И «нет праведного ни одного».
Усвойте слово божие:
«Когда исполните все, повеленное вам,
Говорите: мы рабы, ничего не стоящие»,
Бдите, да не угодите в когти лукавого,
Внемлите слову писания: «Избранными он питается».
Вот и преподношу вам для еды
Невзрачные плоды моей страды,
Когда против меня свидетели неисчислимые,
Грехи мои неисцелимые,
И по доброй воле я беру на себя
Грехи праотцев и прегрешения потомков,
Так что за все на свете я в ответе.

* * *

Некто якобы невинный меня рассердил, когда твердил
Глаголы богопротивные вопреки заповеданному:
«Не оправдается перед богом ни один живой».

Он доказывал: «Я не прелюбодей,
 Не блудодей, не злодей,
 Ничего мирского, мерзкого, пагубного не отведал я».
 Да простит ему господь бог такое нечестие;
 Не лгал он, однако он пал,
 Вместо того чтобы совершенствоваться;
 Он изрек неподобающее, как народ Израиля,
 Согласно Захарии:
 «Благословен господь, я разбогател»,
 А что это, если не высокомерие фарисейское?
 Я же под судом господа всеведущего,
 Взвешивающего незримые поползновения духа моего
 Ради воздаяния заслуженного.
 Перед лицом совершенного я не ношу личин,
 Ибо меня, презренного, насквозь видит властелин,
 Не солгу тому, для кого нет недоступных глубин;
 Не хочу хитростью вымогать милости, ибо благ он один,
 Выдавать не стану за праведность моего поведенья
 развратного;
 Убогий, не припишу себе добродетелей знатного;
 Драгоценностями чужими не щегольну,
 Блеском заемным не ослеплю,
 Моего безобразия не скрашу бахромой,
 Ибо нет никого грешней меня,
 Нет никого преступнее, нет никого распутнее,
 Нет никого нечестивее, нет никого несправедливее,
 Нет никого блудливее, нет никого пугливее,
 Нет никого лживее, нет никого безумнее,
 Нет никого отвратнее,
 Нет никого виновнее меня,
 Если кто-нибудь проклят, проклят я,
 Каждый из всех грехов — мой грех;
 По моей вине все грехи во мне;
 Не таковы евреи: им этого не узреть!
 Не такова тупая толпа: этого ей не постичь!
 Наставником звался я за то, что якобы мудр;
 Обращались ко мне «равви, равви»,
 И я присваивал почести, которых достоин лишь бог;
 Благим я звался и навлек на себя беду;
 Люди объявили меня «святым»,
 А я перед богом грязь;
 Праведным прослыл я, а я преступнее всех;
 Осмелился упиваться я лестью людской,
 И на Христовом суде меня осмеют.
 Окрестили меня «Пробужденным»,

И я почил мертвым сном;
В день искупления Бодрствующим нарекли меня,
И вместо того, чтобы бодрствовать,
Я смежил глаза.
Вот мой позор, вот приговор,
Вот проклятие древнее и новый укор,
Вот мой запятнанный лик и томленье душевное;
Малы проступки мои, а мой грех велик.

* * *

Ты один, господи, человеколюбив, незлобив, долготерпелив,
Ради моей виновной души ты мне разрешил
Во избежание безнадежного проклятия в ужасный день
Самому себя осуждать и пригвождать.
Ты, милостивый, мне приговора не выноси,
Которого я не вынесу, ибо вынес его я сам себе.
Сокруши узы проклятия
Ради моей души, приверженной тебе,
Изгладь мою скверну отвратную,
Всемогущей десницей прикрой наготу мою плотскую,
скотскую;
Успокой ты меня нуждающегося, труждающегося, грехом
обремененного;
Очерти мне пути,
Уводящие, восходящие к тебе, ты жизнь!
Не забудь помянуть меня после смерти моей
Ты, жизнь вездесущая!
Ты благословенный небесный свет, на земле воспет
И предела нет величию твоему
На веки вечные. Аминь.

ГЛАВА 73

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Царь всевышний, всемогущий, устрашающий,
Ты один благословенный, господи Иисусе Христе,
В моем беспросветном ослеплении властен превратить
Губительное наказание в благотворное исцеление,
Удручающее нареkanie в упоительное прославление,
Унижение в дерзание,
Поражение в увенчание,
Изгнание в обетование,
Отлучение в обручение,
Устрашение в утешение,
Сплошное страдание в двойное оправдание.

* * *

Смилуйся же, господи, надо мной, убитым виной,
Когда я выдохну жизнь мою,
Пока еще мой молящий взор умилен, к высотам устремлен,
Пока еще лишь предстоит мне дорога единственная,
Таинственная, убийственная,
Пока еще через отверстие в кровле моей,
Бедою грозя, видится мне стезя,
По которой мертвый побреду
Со всеми приметами смерти наперечет:
Черты сокрушенные, в перстах дрожь,
Подавленный вздох, захлебывающийся плач,
Голос прерывающийся, душа в колком колебании,
Так мне в глухой глубине
Преступленья мои оплакивать суждено.
И здесь возможно чудо твое, всемилостивый,

Как неложно, непреложно слово твое всесильное:
«Будь здоров душой от болезни твоей».
Или: «Отпускаются тебе грехи твои».
Или: «Вера твоя спасла тебя, с миром иди».
Я не осмелюсь тебя молить в тот страшный час;
Благоволи же сейчас выслушать меня,
Ты человеколюбивый, всещедрый,
Долготерпеливый, дарующий жизнь,
Ибо я, пока еще заносчивый,
Говорливый, крикливый, горделивый,
Вытянусь, бездыханный, бессловесный,
Руки спеленутые, члены окоченевшие,
Губы стиснутые, очи закрытые,
Колода колодою, полусгнивший ствол,
Бессмысленный болван, немой истукан,
Чурбаном чурбан, горестное зрелище,
Удручающее обличие, оболочка убогая,
Лик страдальческий, изображение обезображенное,
Язык скованный, увядший злак,
Блеклый цветок, улетучившаяся краса,
Светильник догоревший, горло жаждущее,
Алчущее сердце, чувства притупившиеся,
Источник истощившийся,
Плоть процветшая, утроба обветшавшая,
Шаткий шатер, сучья обломанные,
Сухожилия перерезанные, дерево подрубленное,
Корень перегрызенный, жилище брошенное,
Нива запустевшая, растение выкорчеванное,
Ломоть отрезанный, клад затерянный,
Гнилье закопанное, мразь отталкивающая,
Обуза невыносимая,
Костяк пакостный, как нечистоты, затапываемый.
Спасут меня лишь молитвы других
О ниспослании веры мне, отчаявшемуся,
Молитвы, росой слез окропленные,
Громогласно пропетые,
До высот милосердия твоего доходящие;
Молитвы о моем возвращении в царство твое,
Куда я сам стремлюсь,
О кресте твоём спасительном,
Которому я поклонюсь;
О несомненном воскресении,
Которым исцелюсь;
О сиянии славы твоей,
Которой похваюсь;

О Страшном суде твоём,
Перед которым повинюсь;
О назидании твоих уст, которых я боюсь;
О водительстве святого духа твоего,
Которым благословлюсь;
О знаменье твоего помазанья,
Которым умилюсь;
О моем приобщении к владычеству твоему, господи Христе,
О чем неумолчно молюсь.
Так, порвав, поправ, растоптав, оплевав, прокляв, оклеветав
Узы, меня питавшие, с жизнью меня сочетавшие,
Я сберег упование, залог, что мне тобою дан,
Твой небесный чекан, которому чужд обман,
Не утратил его, в самом себе прочитав.
Смилуйся же надо мной, изнывающим в неверии,
Ты сострадательнейший, прославленнейший божий сын,
Прости, спаси, воскреси, огради, возроди,
Наряди, вознеси, укрепи, преобрази,
Ибо твое правление, в тебе избавление,
От тебя же благоволение;
Не ослабление в тебе, а усиление,
Повеление, заселение, бесконечное продление,
Самобытное становление, осуществление,
Выявление, утоление, умиление, просветление,
Ты господь прославленный;
Тебя не преувеличить, не ограничить;
Благословен ты в неисповедимой тайне Троицы твоей
святой
Единосущный, преславный, в почитании равный
Днесь, присно и во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 74

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Царь небесный, всех тварей господь,
Милостивый для всех во всем,
Бога живого непостижимый сын!
Истинное милосердие там,
Где разорваны обнадеживающие узы заслуг.
Благодать сказывается там, где притуплена мысль;
Ты приходишь на помощь, всевышний друг,
Когда уныние теснит и казнит;
Излечивает господня рука,
Когда из всех членов отрадную жизнь вытеснит недуг;
Помощь твоя приходит вдруг,
Когда полная безысходность вокруг.
Утвердится твоя мощь,
Когда ты язву отчаянья заживишь;
Подтвердится твое с нами родство,
Когда ты нас негладаным спасением удивишь;
Учредится твое торжество,
Когда меня при моем последнем издыхании
Ты в преддверии жизни благословишь;
Твоя царственная щедрость проявится,
Когда, ковы мои позабыв, ты дары твои возобновишь;
Обнаружится твое милосердие,
Когда меня, злопамятного,
Как праведного, ты убоготворишь;
Твои милости убедят меня,
Подтвердят сострадание твое изначальное,
Не отвергающее моего молитвенного приношения,
Когда мое неистовство ты умиротворишь.

* * *

Восхваления сопрягаются, песнопения слагаются,
Когда всеблагой господь раба неугодного,
Как служителя превосходного, наградит.
Его бы держать весь век в тюрьме,
А господь в палатах царских его поселит;
Его бы утопить в зловонном рву,
А господь позовет его на пир и среди других отличит;
Ему бы выколоть глаза,
А господь в безоблачную высь ему смотреть велит;
Ему бы персты преступные обрубить,
А господь перстень драгоценный ему вручит;
Его бы палками побить,
А господь в объятия его заключит;
Он погибель предчувствует,
А господь перед всеми его вознесет и развеселит;
Он смерти страшной дожидается,
А господь жизнь вечную и славу ему сулит;
Он ждет, когда ему отрубят голову,
А господь увенчать ему чело благоволит.
Таковы плоды, которыми славятся твои сады,
сострадательный;
Таковы твои труды, созидательный;
Таковы твои суды, пронизательный;
Таковы твои вездесущие сияющие следы, блистательный;
И для нас нет слаще еды, благожелательный.

* * *

Вот чудеса, лишь тебе свойственные, господи,
Ты меня вдохновил, чтобы я о них объявил,
Не откажи молящемуся, мне милость окажи!
Яви мне твои сокровища,
О которых в притчах возвещено;
Не попусти разврату моему
Клад благодати твоей осквернить;
Не позволяй ненавистной тебе вражде и клевете
Примешиваться к бескорыстной чистоте и доброте;
Запрети посягать на заветное
Отвратной духоте и темноте
И тому, что мне грозит:
Маяте и нищете,
Благословенной десницей твоей в книгу жизни ты не впиши
Всех долгов моих гибельных, сопутствующих суете.

То, что несбыточным кажется мне,
Осуществи, господи, избавь меня, имя твое прославь,
Поверить меня заставь: легче легкого чудо для тебя,
Долгов моих не пересчитать,
Но твое милосердие превосходит их;
Многообразны преступленья мои,
Но куда им до всепрощения твоего!
Непрерывны бесчинства мои,
Но твоя кротость, всесильный, всемогущий, преодолевает
их;

Беспредельна скверна моей души,
А ты ее ограничиваешь без труда;
Моим смятением грехи мои вооружены до зубов,
Однако, бессмертный, твоя незабвенная смерть —
Оружие, которому уступает супостат и его вражда.
Разве твой божественный свет
Жалкою тенью омрачен?
Разве лучам твоим сверхъестественным
Малейшая тьма не чужда?
Или вожделению моему скотскому, не ведающему стыда,
Не противостоит крестная мука твоя?
Что перед благодатным взором твоим
Все грехи, миром нагроможденные,
Если не комок праха, под ударом рассыпающийся,
Дождем твоим обильным вызываемый и мгновенно
разбиваемый.

Тебе ли, всевластный, всемогущий, время тянуть,
Чтобы даровать моим грехам прощение?
Не мигнуть, не взглянуть, взора не метнуть,
Не зевнуть, не шагнуть, капли не стряхнуть,
Мысли не мелькнуть, свету не сверкнуть,
Не выдохнуть, не вздохнуть,
Ни одного из этих мгновенных действий не совершить,
Хотя нет ничего невесомее, неуловимее, неуправляемое,
А ледяная толща моих грехов
Расплавилась бы, растрескалась бы, улетучилась бы,
Сокрушенная силой твоей, господи Иисусе Христе,
Бога живого непостижимый сын!
Не отказываешь ты в сладостном свете солнца твоего
Праведным и неправедным,
Никого не обделяя дождем твоим;
Искушенья, терзанья тех и других
Ты учитываешь без предвзятости;
Тех, кто вкушает мир в миру, ожидая вознаграждения,
Колешь ты малым стрекалом испытания,

Чтобы искупить им на земле свои малые грехи,
А тех, кто землей довольствуется,
Тоже ты простишь,
Лекарством спасительным причастишь,
К себе возвратишь, лишь бы обратились они.
Всемогущий, прославлен ты
Всеми твоими деяниями чудесными,
Преисполненными чаемого нами долготерпения,
Благословенный во веки веков. Аминь.

* * *

Но когда я лоном этим зачат и духовно рожден,
Эту великую, непорочную царицу дев,
Мою преславную достохвальную мать
Надлежит мне восславить в соразмерных речах
И в книге сей запечатлеть,
Чтобы исповедать, проповедать,
Заповедать грядущим поколениям
Величайшую славу благословеннейшей,
Чтимой в подобающем богослужении
Наравне с телом непорочным,
С главой, воплощенным словом Божиим,
Помянутыми в моем словопрениии,
Исповедующем Троицу.
Днесь возрев на сей образ и образец молитв,
Духом прослеженных,
Образ, уподобляющийся сей светоносной скинии,
Прими ты меня, благословенный, милостивый,
Прощенного, освещенного ею и в ней.
Через нее избавь мою душу от гнета грехов,
Усади, насади меня под ее сенью пречистой и
непорочнейшей,

Введи меня, немощного, в Давидов дом,
Препроводи меня оттуда в твой дом, о господи,
Согласно глаголу пророческому,
На тебя, Иисусе, указующему;
Не попусти мне посетить ее тщетно и попусту.
Пыла моего исповедного хладом не сочти,
В лобзанье целительном не откажи ты мне;
Моего служения благодати не лиши;
Моего благоговения без вдохновения не оставь;
Да не пребудет бесплодным созерцание образа твоего
И непросветленным восхищение его красотой,
Да не останется всеожжение мое без огня,
Да не отвергается жертвоприношение речи моей;
Да не умертвит меня вкушение света твоего,
Да не погубит меня чаша крови твоей.

* * *

Молю тебя, господи Иисусе Христе,
Единосущный божеству,
Ты, благоволивший нас пригласить,
Чтобы нам вкусить отца твоего и святого духа твоего,

Единый, возвышенный, именем своим устрашающий,
 Тою же славою, тою же природою непостижимую,
 Тою же сущностью света тройственного обладающий,
 Пребывающий в том же совершенстве,
 Ни в каком совершенствовании не нуждающийся,
 Почитая и любя волею свободною
 Своего отца в совершенном подобии,
 При содействии духа святого своего
 Смирился, снизошел с небес,
 Славой своей изначальной не поступившись ничуть,
 Соблаговолил войти в лоно материнское
 Девы непорочной, пречистой Богородицы,
 Благословение произошло
 Там, где чистота — нива светоносная.
 Он приобщил ее к своей сущности совершеннейшей
 В единении нерасторжимейшем,
 В союзе проникновеннейшем
 С бестелесным божеством своим
 Чудом сочетал естество дыхания нашего,
 Так браздами неодолимыми нас взнуздав,
 Усмирил строптивых он;
 Так по доброй воле собой кресту пожертвовав,
 Он, цветок и плод жизни,
 Увенчал растение бессмертное.
 Смертельно раненный,
 В божестве своем неразлучный с естеством,
 Подобным нашему,
 Он орудие пытки целительною силой наделил
 И существо создателя совместил с плотским телом своим.
 Он спустился во мрак ада безысходного,
 Вызволил из этого узилища тварь свою,
 Плененную сеятелем пагубы.
 Как бы пробудившись от глубокого сна,
 Существом своим натиск смерти отразив,
 Вышел из земли хлеб жизни, пастырь мыслящих.
 Верный в мире сем, без малейшей убыли явившийся,
 Цельный в пришествии своем,
 Он вознесся весь.
 Вновь он водворился, воссел на престоле возвышенном
 Во всей простоте своей и во славе творца.
 Исповедуем его, бога благодетельного, господя всех,
 Судящего правым судом всю землю в последний день.
 Он начинание, он же скончание,

Он предварение, он увенчание;
Он цельность неущербная,
Он царь в сиянии недосягаемом.

* * *

Благословляем с отцом и сыном заодно
От отца исходящего, с отцом и сыном единого духа
святого,

Тою же славою прославленного,
Животворящего, всетворящего;
В начале, когда тьма покрывала все
И вселенной владела мгла,
Он веял, реял, обозначив и ознаменовав
Плодоносными водами моря всемирного
Святой затон света, возвещающий нынешнее таинство.
Он творил и все еще творит,
Вдохновляет, осуществляет он
Предсказания, предзнаменования,
Чудотворные ниспослания,
Дарования, обетования,
Божественные завоевания,
Апостольские благовествования,
Поучительные назидания.
Для крови Христовой предуготовил он святилище,
Подражая Христу, множит он свое милосердие,
Прощением избавляя души,
Очищением исцеляя тела,
Крещением направляя потоки вод,
Посещением своим обновляя, просветляя все,
Приобщением вечным укрепляя бытие;
Над Иорданом засвидетельствовал он
Божественность сына божьего единосущного;
Знаменьем облака гору Фавор осенив,
Он голосом отца вещал;
В том же проявлении, в том же обличии
Осеньял он потомков Иакова,
Египет покинувших;
Потопил он фараона, бурей налетев,
Когда Моисей предводительствовал;
Наставляет он священнослужителей,
Вдохновляет мыслителей,
Прославляет властителей,
Дарует он прощение;
Усопшим возвращая жизнь, воскрешает их.

Это он — помазанье бога воплощенного,
Наравне с отцом вечно прославляемый,
Во славе и величии сына божьего являемый,
Восхваляемый во веки веков и благословляемый. Аминь.

*(Рассуждение сие произнесено вышеупомянутым о таинстве
святой церкви и направлено против гнусных раскольников
тондракийцев, этих новых манихеев.)*

Постигаем в безупречном, непорочном правоверии
С благоговейным целованием уст
Сию дарохранительницу из неодушевленных камней,
Сиречь церковь сию, воздвигнутую, чтобы богу в ней
обитать,

Она возвышается превыше самих небес,
Оглашается собором самих апостолов,
Украшается учениками всевышнего,
Завершается служителями слова божьего.
Сие сокровище родилось в обители возвышенной,
Где совершилось таинство;
Дух наполнил обитель сию
Неодолимым своим сиянием в день великой Троицы.
Сперва благозрачный дом,
Знаменующий святость и благодать совершенную,
Предвещающий, превосходящий церковь сию,
Где слава новая предивная
Прихожанам уготована.

Там всегда проливается, всегда преподносится господня
кровь,
Перед которой немеет кровь Авеля, чья дурная весть —
смерть,

А там кровь кричит радостно,
Ибо вызывает жизнь бессмертную.
Никому из тех, кто под небом при солнце живет,
Не даровал ты ни власти, ни могущества,
Позволяющих праздновать это страшное таинство,
Кроме тех, кто под крылами церкви святой,
Ибо малейшей частицы тела божьего
Не вместили бы небеса,
Когда бы не этот благословенный кров.
Поистине, согласно закону, проклятием смертельным

ГОНИМ

Тот, кто вне скинии завета жертву божию принесет,
Кровь на человеке,
Который не здесь приносит в жертву кровь,

Образ души.

Лишь в этой церкви одно-единственное
Крещение в смерть Христа,
Чтобы божество, поруганное невеждами,
Прежней казни в новообращенном не претерпело вновь.
Одно-единственное возложение рук
В знак помазанья светом,
Чтобы истины не отравил обман.
Одно-единственное отпущение
По милосердию, а не по усердию,
Чтобы истины не затмило мнимое.
Одно-единственное учение о грядущем суде,
Чтобы угроза не казалась новшеством сомнительным;
Одно-единственное укорение двум началам нашего
существа,
Чтобы не двоилось в глазах человека внутреннего и
внешнего
Воздаяние за добро и зло
В тот день, когда власть бессмертная
Усыновит нас
Приобщением земного нашего естества,
Явно подтвердив превосходство царствия небесного;
Одно-единственное упование на нетленную жизнь для
святых,
Чтобы обетование, вверенное духу внемлющих,
Оказалось уверением.

* * *

Царица сия, церковь наша внешняя
Дарует жизнь и над смертью властвует;
Как плод, издревле для Адама предназначенный,
Благоприятствует она подобающему вкушению.
Хотя и внешняя, совершает она чудеса,
Превосходя деяния существ мыслящих:
Она совершенствует и восстанавливает,
Образ преславного света устанавливает в нас.
В ней распознается подобие великого свода небесного;
Она учреждена и начата,
Прежде чем рати бестелесных вселились туда.
Она воспарение тел, умудрение душ,
Растворение презренного в почитаемом.
Она никакими грехами не замазается,
Если только не попирается злодеями или неверующими;
Она знаменье предивное, превосходящее нашу мысль;

Лишенная разума, воздвигнута разумными,
Она способствует своим строителям,
Как высшее низшему.
Человека превосходит она,
Как жезл торжествующий
Превзошел Моисея, божьего ставленника;
Она превосходит разумного,
Как превосходит Аарона
Трость его, расцветшая таинственно;
Она превосходит мыслящего,
Как милоть*, поток преодолевающая,
В чудотворении сверкающая,
Илию и Елисея превзошла,
Споспешествует она вдвойне рукам благословляющим,
Чтобы преуспели они в очищении, а не в отмщении;
Хотя, вещественная из камня и дерева,
Она единосущна духам и душам святых.
Подобно камню зиждительному,
Живому, бессмертному,
Она разрушается и воскрешается;
Как судья всех душ человеческих
Является она власть проклясть и благословить,
Как бы провидя незримое,
Одного корит, другого животворит,
Всех она зовет к себе по именам,
Как повелитель существ, господь;
Как скала вечная,
Отражает она удары ненавистников;
Уловляет она человекoв духовнейших,
Как мрежа, величайшим изобретенная;
Безупречная, непорочная, следует она христовой стезе;
Преизобильная, непоколебимая, неустрашимая,
Она, как сам превознесенный, высится.

* * *

Так она свята, что различия распознает
Между теми, кто создан по образу божию;
Если вопреки заповеданному
Виновный вступить на паперть ее отважится,
Она не осквернена, однако удручена
Небрежением и недомыслием.
Ее нельзя предать анафеме,

* Милоть — овчина.

Напротив, прощает она тех,
Кто не ведает, какова благодать ее,
Не бывает она заброшена по упущению собственному,
Но поруган блеск ее нашими преступлениями,
Не позволяет она к стопам жизнедавца дважды прильнуть
В несказанном господнем таинстве;
Не являет она святых даров дважды на дню,
Чтобы не были они злоязычниками осмеяны;
Она мощно целит наши немощи,
Так как она избавлена от пороков и немощей,
Навязанных нам страстями нашими.
Без всяких околичностей
Судит она, беспристрастная и властная.

* * *

Она — дважды блаженный, пречистый ковчег,
Защищающий от потопления,
Когда волны мира сего неистовствуют;
Немного животных неразумных
И меньше всего человек собирает она,
Однако с тварями земнородными
В ней пребывают небесные.
Бурные волны не сотрясают ее,
Ибо она до небес возносится.
Наставленная духом Божиим,
Бежит она беззакония.
Не велит она казнить ударами тяжкими,
Но ведет к благовествованию жизни всех тех,
Кто захвачен ею.
Не по замыслу Ноеву она сооружена,
Но воздвигнута волею создателя.
Не Моисей и не Веселеил,
Единородный Божий сын духом святым
Предопределил ее к служению,
Не днище зыбкое, схожее со скорлупкою хрупкою,
Основа у ней незыблемая,
Зодчим всевышним увековеченная.
Опять-таки, словно ковчег несмысленный,
Из досок деревянных составленный,
Нас ведет она, незрячая.
Образ бесконечного предвождения,
Она предуготовляет обители, где свет.
Не только Озу казнит она,
Когда не несут ее, как подобает крест нести.

На месте убивает она,
Когда тащат ее, как мирской сосуд,
Запрягая скотов, по любви земной,
На колесах, к земле прилипающих.
Не языком человеческим,
Языком ангельским глаголет она.
Без плотских ушей,
Мгновенно внемлет она;
Без членораздельных звуков
Вещает она, просвещает народы
Благовествованиями Иисусовыми;
Без голосовых связок
Духом Божиим гласит она.
Без костей, без жил, без мышц,
Отталкивает она на две тысячи локтей,
Как была отброшена бесчисленная рать всевышнего,
Ополчение, оставшееся в живых;
Ныне наряду с нечестивцами, которым святость чужда,
Она отсекает, удаляет болящих,
Пораженных лихорадкой грехов,
Предводительствуя теми,
Кого избавила от изготовления кирпичей.
Сам господь воплотившийся
Камень сей наименовал,
Жажду всеобщую ребром своим прободенным утолив.
Без кровообращения
Лучи света горнего разливаются в ней,
Пронзительные, целительные, защитительные,
Не мысль Соломона или Зоровавеля смертного,
Мудрость божия в чертеже здания церковного.
Не мирским обычным елеем, которым Иаков почтил ее,
Она помазана кровью грозного и славою великого.
Не как дом земной вещественный,
Нет, как тело небесное пресветлое,
Бог объемлет ее, каждую прожилку облюбовав;
Не детей, зачатых жизнью земной,
Нет, наследников царства небесного воспитывает она,
Чтобы вверить лону Авраамову
Тех, кого она вскормила грудью своей.
У нее на свадьбе жених — бога живого сын;
Свадебный поезд невесты — сонмы святых отцов.
Она заставляет забыть высоты идольские,
Дьяволами заселенные;
С богом сближает она.
Кумиры изгоняет она;

В каждом ее камне Христос почитается.
Опровергает она прорицания лживые рощ;
Во всех лесах вселенной господь явлен ею
Подобием древа жизни.
Она разрушение камней чарующих, прельщающих,
отвращающих,
На карбункуле зиждется она со своими живыми
самоцветами.

* * *

Сей дивный дом, бога приемлющий,
В то же время от всякого рабства освобожден,
Отнюдь не образ Иерусалима небесного,
А Иерусалим воистину.
Это не храм, закованный идолопоклонничеством,
И не место проклятия, где закон гнетет;
Нет, это обитель даров святых,
Ниспосланных благостью господа.
Она никогда не колеблется и не меняется,
Лишь распространяется, усугубляя блеск славы своей.
Она провозглашена небесами небес на земле,
Ибо она сияющая.
Как нельзя возродиться без Христова отца,
Так и без этого лона материнского.
Бесконечному приюта нет,
Кроме этой странноприимной обители.
Господу негде было голову преклонить,
Пока не вошел он в это жилище свое.
Не столько возвышенным сводом небесным,
Сколько этим своим вещественным пристанищем
Славится он.
Безмерность света небесного,
Облекавшего лик пророка и образы церковные,
Так что при виде лика преславного бежали прочь,
Сияние, даже под сенью храма невыносимое,
В праздник великого благословения
Эта безмерность божественного света
Превозносится хором—собором существ мыслящих,
Благословляется вдвое громче,
Нежели в земном раю.

Сия мать пресветлая, духовная,
 Не столько земная, сколько небесная,
 Телесная, духом одаренная,
 Как сына, лелеяла меня;
 Млеко сосцов ее — Христова кровь.
 Кто распознает в ней образ богоматери,
 Тот не грешит.
 Как знамение крестное целительное,
 Она совершает предивные деяния,
 Могушественная в чудесах различнейших.
 Не в ней ли совет судьи грозного учрежден?
 Она замыкает уста несмысленные,
 Еретикам заблудшим велит молчать.
 У нее во власти камни духовные, хитроумные,
 Отвращающие, обращающие в бегство нечестивцев
 неистовых.

Она родит сотворенных богов,
 Истые образы Христа, бога единого.
 Она к востоку обращена,
 К нашему обетованному, первобытному местопребыванию.
 Она как бы рукой указывает нам
 Явственный путь божьего пришествия;
 Поучает нас, изъясняет воочию
 Господне сравнение с молнией;
 Восход солнца для нее — знаменье спасения,
 Которое Христос в последний день
 Тварям дарует земным.
 Она изгоняет страдания,
 Искореняет заболевания,
 Упраздняет бесовские завоевания.
 Ее лоно, чрево ее —
 Источник жизни, купель крещальная.
 Ее свадьбу празднует хоровод апостолов.
 Так она богата славою блаженною,
 Что по праву наречена именем Спасителя,
 Запечатленная друзьями сына едиnorodного,
 Имя матери господней по праву носит она.
 Она пристань мирная для грешника, морем гонимого;
 Утеха отрадная для хора, богом хранимого,
 Обитель целительная для преступного и казнимого.
 В ней прославляется Троица неизреченная,
 Благословенная во всем.

Но если кто-нибудь отважится
 Руку преступную поднять на царство небесное,
 В нем усматривая порождение плотское,
 Измышление человеческое, ухищрение дальнее,
 Установление по поводу церкви вещественной,
 А не дар жизни, божественное упование,
 Торжественное благовествование,
 Возвещенное и писанное духом святым,
 Изобилие всещедрое благодеяний божеских,
 Восхитительное местопребывание
 Богоугодного таинства,
 Основание премудрое, заложенное десницей апостольской,
 Словом, врата жизни, град бога живого,
 Матерь живых непорочную,
 Достоверный зримый образ нашей мысленности,
 Знаменье нашей души для духовного,
 Подобие тела нашего для чувственного,
 Святая святых превыше Ветхозаветного,
 Святилище, увенчанное преславным Христовым крестом,
 Кто всего этого не исповедует,
 Тот отвергнут всемогущим отцом
 И единосущным словом его;
 Он теряет залог, в котором дух с благодатною славой
своей;
 Перед ним закрывается дверь, ведущая в брачный чертог.
 Что до нас, то записали мы наше свидетельство,
 Веруя в то, что по порядку нами расположено
 Во имя преславной всемогущей Троицы
 И единого божества во веки веков. Аминь.
 Прежде всего, я верую в Троицу,
 А потом всенародно исповедую
 Матерь мою преславную и пресветлую.

ГЛАВА 76

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Боже всемилостивый,
Любвеобильный, всесильный, устрашающий,
Человеколюбив, долготерпелив, жив, неисповедим,
Осуществляешь немыслимое,
Говоришь — творишь, ты свершающий.
Свойственно тебе менять плоды твои сладчайшие
на шипы жесточайшие,
Ты, родитель закона — канона нового, целительного,
изумительного;
Ибо прощать ненавистника, защищать завистника,
Укрощать кровопийцу кротостью,
Убийцу в рай молитвами возвращать,
Кто, как не ты, преподнес нам эти плоды редчайшие,
Сочнейшие, вкуснейшие, сытнейшие,
Несказанные, для тебя, благословенного, желанные,
Достойные твоих достохвальных уст;
О дух наших ликов, о высота — красота,
Господи Христе, благословенный превыше небес,
Люди земнородные, негодные,
Злою данью своей надругались над щедрою дланью твоей,
А ты, светonosный, ты, свет,
Не внимаешь хулениям, не потакаешь преступлениям,
Не способствуешь покусениям,
Не содействуешь прегрешениям,
Не пособничаешь искушениям,
Не сопутствуешь треволениям,
Не благоприятствуешь сомнениям,
Не потворствуешь дурным поползновениям,

Не препятствуешь дарениям,
Не поддаешься подозрениям,
Не изменяешь благословениям.
Ты простишь, ибо ты добр;
Исцелишь, ибо ты врач;
Воскресишь, ибо ты жив;
Одаришь, ибо ты щедр;
Укрепишь, ибо ты непоколебим;
Обогатишь, ибо ты тороват;
Защитишь, ибо ты судья;
Благословишь, ибо ты свят;
Обновишь, ибо ты все;
Сотворишь чудеса, ибо ты царь царей;
Преобразишь, ибо ты творец;
Возродишь, ибо ты бог;
Приобщишь нас, ибо ты господь;
Запретишь грешить, ибо ты щит;
Спешись на выручку, ибо ты благословен;
Посрамишь гонителя, ибо ты Спас;
Благотворишь, ибо ты клад;
Угостишь, не дожидаясь мольбы, ибо ты сыт;
Освободишь меня в тесноте моей, ибо ты мир;
Умчишь вперед, ибо ты проводник;
Отстоишь меня, ибо ты тверд;
Утолишь мою жажду, ибо ты ключ;
Озаришь сокровенное, ибо ты луч;
Просветишь меня благом, ибо ты прав;
Устранишь порчу, ибо ты здрав;
Пощадишь меня, хрупкого, ибо ты превознесен;
Оградишь меня, ибо ты вождь;
Оборонишь меня десницей твоей, ибо ты страж;
Снабдишь меня пропитанием в нужде, ибо ты хлеб;
Изошришь мой разум тупой, ибо ты мудр;
Прикютишь меня, ибо ты кров.

* * *

Вот что присуще тебе, господь благоволения;
Все это запечатлено, осуществлено,
Не просто посулено;
Ты мученик из мучеников,
Доблестно вышедший на ристалище
Ради моего избавления,
Укротивший жестокое высокомерие
Тела моего всевластного

Тягостной мукой, наукой ради нашего исправления,
Муки тягостнейшего уязвления
Перенесло тело твое безвинное,
Казненное за преступления нашего естества,
Чтобы действенное твое сострадание
Предвещало оправдание наше несомненное.
Благословен ты во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 77

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

В нынешний благословенный день,
Когда свет был надвое разделен и обновлен,
Когда все твари были потрясены
Своим новым, небесным, чудесным естеством —
Высоких крушение, низких возвышение —
В страстную пятницу на Страстной,
Когда наступил для меня долгожданный срок
Писать жалобную песнь,
В которой страх и восторг сочетаются,
Не могу не упомянуть,
Как страдал ты за меня, бог всех.

* * *

Обрекал ты себя суду твари твоей,
Ты, во мне воплотившийся,
Не изрекал ни слова, ты, вдохновитель слов,
Не возвышал голоса, ты, создатель языков,
Не нарушал молчания, ты, потрясатель основ,
Не оглушал преступников, ты, трубный глас;
Не устрасал неблагодарных, которых своими щедротами
украшал;
Не лишал языка тех, кто тебя заушал;
Не устрасал тех, кто казни тебя предавал;
Не мешал себя связывать, клеветников не прерывал;
Не сокрушал тех, кто тебя избивал;
Не удушал тех, кто в лицо тебе плевал;
Не задрожал, когда удары претерпевал,
Не угрожал, когда насмешник торжествовал;

Не выражал гнева, когда ты, поруганный, изнывал;
Раздели как немощного и облачили вновь,
Как заключенного, обреченного на казнь.
Если бы дважды он укуса не глотнул,
Не изрыгнул бы я первородной горечи,
В которой захлебывается человек.
Глотнул он, измученный, но больше не захотел;
В бешенстве убрали питье и вновь поили, глумясь;
Последний позор был невыносим:
Избивали его, потешая презренную толпу,
И, венцом терновым увенчав,
Издевались, колени преклоняли перед ним.

* * *

Не давали покоя тебе ни на миг, ты — жизни родник;
Смертоносным гнетом обременили тебя;
Его ты не отверг, на землю не поверг,
Сам себя муке подверг,
Древо казни понес, как будто виновен ты,
Оружие жизни держал, словно лилию долин,
Чтобы там, где морок ночной,
Осталось цело дело рук твоих, мое тело первопрестольное,
Осужденное и освобожденное,
Приведен как на всесожжение:
Принужден висеть, как овен, рогами в чаще запутавшийся,
Пригвожден как преступник неистовый,
Прободен как ослушник,
Осужден простереться на жертвеннике креста,
Ты, мир небесный, как злоумышленник,
Ты величие недосягаемое, как страждущий,
Херувимами прославленный, как затравленный,
Ты, даровавший жизнь, как призвавший смерть;
Ты, благовествующий, как совращающий,
Ты, завершающий пророков, как заповеди нарушающий;
Ты, запечатлевший лучом неисчерпаемую отчую мысль,
Как несогласный с твоим отцом;
Ты, воистину благой, как изгой;
Ты, от закона освобождающий, как неверием страдающий;
Ты, огонь поядающий, как тать блуждающий,
Ты, властитель небес и земли,
Как расхититель, казни заслуживающий;
Ты, в недосягаемом свете обитающий,
Как пленник, земную скверну глотающий.

* * *

О ты кротость и снисхождение,
Ты, благодать и сострадание,
Ты сам пожелал все это перенести
В твоей благоприобретенной человечности,
Чтобы меня, раба коварного, неблагодарного, спасти
И в пещере, где длилось твое усупение и погребение,
Пребывал ты всем твоим божеством, непостижимый бог,
Нашим с тобой родством спасая нас,
Явив несказанное терпение,
Ты воскрес, жизнь возвестив твоим лучезарным победным
торжеством,
Свет в живом запечатлев твоим рождеством,
То есть совершенным человеческим естеством,
Благословен ты в подвиге твоём пресвятом,
Явлен славою, прославлен милосердием
Во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 78

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Ныне, перед тобой распростерт
Всем своим земным естеством,
Преклонив колени, склонившись до земли,
Целую, милосердный, твои целительные стопы
И молюсь на особый лад.

* * *

Молю тебя, единственный мой оплот,
Человеколюбец всемилостивый,
Исток жизни всевластный,
Бесстрашный страж,
Да не пропадет впустую жертвенный подвиг твоих страстей,
Ты, бог, ради меня воплотившийся;
Да не окажется напрасным твой кровавый пот,
Во мраке вероломном капавший;
Да не омрачится свет,
Безвозмездно вверенный тобою мне, жалкому,
Да не изгладятся письмена обетования,
Обведенные током из пронзенного ребра твоего;
Да не обесценится урожай страстей твоих,
Приношение твое, утешение мое;
Да не похвалится лукавый, тобою затравленный,
Мною, мнимой добычей своей, творением твоим;
Восторжествует воля твоя над проiscaми
Супостата, вновь пораженного,
Устрашенного, сокрушенного,
Погруженного навеки в озеро огненное,
Не жалея благодатных глаголов твоих,

Тварь твою восхищающих, к тебе обращающих;
Ты внезапно совершал чудо несказанное
В час отчаянья, когда прерывалась жизнь бывшая,
застывшая,
Твоя смерть, бессмертный, воскресила меня, смертного.
Воздаяние ветхозаветное упразднив,
Не стесняй свободного, превосходного, тебе угодного,
Ты, благодать изначальная,
Промыслитель, целитель, повелитель наш.
Словом твоим неотразимым подвигни меня,
Ты, даровавший свету бытие в первый день,
И в тот же миг я к лучшему изменюсь;
Если твоему свету следовать не пытался я,
Ты благоволи меня посетить,
Свет от света, от единосущего отца твоего,
И тебя не избежать мне, преступному рабу,
Которого жалеешь, лелеешь ты.
Я твой должник, но мне отсрочка не нужна,
Лишь бы в тоске моей твой лик передо мной возник,
Ты, свет во тьме для сердца удрученного.
Удержи память мою, впадающую в забвение,
Где, что ни мгновение, растворяются, теряются
Воспоминания о твоих благодеяниях.
Одари меня навеки блеском кладов твоих
И, облагороженный, буду я готов
Откликнуться на твой зов,
Ты, покров надежнейший.

* * *

Так помилуй же меня, боже милостивый,
Господи, всемогущий, молю тебя, помилуй меня,
Помилуй меня еще раз!
Не накажи меня трудными родами
За преступленья мои, ты всеблагой,
Не откажи мне, гибнущему, в святых дарах твоих;
Не лиши меня святого духа твоего;
Не сокруши печати совершеннейшей,
В которой царский образ твой;
Не разреши колким грехам
Вновь разрастаться в святилище моей души;
Не разорви любви, меня к тебе привязывающей;
Не отучи меня глаголом владеть и властвовать;
Не подави десницы моей, светом причащающей;
Не подтверди в Книге жизни твоей проклятья моего;

Не упомяни, не вмени, не вини, не кляни,
Не казни, не оттолкни,
Не громозди прегрешений моих,
Не пригвозди меня, смерти достойного,
Не осуди меня, виновнейшего;
Не взрасти во мне древа пагубы,
Не попусти ему лихой листвою обрасти, грехами расцвести;
Не срази меня моим заемным письмом,
Не грози мне созревaniem плодов дурных,
Не сочти по разветвлению перстов твоих, сотворивших
мир,

Преступления растления моего;
Не употреби словес, ужас вселяющих,
Кошунства мои перечисляющих;
Не дари мне моей собственной души,
Чтобы я в рабство не продал ее;
Не превозноси меня здесь, чтобы там покарать;
Не надели меня тщетным земным,
Чтобы мне вечного не потерять;
Не заключи славы твоей в земной век,
Чтобы временем безмерного не измерять;
Не заточи себя в темнице наших скорбей,
Чтобы нетленного тленному не вверять;
Не омрачи света твоего несказанного мутною тьмой;
Не распряги моей души, чтобы ей не блуждать;
Не прими жердочку над бездной, земную жизнь
За незыблемое успокоение;
Не затемни долину мысли моей
Ради света грядущего;
Взвалишь все мои преступления на меня,
И я замертво свалюсь;
Сердце мне ими обременишь,
И я без огня воспалюсь;
Взвесишь кошунства мои,
И к тебе не явлюсь я, испепелюсь,
Позволишь моим грехам заполнить меня,
И я растлюсь, развалюсь.

* * *

Взгляни на меня, повелитель могущественнейший,
Кривду мою прогони, благодатью твоей замени
Ты, промыслитель, ты, сострадательный,
Ты, прославленный, предвечный вечный свет,
Удостой меня твоего бесконечного владычества,

Устрой мой плотский дом,
Восстановив, исправив естество моего существа,
Куда внедришься, где водворишься, воцаришься ты,
Где хороша трапеза, приготовленная для тебя,
Когда тебя обретает моя душа;
Благоволи удалить скверну растленную,
Предопредели мою чистоту,
Царь бессмертный, всем дарующий жизнь,
Господи Иисусе Христе,
Благословенный во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 79

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Помяни меня, господи боже милостивый,
Правдолюбец, бог истинный;
Видишь, каково мое естество,
Наваждению подвластное;
Прислушайся, как моя кровь течет,
Разливаясь по жилам на всем протяжении тела моего;
Снизойди, как лекарь, подтверди:
Я всего-навсего человек,
Чья мысль мыкается, неотесанная,
Сдуру порываясь к дурному,
Что тобою же установлено,
Прозревающий отдаленное, неосуществленное,
Не подверженный обману, дурному, помрачению,
Лучше мне признать себя грешником,
Человечным, то есть падшим, дважды увечным,
Как земная персть, смертью пестуемая,
Лишь бы слову твоему ложью не прослыть.
Кто, как не ты, постиг наше племя негодное,
С развратом сродное,
Наши помыслы уязвимые, неисправимые,
Как мудрый в притче вдохновенно возвестил.
Не подвергни меня мукам нестерпимейшим,
Которых я заслуживаю,
Когда обнаруживаю скверну мою тлетворную,
Сын геенны, смертью вечной облюбленный,
Устрани кабалу мою позорную,
Чтобы иск обоснованный,
Разоблачив мою расточительность упорную,
Не погубил меня на последнем суде,

Пробуди во мне печаль непритворную,
Чтобы мое сокрушение обрело утешение,
И наказание мне во устрашение
Не вырисовывалось бы,
Чтобы отупение отчаянья
Не подавило бы целительного покаяния:
Суд устрашающий, судья, беспристрастно вопрошающий;
Стыд поражающий, укор угрожающий,
Позор уничтожающий, палач карающий,
Плач душераздирающий, страх изнуряющий,
Озноб иссушающий, тлен всесокрушающий,
Ужас удушающий, скрежет незатиhaющий,
Жар непотухающий, проклятие неизбывное,
Жалость приостановленная, милосердие прекратившееся,
Когда будет небо в свиток свернуто,
Когда содрогнется незыблемая земля,
Как зыбь морская, чьи волны друг на друга на скакивают,
Будто бы безудержно бегущие,
Однако в столкновении
Останавливающиеся и разбивающиеся,
Когда наша почва пространная сдвинется,
Потрясенная схватками неистовыми
В самой утробе своей,
Будет гор низвержение, камней разжижение,
Стихий сожжение;
Обретут небеса совершенство непреходящее,
Твари обновятся, изменив свой лик,
Нас проступки, нами скрываемые, выдадут,
Страсти наши незримые нас предадут,
Все зачтется, все прочтется в теле нашем,
Царь небесный начнет разбирательство,
И тогда бесполезно заpiresательство,
Горе мне, горе семикратное в бедствии двойном,
О чем свидетельствует само число,
В котором явлено бесчисленное.
Как же мне поступить, о душа моя жалкая,
Когда невообразимый день моей гибели придет?
Одно его предвестие страшнее, чем само бедствие.
Пророк, описавший в притчах этот день,
Представил гонку, горячку, бегство безвыходное:
Уйдешь от льва, на медведя напорешься;
От медведя избавишься, в дом войдешь,
А в доме что ни стена, то змеиный укус.
Еще больше грозных знамений
Нагнетает он в том же описании:

«Разве день господень,— вопрошает он,— не мрак,
Не день беспросветного ненастья
И непроглядных туч?»

* * *

Тогда ангел — хранитель, сопутствовавший нам,
Как блюститель — властитель,
Огласит преступленья мои,
И беспощадный мститель укорит меня,
Царская рать не замедлит покарать,
Одних оправдать, других осмеяню предать,
Для одних улыбки умиrotворенные,
Для других пасти разъяренные;
Для одних венцы озаренные,
Для других наделы разоренные;
Для святых благовестия умудренные,
Для меня печали, в сердце внедренные;
Для блаженных владения смерти, жизнью покоренные,
Для меня, преступного, дороги, смертью проторенные;
Нечего стучаться в дверь, когда богу больше не жаль меня.
Тогда письма чудесные,
В которых свершения неизвестные
Нашего дольного пребывания,
Осуществленные нашей человечностью,
Ради которой все сотворено,
В каждом теле выявятся до последней черточки;
Тогда глубины непостижимого,
Недостижимого для дольной нашей мудрости,
Узрим воочию.
Здесь небеса достигаются воздыханиями и рыданиями,
Которые там отвергаются, пренебрегаются, как праздные,
как напрасные,
Там не ценится вопль того,
Кто здесь вопить ленится;
На скаредное подаяние не ответит нам сияние;
Там ковчег против первых ослушников,
Скрижали против хриstopродавцев — наушников,
Карающий крест против новозаветных двурушников
На всю вселенную возопят,
Там, на том страшном судилище,
Один предъявит против меня
Завет с праотцами,
Другой — дарохранительницу,
О незримом свидетельствующую,

Третий — кровь самого создателя;
Здесь я запасаю муками впрок;
Проклятый, чем упьюсь я там, упование прервав?
Если даже сияющая рать, хоры — соборы избранников
Содрогнутся в ужасе
Перед лицемерием великого грозного судьи,
Как же я, жалкий сын погибели,
Расточитель залогов, предстану перед ним,
Нет, не увенчание, не царский трон,
Ждет меня там казнь вечная и пагубный урон.

* * *

Прости же, всемогущий, изобильный,
Руку твою защитительную
Ко мне брэнному, пленному, растленному,
Сподобь меня избежать адских врат,
Чтобы я, подсудимый, неврежденный, непобедимый,
Удостоился наград, а не утрат.
Когда мое умоление — прозрение грядущего
И достаточно слухов ужасающих,
От отчаянья загробного спасающих,
Милосердием твоим потрясающих,
Чтобы выволить пропащего,
Не бросай меня на растерзание льятам,
Которые меня, как пропитание, кланчат у тебя,
Чтобы разорвать зубами кровожадными;
Им бы только свою злобу смертельную,
Утробу беспредельную напитать,
Увести меня, гадкого, гладкого, извести
Там, где в изобилии вечно хранится остальное съестное,
Кто избавит меня от пасти пожирающей,
Кто направит меня, жизнь даруя отрадную,
Если не ты, всемирное прибежище,
Светоносный властелин, господи Иисусе Христе,
Благословенный во веки веков! Аминь.

ГЛАВА 80

Слово из глубины души к богоматери

* * *

Грехов не искупив, к небесам возопив,
Надежду свою в слезах потопив,
Господа прогневив, я, ни мертв ни жив,
В отчаянье молю, богоматерь, тебя;
Ты, царица небесная, хранящая род людской,
Непорочная во плоти, ты меня защити!
Чистая, как воздух, лучистая, как свет,
Утренняя звезда, ты навсегда взошла;
Святостью превзошла святую обитель ты;
Рай бессмертия, древо жизни ты;
Огненный меч призван тебя стеречь.
Богом отцом укреплена, ограждена,
Духом святым осенена, одарена,
Озарена, просвещена, посещена,
Сыном твоим, творцом твоим возрождена.
Девственно чиста, ты сама доброта;
Ты свята, безгрешная, и потому,
Наша заступница, ты ходатайствуешь за нас.
Молитвы мои со слезами моими прими,
Чтобы до бога дошли молитвы мои, как твои,
Чтобы до бога дошла моя прежняя хвала,
К тебе обращенная, посвященная тебе,
С твоею молитвой, в которой рай
И достойный ладана сладостный лад,
Ты сочитай мой грешный, мой безутешный стон.
Ты древо жизни, твой плод благословен!
Мой горестный плен ты помяни,
В смертной тени ты меня просвети;
В моем пути, пресвятая мать,

Не оставляй меня, заблудшего храня,
Чтобы мне грех побороть, чтобы мне жизнь даровал
Твой сын и твой господь.

* * *

Крылатой молитвой твоей ты мне помоги.
Пресвятая мать всех тех, кто рожден;
Мне помоги земную покинуть юдоль,
Мне помоги обрести без мук
Обитель, ждущую нас;
В последний мой час помоги очиститься мне
От греховного бремени моего.
День скорби моей в торжество преврати,
Искупившая Евин грех;
Мою скорбь утоли, исцели, замоли,
Ибо верю я; внемлет бог тебе
В чистоте твоей;
Благословенна ты в женах.
Меня, погибающего, слезами своими спаси;
Матерь божья, колени свои преклони
Перед богом ради меня,
Горняя скиния, ты меня, скорбного, осени;
Церковь на небеси, ты меня, падшего, вознеси!
Сына своего собою прославь,
Благодать его на меня призови,
Чтобы чудом он, мой господь,
Мне простил долги, отпустил грехи,
Ты, раба господня, ты, божья мать!
Славу свою приумножь, явив доброту;
И спасенье мое в тебе обрету,
Если меня ты обратишь, мать божия,
Если меня ты простишь, благословенная,
Если меня заблудшего, ты приютишь,
Непорочная;
Если меня, отверженного, ты посетишь,
Благодатная;
Если меня, окаянного, к богу ты приобщишь,
Благословенная;
Если меня, печального, ты защитишь,
Пречистая;
Если меня, опального, ты наградишь,
Преславная;
Если меня, многострадального, ты осенишь,
Целительница;

Если меня, истомленного, ты укрепишь,
Хранительница;
Если меня, возмущенного, ты смиришь,
Примирительница;
Если меня, соvrащенного, ты просветишь,
Достоxвальная;
Если меня, осужденного, ты возродишь,
Сострадательная;
Если меня, удрученного, ты одаришь,
Многомилостивая;
Если меня, отлученного, с богом ты примиришь,
Заступница;
Если меня, нечестивого, ты убедишь,
Возвышенная;
Если меня, погребенного, ты воскресишь,
Сияющая;
Если меня, рыдающего, ты благословишь,
Утешительница;
Если меня, страждущего, ты исцелишь,
Врачующая;
Если меня, гибнущего, ты призришь,
Духа святого полная;
Если меня, изгнанника, ты возвратишь,
Святейшая!
Мне дарует жизнь, душу мне целит
Млеко девства твоего каплею одной;
Мне даруют жизнь лишь твои уста,
Так чиста ты, мать господа нашего Христа,
Сотворившего небеса и нас;
Озарившего нас рождеством своим;
Воплощенного, рожденного в полноте божества
Человеческим твоим естеством;
Прославляемого со своим отцом и духом святым;
Сочетавшего божество и наше естество;
Он суть всего во всем;
Он святая ипостась Троицы святой,
Вечный в державе своей, во славе своей. Аминь.

ГЛАВА 81

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Как ты внемлешь богоматери, нашей заступнице,
Внемли небесным, бестелесным, светоносным ангелам,
Не прекращающим никогда молиться за меня,
Неустанно взывающим с громкими воплями
Устами своими пречистыми, речистыми
К тебе, всемилостивый.
Благотворные, тебе, благотворителю, покорные,
Пороками не затронутые,
Созданные возвышенным строем твоего верховного бытия
Силы могущественные провиденья твоего, господи,
Они блаженные, совершенные, благословенные,
Нетленные, незапятнанные, блистательные,
Торжествующие, неотразимые,
Стремительные, как наитие вдохновенное.
За смоковницу бесплодную,
Три года тщетно простоявшую,
Срок, вмещающий всю протяженную длительность
Нынешнего, былого и грядущего,
За дерево, жизнью напрасно наделенное,
Истощающее корнями вертоград мира сего,
Листовою шеголяющее, урожая ждать заставляющее,
За убожество увечное, столь человеческое,
Ангелы, благодетели, радетели
Вступаются, ходатайствуя.
Ангел с нами, когда нам тяжело,
Он простирает над нами свое крыло,
Чтобы на нас блаженство снизошло небесное.
Ангелы молятся за нас, чтобы нас ты спас,
Вняв словам: «Не презри дело рук твоих!»

Предназначение молитвы сей — попечение о нас,
Как велит учение твое, господи,
Чтобы рачение рассеяло омрачение:
Ангелов сотворило слово твое,
А нас — руки твои.
Ангелы сопутствуют пришествию
Сына твоего единородного,
Как свидетели бесспорной добродетели,
Подтверждающие беспощадную правоту,
Наши непреклонные обвинители на Страшном суде,
Ибо они хранители, ревнители блага нашего,
Нисходят они, защищая нас,
Рыданиями возвещая нашу скорбь,
Обращая к тебе свою песнь:
«Смилуйся, избавь твое творение от презрения и от
разорения!»

* * *

Внимая воплям, вымаливающим у тебя благодать,
И настояниям сих бессмертных, возвышенных, тобою
услышанных,
Прими, как приятное благоухание, наше воздыхание,
Творец всего и всех, ты с милосердием твоим,
Которого не вместят небеса и земля.
Кто, кроме тебя, одаривает их и нас!
Днесь, во имя красоты,
Коей взысканы неугасимые, пречистые, лучистые,
Неуязвимые, неопалимые, непогрешимые,
Неодолимые, пресветлые,
Обладающие высотами недосыгаемыми,
Постигаемыми лишь в горнем сиянии,
На веки вечные защищенные
Им одним присущей любовью божественной,
Ради них, пламенеющих,
Коснись наших леденеющих сердец,
Чтобы вспыхнули, лучезарные,
Свершая таинства алтарные,
Дай нам явить наше бдительное рвение
И отрадное повиновение
Тебе, всетворящему, царящему,
Пока мы, херувимам уподобившись,
Не сочетаемся с тобою, господи,
Узами непостижимыми, нерасторжимыми.
Ангелы — начала верховные, духовные,

Силы безгреховные, устрашающие,
Тебе послушные, господи, однако вольные
Лучи твоего излучения, облачения.

* * *

Посему, Иисусе, удостой благодати твоей
Меня бренного, растленного,
Вняв моему ангелу, за меня молящемуся;
Верни меня, господи, на твою стезю
Немеркнущую, спасительную,
Дабы ангел-хранитель мой
Вернул тебе душу мою, залог, ему вверенный,
Ему порученный, от тебя полученный,
И возвеселился бы, ободренный,
Когда я, неукоренный, вселился бы в рай,
А он умилился бы с ликом ликующим,
Преподнося меня тебе,
Севышний, сверхъестественно прославленный
Хорами — соборами блаженными,
Ты, достохвальный, ты, многомилостивый.
Тебе, непостижимому, отцу твоему недостижимому,
Духу твоему неопровержимому
Служение, благоговение, восхищение
Во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 82

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Господи боже милостивый,
Щедрота из щедрот, спасительный оплот,
Лик — исток света с высот,
Покой необъятнейший;
Ты, пришедший во плоти, чтобы меня спасти,
Располагающий чудесами неописуемыми,
Человечность нашу преображающий
Совершенной твоей божественностью.

* * *

Ныне ради апостолов твоих прославляемых,
Руками твоими творящими благословляемых,
Духом твоим святым вдохновляемых,
Восхваляемых мною по мере моих сил,
В память о тебе всеблагом,
Как я уже говорил в моем словопрении другом,
Избавь меня ради тех, кого ты своими провозгласил,
Награди меня водительством сих вождельных вождей,
Указующих мне спасительный путь,
Возвещающих мне отрадную жизнь
Голосами добрых пастырей,
Чтобы мне обрести благу часть
В избавлении, в искуплении, в нетлении,
Как провозвестникам воскресения,
Как первооткрывателям спасения,
Как хорам — соборам прославленных,
Как пророкам, потокам света духовного,
Как евангелистам возвышенным,

Как самодержцам великолепнейшим,
Как венценосцам блистательным,
Как светочам среди благодатью исцеляемых,
Как торжествующим среди просветляемых.

* * *

Как учеников, исполнивших твой совершеннейший завет,
Господи Христе, всевышний бог,
Как страстотерпцев, испытанных, пытаных, избранников,
Смертным телом своим подверженных злосключениям,
Членами своими болящими удручаемых,
Вопреки своему перстному телесному существу
Противостоявших косному веществу
И потому венчаемых, воспеваемых, воскрешаемых,
Этот землю доблестно пренебрегавших,
По слову пророческому,
Всеми напастями невыносимой своей смерти воистину
свидетельствующих,

Сокровища незримые, неповторимые,
Созерцавших в дольнем своем чаянье,
Перенявших мудрость апостолов,
Разделивших с нами тяготы жесточайшие,
Приобщенных к ним своими деяниями,
Поглощенных своим служением,
Восхищенных бесконечно сладостным пиршеством,
Ради молитв их, стройных, пристойных, достойных тебя,
Ради их крови жертвенной, ради их казни длительной,
Ради их пота, который лучше ладана,
Призови меня, обнови меня мученичеством,
Чтобы мне исцелиться и навек вселиться в тебя.
Как ратовавших супротив огня и меча,
Как прославленных, окровавленных,
Как затворников и как столпников,
Как отцов наших, сыне божий, твоих последователей,
Непоколебимо мужествующих, безупречно мудрствующих,
Вступающих в битву смертельную
Против плоти страстной, властной, неистовой,
Изгоняющих Велиара бесплотного,
Избавляющихся от брэнного бремени
Созерцанием поприща, смертью попанного,
Вопреки телу, ковчегу коварному,
Уповающих, переплывающих
Бушующее море мира сего,
С легкой душой стремящихся

К пристани, к пристанищу спасительному
Горнего взыскующих, пройденным пренебрегающих,
Бесстрашно венчающих торжеством свое чело,
Излучающих сияние прекраснейшее,
Ради моих сродников, а твоих угодников
Обрети, обрати меня, пропащего,
Отврати наказание!

* * *

К молитвам святых твоих, взывающих к небесам,
Чтобы простилась мне там земная моя вина,
Нечистая речь моя присоединена;
Так затаена горечь в сладком вине;
Так сочетается нежный цветок с шипом,
А красота с горбом;
С жемчугом — ил,
С чистым золотом — прах,
С дорогим серебром —
Грубый камень в горах;
С правдой — сомнение, низкий расчет с добром;
Мягкий хлеб с песком,
Похрустывающим на зубах.
Ты, всевышний, ты, всемогущий, ты, всеблагой!
Твоим святым внемли ради меня,
Мне внемли ради святых твоих;
Твоим святым внемли ради славы твоей,
Мне внемли ради моей души,
Чье спасенье тебя прославит, мой Спас,
Благословенный, нетленный, несравненный господь,
Долготерпеливый, справедливый, предвечный творец,
Готовый ниспослать нам благодать,
Исток и предел всех добрых дел.
Ты не заточишь, ты вознаградишь;
Ты не уличишь, ты благословишь;
Ты не умертвишь, ты воскресишь;
Ты не мстишь, ты простишь;
Ты не сокрушишь, ты укрепишь;
Ты не сразишь, ты защитишь;
Ты не уязвишь, ты исцелишь;
Ты не огорчишь, ты усладишь;
Ты не омрачишь, ты просветишь;
Ты не сотрешь письмен, ты писать предпочтешь;
Ты не убьешь, ты спасешь;
Ты не толкнешь, ты вознесешь;

Ты не пытал, ты напитал;
Ты не утешал, ты утешал;
Ты не растоптал, ты воспитал;
Ты не разобщал, ты приобщал;
Ты не сводишь с нас глаз,
Ты творишь лишь добро;
Ты не приговоришь нас, пречистый Спас;
Ты нас не приговозишь, ты нас освободишь.
Ты спаситель! Кто тебя оскорбит?
Ты даритель! Кто тебя обличит?
Ты целитель! Кто тебя уязвит?
Ты ревнитель! Кто тебя обвинит?
Ты хранитель! Кто тебя умертвит?
Ты учитель! Кто тебя посрамит?
Ты примиритель! Кто тебя победит?
Ты благотворитель! Кто тебя обольстит?
Ты зиждитель! Кто тебя омрачит?
Ты вседержитель! Кто тебя очернит?
Ты промыслитель! Кто тебя хулит?
Слышнее хвала, когда посрамлена хула.
Ты, всемогущий, грехи мои отпусти!
Ты, милосердный, долги мои мне прости!
Меня, преступника, ты вознеси, всеблагой!
Богоотступника ты, пресвятой, спаси!
Я земная персть,
Но преобразишь ты меня своим перстом.
Тебе, господи, спасти меня легче всего;
Для меня, грешного, нет ничего важней:
Ты, сотворивший меня
По образу и подобию своему,
Свой образ во мне яви,
Грешную тьму рассеяй,
Оживи меня благодатью твоей,
Целительный, очистительный свет!

* * *

Не сокращай моих дней,
Не приближай последнего дня,
Не посылай меня в последний путь
Без проводника:
Слишком далека дорога, слишком страшна.
Желчью не утоляй жажды моей,
Твоей благодати не лишай меня,
Не позволяй смерти напасть на меня в ночи,

Как нападает враг;
Не иссушай моих корней,
Когда меня сушит жар;
Не подвергай меня влиянию лунных чар;
Не подавляй меня льдами грехов моих;
Не сокрушай меня потоками бытия,
Чья струя смывает меня;
Не допускай гибели моей,
Не оставляй моего разума во тьме,
Которой окутана смерть;
Не покидай меня во сне, дабы проснуться мне;
Не дай мне задремать, когда я в западне;
Не обрекай меня кончине в постыдный час,
Когда грех со мною наедине;
Не отвергай моей души,
Которую ты спас.

* * *

Ты господь сострадательный, снисходительный,
Рачительный, победительный, восхитительный,
Недостижимого таинственно достигающий;
Прощающий, укрощающий, спасающий,
Воскрешающий, просвещающий,
На подмогу поспешающий,
От хищных челюстей избавляющий,
Из пасти змеиной вызволяющий,
Жизнь возвращающий, вознаграждающий,
Из бездны к свету препровождающий
Захлебывающегося в грехах своих,
К безгрешным приобщающий,
Духи, земные ли, небесные ли,
В тебе нуждаются, тобою освобождаются,
В грехах ли коснеющие, святостью ли пламенеющие,
Властелин ли, простолюдин ли,
Княгиня ли, рабыня ли,
Дух всякой человеческой плоти в руке твоей,
Тебе, отцу твоему, святому духу твоему
Хвала во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 83

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Всевышний, непостижимый,
Могущество устрашающее, владычество вездесущее,
Величие горнее, бестелесных сотворение,
Сил небесных воцарение,
Светочей воспарение, вселенское одухотворение,
Врагов покорение, всеобщее примирение,
Пресветлое лицезрение, отрадное озарение,
Пути спасительного проторение,
Жизни предварение, первичное умудрение,
Бескорыстнейшее дарение, покоя водворение,
Надежное заверение, всепобеждающее борение.
Ограждающее горение,
О ты, яростью гнева не возмущаемый,
Ради книги моей, ради скорбных песнопений сих,
Не забудь моих недругов,
Братьев моих во человечестве,
Но лишь для того, чтобы ниспослать им благодать,
Прощение и милосердие.
Любя меня, меня храня,
Не карай, господи, тех, кто против меня,
Как будто они против твоих святых,
Нет, не взыскивай с них,
Как будто они злодеев клянут,
Непогрешимые в своей правоте.
Когда я вместе с ними предстану перед тобой, судья
праведный,
Не окажется ли, что их вина чуть видна,
Тогда как они были правы, меня виня, кляня и гоня,
Ибо в чем только я не виноват перед тобой, всеблагой!

* * *

Сопоставь же, господи, себя, величайшего,
И меня, жалчайшего: я мал, но я тебя молю
Ублаготворишь моих гонителей,
Когда ты врагов твоих милуешь,
Не только не наказывая их,
Но и в чудесах несказанных им не отказывая.
Не истребляй, нет, исправляй кусачих злоязычников,
Избавляй от плевелов земных, но не испепеляй,
Добро вселяй в меня и в них,
Ибо ты свет и упование,
А я бред и беснование;
Ты благодатнейший и достохвальный,
А я развратнейший и печальнейший;
Ты властвуешь над земным и неземным;
А я дрожа дрожу, себе не принадлежу;
Ты всевышний: тебе чужда нужда;
А я всего лишившийся, утраченный;
Ты, беспредельный свет, превыше земных бед,
А я, скудельный, плох, как всякий прах;
Ты, согласно пророку, неизмеримая высота,
А я, согласно тому же пророку, прильнул к земле в
смертельной кабале.

Нет в тебе мрака, вероломства нет;
А я в них весь, я убог, потерял я залог.
Из тюрьмы освободи, путы разорви,
Вериги разбей, удушье мое преодолей,
Муку мою приостанови, колодки мои сокруши,
Заботы прогони, сомненья развей,
Грусть мою излечи, тревогу рассеяй,
Печаль мою утоли, напасти удали,
Меня, скорбящего, исцели, вопящего развесели,
Молящего умили, голосащего улади!
Промыслитель сострадательный, повелитель благодатель-
ный,

Искупитель, не презирай, не теряй
Меня, кровью твоей спасенного,
Предотврати гибель мою,
Когда смертельный берег язвы мои берет!

* * *

Торопятся, копятся годы, круговорот невзгод,
С тех пор, как вышел я на свет себе во вред в суете сует,
Я, репей на материнском лоне, исчадие греха;

Хоть из жалости жалом жестоким не уязви меня,
Как подтачивал ты дом Иудин и племя Ефремово!
Когда в душе моей, добром засеянной,
Зло проросло,
Жгучий колючий бурьян, дремучий дурнопьян,
Согласно писанию, предвосхитившему благую весть,
Душа моя отвратной ниве уподобляется,
Где сорняки стрекаются, проклятые подстрекатели,
Кривду посеял я, как пророк Осия сказал.
Что же теперь мне жать, каков урожай жизни моей?
Девственные сосцы души моей растленны,
Как об Израиле сказал пророк.
Ты, господи, один им девственность вернуть бы мог.
Расстелить, растлить постель воли моей готов.
Я, как Иуда, ради блуда с дьяволицами,
А твоя рука меня целомудрием целит.
Если в браке телесном с пророком
Блудница вновь стала чиста,
В сочетанье духовном с тобою, Спаситель,
Я превзойду мою прежнюю чистоту.
Если солнце твое бездушное, душевное, тебе послушное
Освещает, насыщает лоно земли,
Очищает от грязи, возвращает ростки,
Не ты ли, всетворец, божий дух,
Очищаешь меня от всего потного, болотного, животного,
Так что высыхает сукровица мерзостей моих;
И за моих ненавистников молюсь я прежде всего,
Чтобы не отверг меня разоренного, укоренного, к смерти
приговоренного

Твой взор взыскующий,
Ты, всемогущий в благословенном твоём сострадании,
Возроди же меня, грешившего всем существом,
Всеми телесными членами, всеми порывами моей души,
Чтобы мне вечно мыслить угодное тебе.
Нам природа велит желать благодетелям нашим добра,
И врожденной склонности нашей следовать нам вольно;
Для первой заповеди каждый созрел,
А вторая заповедь, верная первой,
Уподобляет нас божеству,
Посему молюсь я за моих гонителей — обвинителей
Прежде, чем за моих радетелей — благодетелей.

* * *

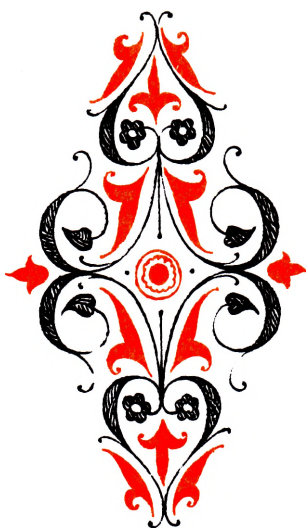
Однако вспомни теперь и о них,
За каждое благодеяние дважды вознагради
Тех, кто во имя твое, всевышний, призрели меня,
презренного.

Ты, даритель, благотворитель, промыслитель,
Их, как пророков и праведников, отметь;
Хотя нечем похвалиться мне самому,
Я подтверждаю их веру, надежду, любовь.
На меня, преступного раба, взирают они одобрительно,
Как будто моя душа — сокровище святых даров.
Для меня обреченного, избличенного,
Твой взор-укор, беспристрастие твое — смертный приговор,
А твое милостивое посещение — отрадное очищение,
И тобой отмечен, я излечен, безупречен я перед судом твоим.
Если твои присные,
Взирая на мое монашеское одеяние,
Усматривают лишь сияние,
Как будто нет у меня скрытых язв
И я, прокаженный, блажен,
Ты, блистательный, изобретательный, пронизательный,
Всемиловитый, вняв стону моему,
Преобрази меня, злосчастнейшего,
Согласно их чаянью.
Одари, озари блеском твоим немеркнущим
Их в неугасимых венцах твоих,
Когда настанет страшный день
И с каждого строго взыщется.

* * *

Так ты сулишь отпущение, восхищение,
Клады отрады, благодать неисчерпаемую
Мне, рабу изголодавшемуся,
Чье обогащение — приобщение к слову твоему,
Вечное насыщение, а не истощение,
Возведи ради меня плотину несокрушимую,
Утверди основу непогрешимую,
Возроди надежду неустрашимую,
Ниспошли оборону непреодолимую,
Мне, зашатавшемуся, ограду неколебимую,
Мне, заметавшемуся, лампаду неугасимую,
Мне, разрывающемуся, отраду невозмутимую,
Мне, исстрадавшемуся, награду неисчислимую,

Мне, заждавшемуся, подмогу непобедимую,
Мне, заблуждавшемуся, дорогу неизгладимую,
Ибо все это тобою создано и твоею же рукою роздано
Небу на потребу, на благо всем существам,
И тебя подобает воспевать во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 84

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Царь небесный, миродержавец горний,
Повелитель тварей, прибежище единственное,
Творец видимым и невидимым,
Начало первоначальное, осуществитель будущего,
Распространитель сияния,
Воспламенитель зари,
Хранитель предстоящего,
Проводник вечера, родник ночи,
Художник изощреннейший,
Мыслитель совершеннейший,
Очищение благословляющий,
Грехи расплавляющий, беды удаляющий,
Изъяны исправляющий,
Покоем одаривающий,
Усыпление измысливший, спать заставляющий,
Сны ниспосылающий, дыхание углубляющий,
Бденье продлевающий, одурь преодолевающий,
Наваждению противоборствующий,
Пробуждению способствующий,
Скорь в радость претворяющий,
Томление унимающий,
От морока избавляющий,
Бури успокаивающий, чародеев ужасающий,
Дьяволов наказующий, порчу изгоняющий,
Прельщенье преодолевающий!
Защити меня рукой твоей, создавшей небеса;
Восстанови меня твоей десницей вознесенною,
Осени меня крылами твоими всеобъемлющими,
Сохрани меня твоим святейшим промыслом,

Вверх меня опеке небесных сил;
Расположи вокруг меня твоё воинство бессмертное;
Соблюди меня в кругу твоих ангелов;
Сокруши супостата моего натиском ревнителей твоих;
Молитвами пречистой матери твоей спаси меня;
Оцепи меня строем первородных стражей твоих;
Прозреньем одари, озари мой лик и мой дух;
Дарованьями духовными
От страстей тяготящих освободи меня.
Дай душе моей избыть истому гнетущую,
Телу моему забыть свою тяжесть проклятушую,
Духу моему возлюбить зарю твою, в милосердии цветущую;
С восходом твоё солнце правды
В замкнутое сердце мое впусти,
Лучом твоего величия
Предел мысли моей просвети;
Тело мое и душу мою
Вездесущим крестом твоим запечатлей,
Днесь вверяю тебе тело мое,
Скинию, тобой воздвигнутую,
Где моя душа — священнослужительница,
Ибо ты бог непостижимый,
Все заполняющий, весь во всем,
Благословенный во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 85

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

А теперь, когда наше чуткое бдение —
Для тебя глубина сна
И, напротив, тишина глубочайшего сна,
Если в тебя веровать праведно,—
Бдение вперенных в тебя зениц и недвижных ресниц,
Духом твоим умудри, наставь, направь
Рукописанье мое, как мой молитвенный вопль,
Вдохнови, господи, доблесть мою на подвиг сей,
К моей немощи снизойди,
Раздели со мной начинание мое;
Искуснейший, мне пособи в замысле моем,
Чтобы не запнуться, не затянуться,
Вполне развернуться ему;
Благослови меня достигнуть с радостью конца
И по воле твоей чаемое обрести;
Не оставь меня в дороге, которой бреду,
Чтобы насущного я искал, алкал, возносясь;
Держись правее меня, когда мне грозит провал;
Отзовись, когда я в смертельной тоске,
Коснись меня, когда я вот-вот пропаду,
Склонись надо мной, когда я попаду в беду;
Препоны непреодолимые сгладь,
Как Аввакуму, мне рачительного ангела пошли,
Внуши мне слово твое, когда на суд меня призовут;
Привей мне мысль, чтобы ей зреть и мне узреть истину;
Облаком твоим чудотворным оборони меня,
Крестом твоим животворящим
Бушующее море мира сего умиротвори;
Властью твоей укори, покори его, как жизнь дольную мою,

Если ты, господи, соблаговолишь,
Неудержимая зыбь застынет и станет незыблемей скал;
А если ты землю оставишь,
Растопятся недра,
Останется топь вместо почвы, пучина и зыбь.

* * *

Прими же, Иисусе, книгу сию смиренную,
Как боговдохновенную,
Преврати мою погибель оглашенную
В надежду совершенную.
Как в пору потопа, уничтожившего все,
Беспечные, сумасбродные обитатели
Всей протяженной земли
Пропали пропадом, лишенные благоденствий твоих,
А те, кто в укрытии ковчега, крытого деревом
И державшегося деревом на волнах,
Выдержали потоп, ибо имя твое, милосердный, опора
надежная.

Так меня поддержи, жалобно стонущего, вечно тонущего,
Бережно к берегу мира препроводи меня!
Посвящая тебе духовные плоды благодати твоей,
Сбросив бремя долгов, тяготивших меня,
Как притчей твоею возвещено,
К тебе припадаю, впадаю в тебя,
Чтобы веки не отпасть,
Господи, благословенный во всем!
Да присоединятся к молитве сей
Небесные, бестелесные
И земнородные мученики, огнем и водою питанные,
Исходом освобожденные, вознагражденные.
Да помолятся за нас,
Да завещают нам заступничество,
Взывая с нами заодно: гряди, гряди! Аминь.

ГЛАВА 86

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Внимая моим рыданиям нескончаемым,
В различных ладах явственно различаемым,
Смилуйся над каждою душой,
Царь прославленный, многомилостивый,
Прежде всего над теми, чье упование спасительное
пресечено;

Над теми, кто в небрежении почил;
Над теми, чьи светильники за неимением елея не горят.
Помяни, господи сострадательный, каждого изнывающего
И не отринь меня к тебе взывающего,
Ибо в твоём чудотворном страшном величии
Ты сочетал в человеке противоположное:
Тяготящее и летящее, леденистое и огнистое,
Чтобы стихия стихию смиряла,
Умеряла, с нею сталкиваясь,
И в нас царил бы незыблемый строй,
И пока в стихийном нашем воспарении
Памятуем в смирении, что мы скудель,
Мы в борении увенчаны,
Но как только мы пренебрегаем уставом союза сего,
По нашей плотской скотской склонности мы скользим в
прах

И к перегнуто прилепляемся,
Кто в своей слабости, кто в ярости своей,
Кто в чревобесии, падком на лакомства,
В плотоядном и прожорливом зверстве, сседающем нас;
Но порой из четырех стихий одна
Взрывается, срывается, ввысь порывается,
Забывается в диком бешенстве,

И когда возгорается в нас огонь,
Пламенея любовью к тебе,
Стужа, в нас присутствующая, пламени сопутствующая,
Горению препятствует, любви не благоприятствует,
Воздух окрыляет нас, ангелам уподобляет нас,
Но где стихия тончайшая, там плотнейшая земля
Не оставляет нас, падать заставляет нас.

* * *

Ныне окружен я, сражен, искажен;
Нет на мне лица, напастям нет конца,
Терзают меня, беглеца,
Подавленного, обесславленного, окровавленного,
И я смертью заморожен;
Истомленный, обделенный,
Взыскуя лишь состава твоего,
Посрамленный, всеми грехами обремененный, плененный,
Молюсь я за всех мертвецов,
Сиречь за твоих жильцов истинных,
Один лишь ты достаточно искушен
Для того, чтобы тобою был воскрешен
Вечным сном заснувший, как я, в пагубе потонувший;
Нет препон для тебя:
Твое соизволение — осуществление,
Превосходное, свободное, ибо угодное тебе.

* * *

Ныне, когда совпадают две сии милости обновляющие,
Решение и свершение,
Да истребится скорбь,
Гнеущая грешных из рода в род,
И по воле твоей да воцарится сияние благовествования,
Целительное для душ,
Когда ты соблаговолишь,
Миродержитель вездесущий,
Благословенный во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 87

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

А теперь, когда близится скончание
Моего смиренного завета, скорбных песнопений сих,
Пресеки, господи, мои скверные поползновения,
Как я прерываю мой молитвенный,
Меня же бичующий стих.
Ты же сам провозгласил
Завет благовествования в уповании, говоря:
«Нет воли отца моего,
Чтобы погиб один из малых сих»;
И снова: «Воля моего отца
Не погубить никого из тех, кого дал он мне».

* * *

Ныне в благоволении твоём прославляемый,
В смирении твоём благословляемый,
В долготерпении твоём восхваляемый,
В явлении твоём осмысляемый,
В искуплении уловляемый,
В дарении неисчерпаемый,
В парении твоём величаемый,
В лицезрении почитаемый,
В спасении обретаемый,
В умилении желаемый,
В отдалении созерцаемый,
В просветлении воспеваемый,
В избавлении незабываемый,
В повелении твоём распознаваемый,
В заступлении твоём призываемый,

В нетлении твоём сладостным вкушаемый,
Во имя отца твоего небесного провозглашаемый,
Духом твоим святым завершаемый,
Ты заповедал:
Если осел врага твоего упадет,
Грех бросать его;
А если человек падет по разумению,
Грех не спасать его,
Твои дары, самодержец, подавляют меня;
Твоя доброта, несравненный, превыше небес,
Вечными певчими провозглашена;
Через них, ради них, ради мучеников молящихся
Удостою принять и мой взывающий глас
Как благоухание, тебе угодное;
Ради молитвы сей умиротворяющей,
Избавлением обнадеживающей,
Излечи, всемогущий, мои предшествующие грехи,
Язвы скрытые,
Грехи мои последующие и последние,
Для тела и для души смертельные,
Наружные и незримые,
Кровоподтеки, ссадины, трещины, затрещины,
Бальзамом сострадания твоего пользуй меня,
От укусов томящих, клеймящих,
Раздражающих, поражающих,
Искажающих наперекор тебе.

* * *

И если я дотащусь до преклонных лет,
Напутствуемый тобой,
Хотя, кроме смерти, не заслуживаю ничего,
Не оставь моей нищеты,
Не поругай моей седины,
Не карай виноватого,
Не попирай горбатого,
Не унижай придурковатого,
Не обижай подслеповатого,
Не задувай огонька плоховатого,
Не задевай одутловатого,
Не раздевай на морозе бесноватого,
Да не портится дом в небрежении,
Ветшающий образ в унижении,
Жир в разжижении,
Блеск в сожжении,

Старина в разложении,
Челн души моей в погружении,
Нить надежды в натяжении,
Вервие пути моего в продвижении,
Мысль в напряжении,
Естество мое зыбкое в скольжении,
Крылья мои линючие в изнеможении,
Красота в искажении,
Луч в разрежении,
Окна очей моих в смежении,
Сияние в отражении,
Вещающий лик в ниспровержении;
Заклинаю тебя, всемилостивый,
Со всеми твоими праведниками молю тебя,
Вонми мне теперь,
Пока еще не поздно помянуть меня;
Согласно псалмопевцу, ты мой вожатый,
Ты мой Спас;
Как певца твоего,
Вырви меня из бездны колебаний и шатаний,
Где жутко мне;
Я не стою даже хлеба насущного,
Но тебе свойственно
Даже меня, неблагодарного, одарять;
Ты не скупись на щедроты дивные, неопикуемые,
Ты один в твоём долготерпении свершитель чудес;
С твоим отцом и твоим духом святым
Благословен ты во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 88

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Духом утрашен, сердцем сокрушен,
К тебе взывающий, слезы пред тобой ручьем проливающий,
Я как пророк Самуил
На тебя уповающий, воду почерпающий
И пред тобой возливающий,
Покаяние запечатлевающий этим знаменем:
Народ, искупающий свои грехи,
К стопам твоим спасительным приникающий.

* * *

Так прими же сии словопрения моего душевного борения,
Сии угрызения, причитания, терзания, как жертву мирную,
Как благоухание, приятное тебе, небесный царь,
Благослови, освяти Книгу скорбных песнопений сих,
Увековечь мою речь,
Как памятник, посвященный тебе,
Освященный тобой,
Дабы пребывать вечно перед тобой,
И взывать неумолчно к тебе,
Воспевать устами праведников тебя,
Ликовать в напевах ангелов твоих,
Торжествовать у подножья престола твоего,
Взмывать под сень святилища твоего,
Оевать благоуханием храм имени твоего,
Изливать благовоние на алтаре славы твоей,
Упоевать в сокровищнице твоей,
Пировать в хранилище твоём,
Завоевать слух различных племен,

Благовестовать различным языкам,
Знаменовать врата разума,
Запечатлевать преддверие чувств;
Вот живая собеседница,
Всех моих прегрешений наследница и вечная исповедница;
Смертный, буду я мертв,
Однако словеса книги сей
Жизнь мою сохраняют;
Да не обветшает книга сия, господи, по воле твоей
сохраненная;

Да восстает она против меня, грешного,
Неумолимее обвинителя,
Непримиримее ревнителя,
Неукротимее гонителя,
Яростнее притеснителя,
Безжалостнее казнителя,
Беспощаднее очернителя,
Нистовее губителя,
Отчаяннее оскорбителя,
Неотступнее укротителя,
Неподкупнее мстителя,
Язвительнее глумителя,
Свирепее разорителя;
Да прозвучит она
Трубным гласом на всю вселенную,
Возвещая вину мою несомненную,
Жалоба моя постоянная, покаянная.

* * *

Да рыдает писание мое,
Как я, моим голосом,
Обнажая постыдное,
Выражая уклончивое,
Раздражая зажившее,
Поражая ползучее,
Водружая поникшее,
Сокрушая сомнительное,
Разрушая замкнувшееся,
Обличая безликое,
Разоблачая скользкое,
Источая вкрадчивое,
Обозначая неуловимое;
Ради книги сей выявляться бы силкам,
Просветляться бы гиблым престелям,

Вправляться бы прежним вывихам,
Исцеляться бы моим иссохшим костям
В сокровищнице, где восторжествуешь ты,
Жизнедавец Христос!
В пору, когда вернется жизнь,
Когда проснется, встрепенется, всколыхнется свет,
В блистательный день весны
Оросит, воскресит меня бессмертное спасение,
И непрерывно порываясь к небесам,
Духом я произрасту,
Потянусь к тебе моими отпрысками,
Летом зеленый, цветом не обделенный,
Согласно Писанию, в котором упование,
Благовествование твое,
Тебе, Спасителю духу твоему, от отца исходящему,
Державе единосущной, непостижимой, Троице твоей
Песнопение таинственное,
Прославление, благоговение. Аминь.

ГЛАВА 89

Слово из глубины души ко всевышнему

* *

Бог и господь, жизнь и творец,
Строй пресвятой, свет,
Благодетель, радетель, милостивец,
Незлобивый, правдолюбец, человеколюбец,
Благодатный Спас,
Благословенный, совершенный, бесценный,
Оплот сирот, свод щедрот,
Благодеяние вне зла,
Сияние вне тьмы,
Изъяны исправляющий, раны исцеляющий,
Преодолевающий невозможное,
Достигающий недостижимого,
Преодолевающий безысходное,
Имя твое возведено: «Божий сын»,
Тебе и с тобой заодно отцу твоему сильному, страшному,
Духу твоему всемогущему, чье величие твоему равно,
Прославление, пресуществление во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 90

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Боже, превозносимый превыше небес,
Один ты создатель, всемогущий господь,
Вознесение устрашающее,
Спасение утешающее,
Нисхождение воскрешающее,
Награждение возвышающее,
Провидение решающее,
Возлюбление восхищающее,
Заступление защищающее,
Высочайший, недостижимейший,
Сопутствующий, неотступнейший,
Кров надежнейший,
Прибежище сердец,
Развеивающий скорбь, утоляющий печаль,
Подавляющий уныние, удаляющий вину,
Насыщающий нужду, укрощающий страсть,
Поощряющий речь, усмиряющий уста,
Обучающий дышать, запрещающий говорить,
Сосредоточивающий мысль,
Отучающий вожделеть,
Прекращающий маяту,
Предотвращающий грозу,
Возвещающий тишину,
Ты, движущий кормилом послушного духа моего,
Промыслом твоим обращающий,
Возвращающий меня.
Вечно благословенный милостивец,
Ты, в твоей кротости чуждый гордости,
Обитающий в душах святых

Среди несказанных чудес и улад;
Ты властелин тварей,
Сострадающий всем и всему;
Исток ты, глашатай, вожатый любви,
Путь жизни, ведущий бережно
Меня, паломника, в твою лучезарную высь;
Ты, оплот, без которого я бы, падший, пропал;
Ты, надежду предопределяющий,
Ты, подтверждающий чаяния тех, кто взыскует ощупью,
Ты, странноприимец, оберегающий почиющих от проклятия,
Ты, избавитель, на благодать не скупающийся,
Спасение безвозмездно ниспосылающий,
Ты, преизобильный, никому не завидующий,
Наделяющий мою скверну бренную, тленную блеском твоим;
Ты, горение неизменное,—
Для меня, жалкого, одеяние драгоценное,
Ты, озарение священное,—
Для меня преображение совершенное,
Ты, дарение откровенное,—
Для меня воспарение незабвенное,
Ты, умудрение проникновенное,—
Для меня, опального, обретение света первоначального,
Ты, исход безошибочный,
Возвещающий благо заповедное;
Ты, награда влекущая,
За которую с восторгом душу отдам,
Лишь бы встретиться с тобою, бог живой;
Ты, решение непререкаемое,
Отпускающее мне грехи, как и меня, невольника,
Ты, достойный прославления,
Ты, безотказный животворящий бальзам,
Чудом помогающий даже разложившимся телам;
Ты, явно сотворивший всех:
И тех, кто в огне сгорал,
И тех, чьим прахом играл вихрь,
И тех, кого задрал вебрь,
В одно мгновенье ока вновь оденешь, наделишь ты
Их телами исцеленными,
Доблесть непревзойденная,
Которой хвалиться надлежит.

Посмотри, всевышний господи, с кротостью бдительной
 На меня, погибающего, изнемогающего,
 Усмири нежностью — безмятежностью
 Мои вопли слезные, неумолчные;
 И полки супостатов моих,
 Неистовых ли, вооруженных ли до зубов
 Дьявольскими ухищрениями,
 Яростных ли в коварстве воинствующем,
 Столпотворение соблазнов развращающих и

отвратительных,

Призраки — признаки хворей заразительных и губительных
 Удручи, разоблачи, растопчи, расточи, заточи
 В недостижимом отдалении,
 В нескончаемом изгнании,
 Где нет прощения, где гибель вечная,
 Учреди, возведи святыню животворящую,
 Непрístupную твердыню, знаменье креста твоего
 Ради меня, твоего приверженца,
 Избавитель, искупитель мой!
 И да будут сими хитростями непобедимыми,
 неотвратимыми, неукротимыми

Подавляющей мощи твоей
 Сокрушены ловушки сатаны.
 Разорены приспособления,
 Разоблачены уловки,
 Посрамлены ковы,
 Извлечены крючки,
 Удалены удилица,
 Расплетены путы, спалены сорняки,
 Отлучены пособники угнетателя,
 Пресечены лукавые посягательства беспощадного врага,
 Отражены наскоки клеветника,
 Раздроблены клинки лжецов,
 Предупреждены науськивания злобствующего,
 Разрешены узы погубительные,
 Совлечены личины поддельные,
 Прекращены нападения захватчиков,
 Устранены подразделения лазутчиков,
 Распылены скопления грабителей,
 Устранены оплоты возмутителей,
 Преграждены пути поработителей,
 Предотвращены грозы наветчика,

Поглощены, истощены соки совратителей,
Запрещены потуги наглости,
Расщеплены древки хоругвей, сбивающих с пути,
Разобщены ряды надмения,
Разоружены войска воинствующих,
Разъединены зримые и незримые рати нечистого,
Обращены в бегство по семи путям сомнения,
Совращены, в яму, вырытую ими же для меня, завлечены,
Льды гнетущего в жижу превращены,
Узы, с каторжником связующие меня, преодолены,
Лобзания развращающие искуплены,
Лучники враждебные побеждены,
Корабли зловредного волнами осажжены,
Челюсти терзающего повреждены.

* * *

Во имя животворного, чудотворного древа твоего,
На котором ты, необъятный, муки претерпел,
Во имя твоих гвоздей,
Которыми тебя терзала смертельная снасть,
Ты, создавший твердь и хлябь,
Во имя твоей крови божественной,
Наживки, на которую попался Змей,
Во имя желчи, выпитой тобой,
Чтобы отраву вражескую изрыгнуть,
Во имя благовествования, посвященного казни твоей,
Которой ты противнику пасть заткнул,
Низость его поругав;
Во имя твое, неизреченнейший,
От которого устрашение и поношение
Тварей видимых и невидимых,
Всеми этими милостями меня, верного тебе,
Огради, возроди, награди,
Змея — губителя,
Всемирного прельстителя-отравителя изведи!
Самого дьявола истязанью, терзанью, наказанью обреки,
Милосердием твоим, творец, не оставь меня,
Дыханье моей души восприми,
Не покинь его впредь, не отринь!

* * *

Кто бы голосом горестным к тебе не взывал,
Умоляя, моля, молясь,
Муж преклонных лет, дитя, юница, юнец
Или твоя преданная раба,
Кто бы ни был молящийся, ниспошли ему
Блаженство, совершенство, искупающее долги,
Чтобы воссоздать в незапятнанном обновлении
Образ и подобие нетленного лика твоего.
О премудрый, самобытный, могущественный,
Неизъяснимый, недостижимый, неуправляемый,
Рассмотри сии вопли длительные,
Доносящиеся к тебе, пронзительные,
Во имя отца твоего, в небесах царящего,
Во имя духа твоего святого животворящего,
Молитвами богоматери твоей,
Мольбами всех святых твоих,
Ты, первооснова бытия, ты, подвигший бытие,
Ты, вездесущий в бытии,
Ты, всеми воспеваемый,
Ипостась единосущная вечной Троицы,
Державный, отцу и духу святому равный,
Славься во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 91

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Господи, господи сострадательный,
Боже благодательный, наименование властное,
Взывание сокрушающее, предзнаменование грозное,
Благовествование недосягаемое,
Призвание устрашающее,
Дарование восторгающее,
Упование утешающее в милосердной кротости,
Перед именем твоим, охваченные ужасом,
Все творения твои всем существом своим содрогаются,
Цепenea перед грозою твоей;
Крылья серафимов напрягаются,
Херувимы остерегаются,
Хоры ангелов ниц повергаются,
Все начала восторгаются,
Славословия всеобщей радости слагаются,
Низвергаются дьяволы, разбегаются разбойники,
Пугаются духи, мраком прельщенные,
Застигаются врасплох приспешники ненашего,
Крестному знамени покоряются захватчики,
Амаликитяне злобные в преисподней караются,
В колодках смиряются ненавистники,
Рати губительные в застенок водворяются,
Воители нечистого в подземельях твоих теряются,
Укоряются онемевшие ругатели,
Изнуряются в узилищах недруги незримые,
Ударяются оземь скованные навеки вестники антихристовы.

* * *

Вот персты мои,
Знаменующие ночь твоим крестом;
Ты, вездесущий взор,
В недосыгаемый свет одет,
Мирно почиющий там, где нет мракобесия,
Осени меня, взывающего, изнывающего,
Крылами твоими, могущественный;
Избавь меня от морока морящего;
Проясни зрение — горение сердца моего;
Оборони меня деревом жизни твоей от гроз — грёз,
Храни обитель мою кровью твоей,
Огради током ребра твоего мой порог;
Утверди мой кров очертаньями твоего креста;
Образом твоих спасительных страстей мой взор вооружи;
Снастью, казнившей тебя, косяк двери моей сторожи;
Дерево благословенное, чей плод — моя вера с надеждою,
Воинством твоим окружи!
Душегуба крестом твоим, господи, прогони,
Светоносца беспрепятственно пропусти,
Болезнями невыносимыми меня не тяготи,
Вместе с ними грехи мои тяжкие отпусти,
Чтобы на ложе молчания, где сосредоточен мой ум,
На одре покоя моего,
Перебрав горькие плоды моей беды,
Я покаялся тебе, всеведущий,
В неисчислимых разновидностях
Тягчайших беззаконий моих.

* * *

Дай отдохнуть мне от моих работ, забот, хлопот,
От моей изнемогающей души гонения, сомнения отврати,
Страдание с томленьями,
Рыдание с горькими сожаленьями,
Холодание с воспаленьями,
Гадание с озлобленьями,
Воздыхание с посрамленьями,
Затухание с отравленьями,
Попрание с преступленьями,
Умирание с оскорбленьями,
Поругание с глумленьями,
Содрогание с вожделеньями,
Помоги моей беззащитной слабости, моей постыдной
робости,

Десницею благословляющей,
Дланью обновляющей,
Рукою исцеляющей,
Властью просветляющей,
Жизнью вдохновляющей,
Красотой умиляющей,
Сутью направляющей, высью впечатляющей.
Уйми вопль мой душераздирающий,
Меня самого изнуряющий;
Преодолей происки гонителя,
Древние наветы обвинителя,
Подстрекательские посулы соблазнителя,
Наваждение обольстителя,
Лицедейство совратителя,
Чародейство вкрадчивого растлителя.
Здесь, где удовлетворение и умиротворение,
Избавь меня от бредней досаждающих,
От призраков угрожающих,
От падений повреждающих,
От заблуждений всепобеждающих,
От запинаний предупреждающих.
Следи, чтобы меня, виновного,
Не завлекли мысли вздорные,
Страсти тлетворные, похождения позорные,
Забавы зазорные, травы сорные,
Тропы торные, речи спорные;
Защити меня, верующего,
Душу свою и тело очищающего,
От летучих дождей, от жгучих лучей,
От бурных морей, от злобных царей,
От хищных зверей;
Когда смежаются очи мои,
Сердце мое в слепоте да не затворяется,
А, напротив, да загорается, расширяется,
Озаряется, водворяется
В неугасном пламени твоём, господи Иисусе Христе,
Словом твоим соблюди келью мою
От надувательства, от укрывательства,
От издевательства, от подстрекательства,
От ласкательства, от надругательства,
От посягательства на тебя!
Воинству твоему небесному вверх меня,
Господствам, началам, силам
Незримым, необоримым,
Невозмутимым в своей преданности божеству.

Да бдят надо мной апостолы в благовествовании,
Пророки в обетовании,
Праведники в даровании духовных благ;
Когда я засну, по тебе томясь,
Да проснусь я в незыблемом уповании;
Когда забудусь я, измученный,
Да воспряну я в душевном ликовании.
Когда я почию в грехах моих,
Да поднимусь я,
Обретая чистоту в счастливом предзнаменовании.

* * *

Прими же мольбы голоса моего рыдающего,
Ты один многомилостивый,
Во имя святой пречистой богоматери,
Во имя всех тобою избавленных, наставленных и
прославленных.

Слава тебе всеобщая,
Мною возглашаемая
В хоре святых бессмертных ангелов,
Песнь отцу твоему, господу нашему,
Святому духу твоему, творящему, животворящему
Во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 94*

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Боже предвечный, всесильный и всеблагой,
Ты, сотворивший свет, ограничивший ночь,
Жизнью поправший смерть,
Сиянием преодолевающий тьму,
Упованием прославляющий,
Сомневающих не оставляющий,
Искусник, чья премудрость извлекает зарю
Из тени смертной ночной,
Восход неуклонный, которому чужд закат,
Самодержец преславный,
Сияющий вне облаков
Над существами коленопреклоненными,
Населяющими небо, землю и ад,
Ты, внимающий воплям пленников,
Созерцающий моления малых сих,
Милующий умоляющих,
Мой бог, мой господь, моя жизнь,
Мое местопребывание,
Мое упование, мое обетование,
Иисусе Христе, ты бог всех,
Ты святыня душ святых,
Твердыня для страждущих,
Благостыня для кающихся;
Ты провиденье, ибо ты провидишь еще несбывшееся;
Водвори меня под сень крепкой десницы твоей,

* Есть основания полагать, что главы 92 и 93 были включены в книгу позднее, поэтому они не входят в настоящее издание.

Избавь меня от ночного ужаса
И от наваждения сатанинского,
Чтобы вечным лобзанием души моей,
Каждым вздохом вождедеющим
Поминать мне святое, страшное имя твое,
Под покровом твоим обитать,
Как те, кто тебя величает всем сердцем своим.

* * *

Знаменательной печатью креста твоего,
Который кровью твоей обновляющей ты орошал,
Которым ты нас в крещении воскрешал,
Которым ты нас, уподобляя себе, украшал,
Сими святыми дарами уничтожь сатану,
Разорви его силки, останови его полки,
Притупи его клинки, прекрати его броски,
Развей мглу, рассея тьму, разбей тень;
Рукой своей одолей над нами грозу,
Нас десницей своею запечатлей.
Ты сострадание, ты наше оправдание;
Имя твое рабами твоими исповедано, проповедано,
заповедано.
Тебе, отцу твоему, святому духу твоему,
Слава и держава во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 95

Слово из глубины души ко всевышнему

* * *

Солнце правды, благодатное сияние,
Светоносное влияние, пламенно взыскуемый;
Превознесенный, непроницаемый,
Могущественный, неопиcуемый,
Упоение блаженное, упование совершенное,
Восхваление неизменное,
Царь торжествующий, Христос творец,
Жизнь благовестуемая.
Теперь обмолвки и промахи голоса моего увечного
Увенчай совершенством глагола твоего безупречного,
Вверх отцу твоему всевышнему
Мои моления, как прославленья,
Ибо ради меня ты был пытан, испытан проклятием,
В твоём незлобии, воистину в моём образе и подобии
Ты, жизнь, всецело благословенная,
Провидение бдительное, вездесущее,
Горних и дольних не покидающее;
Если ты изволил ради меня умереть,
Господи боже, не оставляющий никого,
Не снизойдешь ли ты скорее теперь
К моим недугам губительным,
Предстательствуя за меня, грешного,
В меня воплотившийся, вочеловечившийся,
Перед отцом твоим преславным, равным тебе.

* * *

Во имя крови драгоценной твоей,
Которую пролил ты, отчей воле следуя,
Да будут устранены угрозы, гнетущие меня,

Прощены долги, запрещены поношения,
Извинены обвинения,
Отменены обличения,
Умерщвлены черви, приглушены вопли,
Осушены слезы, прекращен скрежет зубный,
Преодолен страх, просветлен мрак,
Охлажден жар,
Сокрушены приспособления палаческие.

* * *

Да посетит нас твоя благодать,
О жизнедавец милостивый,
Озари твоим сиянием,
Одари твоим благодеянием,
Умиротвори твоим влиянием;
Торопи час твоего пришествия,
Окропи росой твоего благоденствия
Иссушенную ниву моих костей
В пропасти напастей губительных;
Да напоит почву мою почившую
Горняя чаша животворящей крови твоей,
Чтобы мне произрасти, процвести, плод принести,
Когда воссияет свет;
Чаша крови твоей, вечно проливаемой,
Ради исцеления, ради искупления,
Ради избавления почивших душ.
Так вот и моя душа,
Моим скверным телом убитая,
Да возродится, да утвердится
Милостью твоей, ты сострадательный,
Чтобы мне пробудиться
И освободиться от грехов моих,
Когда воскреснут праведники,
Мне обновленному, благословленному твоим отцом;
Слава ему с тобой и с твоим духом святым
В правом постижении
Ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СЛОВО О НАПИСАНИИ КНИГИ СЕЙ

Когда завершился круг и бег времен,
В движении поступательном,
Сопровождающих солнце,
Светило сотворенное,
Убыли не ведающее,
Красно сияющее, лучами озаряющее,
Свет внедряющее, дни отмеряющее,
Мрак побеждающее, взоры улаждающее,
Обретающее, сочетающее, нагнетающее
Множество лет,
На протяжении веков
В преходящей протяженности,
Рождений и смертей,
Когда минул девятый юбилей
И десятый начал близиться,
Согласно календарю народа нашего,
Племени Яфетова,
Через три года после того,
Как со стороны северной
Прибыл на восток
Победоносный и великий кесарь Василий,
Властелин римлян,
Рубежи державы своей отодвигая вдаль,
Беспрепятственно возводя
Вехи — столпы знаменательные,
Целым утесам подобные,
Куда бы ни простерлась рука его,
Верным вервием узы необозримые завязующий
Без малейшего преткновения,
Присоединяющий, объединяющий
Края и окраины различных стран
Словом, в тот мирный промежуток времени,
Когда враги церкви были ниспровержены и повержены,

Я завершил написание книги сей,
Учредил, оградил, соорудил, обрядил,
Взгромоздил, утвердил, обтесал,
Расписал, увенчал то, что людям предназначал,
Воздвиг единое здание,
Сие разнообразное плодотворное писание;
Я священнослужитель Григор,
Последний среди певцов,
Ничтожнейший среди мудрецов,
В сослужении с моим святым братом,
По имени Иоаннес,
Инок достойного достославного Нарекского монастыря.
Двое в одном лице,
Мы составляли одно мыслящее существо,
Не просто братья,
Одно дыхание в том же духе божественном,
В одном убежденные, одним вознагражденные,
Каждый своими зеницами,
Созерцавшие одну и ту же духовную стезю.
Ныне мы просим вас,
Отведавших за нашей трапезой
Вкусно, искусно приготовленных яств,
Помянуть нас в молитвах ваших богоугодных
И превосходных мольбах
С чистой любовью и подобающей добротой,
И да впишутся ваши имена
В Книгу Жизни, в небесный перечень.

СОДЕРЖАНИЕ

Лев Озеров. Поэзия души скорбящей 5

КНИГА СКОРБНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ

Поэма

Глава 1	19
Глава 2	21
Глава 3	26
Глава 4	31
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	40
Глава 8	43
Глава 9	45
Глава 10	48
Глава 11	51
Глава 12	55
Глава 13	58
Глава 14	60
Глава 15	63
Глава 16	67
Глава 17	69
Глава 18	72
Глава 19	77
Глава 20	81
Глава 21	85
Глава 22	88
Глава 23	91
Глава 24	94
Глава 25	98
Глава 26	103
Глава 27	107

Глава 28	112
Глава 29	117
Глава 30	121
Глава 31	125
Глава 32	129
Глава 33	133
Глава 34	138
Глава 35	146
Глава 36	149
Глава 37	151
Глава 38	154
Глава 39	157
Глава 40	159
Глава 41	161
Глава 42	163
Глава 43	165
Глава 44	167
Глава 45	170
Глава 46	174
Глава 47	177
Глава 48	179
Глава 49	186
Глава 50	189
Глава 51	192
Глава 52	196
Глава 53	199
Глава 54	203
Глава 55	206
Глава 56	210
Глава 57	213
Глава 58	216
Глава 59	219
Глава 60	221
Глава 61	227
Глава 62	231
Глава 63	233
Глава 64	237
Глава 65	240
Глава 66	244
Глава 67	250
Глава 68	253
Глава 69	256
Глава 70	259
Глава 71	262
Глава 72	267

Глава 73	270
Глава 74	273
Глава 75	277
Глава 76	290
Глава 77	293
Глава 78	296
Глава 79	300
Глава 80	304
Глава 81	307
Глава 82	310
Глава 83	315
Глава 84	320
Глава 85	322
Глава 86	324
Глава 87	326
Глава 88	329
Глава 89	332
Глава 90	333
Глава 91	338
Глава 94	342
Глава 95	344
С л о в о о н а п и с а н и и к н и г и с е й	346

Нарекаци Г.

Н 28 Книга скорбных песнопений: Поэма: Пер. с древнеарм. В. Микушевича./Предисл. Л. Озерова.— М.: Худож. лит., 1985.— 350 с.

Григор Нарекаци (951—1003) — великий армянский поэт X века. В своем главном произведении — «Книге скорбных песнопений» — он впервые в армянской литературе освободил поэзию от церковных канонов, наполнил живым содержанием и дал ей самостоятельную жизнь.

Н 4702080100-398 93-85
028(01)-85

ББК 84Ар1
С(Арм) 1

ГРИГОР НАРЕКАЦИ

КНИГА СКОРБНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ

Поэма

Редактор
А. Макинцян

Художественный редактор
С. Серебряков

Технический редактор
В. Нефедова

Корректоры
Б. Тумян, Т. Филиппова

Сдано в набор 26.04.85. Подписано в печать 13.09.85.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гар-
нитура «Тип таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л.
18,48. Усл. кр.-отг. 37,59. Уч.-изд. л. 17,9. Тираж
10 000. Изд. № IV—776. Заказ 426. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Художественная литература». 107882, ГСП, Моск-
ва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпро-
ма при Государственном комитете СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
143200, Можайск, Мира, 93.

